

Александр Атрошенко

ПОПРОСИ МЕНЯ

МАТРИАРХАТ
ПУТЬ ВОСХОЖДЕНИЯ
НИЗОСТЬ И ВЕРШИНА ПРИРОДЫ СТУПЕНЧАТОСТИ
И СТУПЕНЬ КАК АКСИОМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЦАРСТВА
СВОБОДЫ

КНИГА 4

18+

Александр Атрошенко

Попроси меня. Т. IV

«Автор»

2025

Атрошенко А. В.

Попроси меня. Т. IV / А. В. Атрошенко — «Автор», 2025

В книге заканчивается повествование о царствовании Петра I, описывается правления Екатерины, Петра II, Анны Ивановны, регентство Анны Леопольдовны над Иваном IV, Елизаветы, Петра III, Екатерины II. Затрагивается «Эпоха Просвещения», отторгнутая Церковью, наживая тем себе врага в лице просветителя-материалиста.

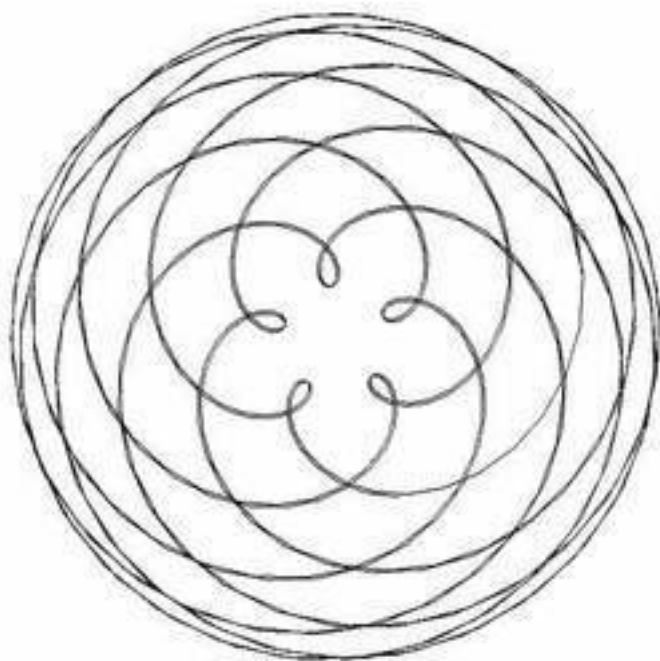
© Атрошенко А. В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ПЁТР АЛЕКСЕЕВИЧ (продолжение)	8
ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА	83
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Александр Атрошенко
Попроси меня. Т. IV
ПУТЬ РОССИИ

ПУТЬ МИРА

Повествование исторической и философской направленности разворачивает события истории России с позиции взаимоотношений человека с Богом. Автор приподнимает истори-

ческие факты, которые до сих пор не были раскрыты академической школой, анализирует их с точки зрения христианской философии. Например, образование Руси, имеющей два основания – духовное и политическое, крещение, произошедшее далеко не в привычной интерпретации современной исторической наукой, которое следует правильнее обозначить крещением в омоложение, чем в спасение, в справедливость, чем в милость, «сумасшествие» Ивана IV Грозного, который всей своей силой олицетворял это русское крещение, вылившееся затем все это в сумасшествие Смутного времени, реформатор Никон, искавший не новых начал, а старых взаимоотношений. Показывается, как русская система сопротивляется силе ее цивилизующей, впадая тем в состояние, точно сказанное классиком – «шаг вперед, и два назад» – в свою молодость, чему яркое подтверждение служит деспотичное и в то же время реформаторское правление Петра I, а затем развернувшаяся морально-политическая эпопея трилогии в лице Петра III, Екатерины II и Павла I. В представленной публикации приводится разбор появления материализма как закономерный итог увлечения сверхъестественным и анализ марксистского «Капитала», ставшее основанием наступившей в XX в. в Восточной Европе (России) «новой» эры – необычайной молодости высшей фазы общественной справедливости в идеальном воплощении состояния высокого достоинства кристаллизованного матриархата.

В книге заканчивается повествование о царствовании Петра I, описывается правления Екатерины, Петра II, Анны Ивановны, регентство Анны Леопольдовны над Иваном IV, Елизаветы, Петра III, Екатерины II. Затрагивается «Эпоха Просвещения», отторгнутая Церковью, наживая тем себе врага в лице просветителя-материалиста.

ПОПРОСИ МЕНЯ

4

***ИСТОРИЯ РОССИИ И МИРА
В ФАКТОРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ
ПРИРОДЫ БЫТИЯ, И ВМЕШАТЕЛЬСТВО
В ЭТОТ МИР ИЗОЛЯЦИОНИЗМА
БОГА-ТВОРЦА***

Я Господь, от начала до конца Я,
Я первый и последний. Я — Бог
ревнитель. Я скажу, Я определю, и
не раскаюсь в том, и не отступлю
от того. Слово — закон. Я Господь,
и это мое имя.

Я основал мир, Своим промыслом,
распростер небеса, создал землю, сот-
ворил человека, ввел ее пою, и опре-
делил ей меру. Я, Господь сделал это.

Я творю свет и произвожу тьму,
даю и отнимаю, питаю и насыщаю,
устраиваю и разрушаю, предсказываю
и исполняю. Я делаю это, Я — Господь,
и нет Господа кроме Меня.

Ты отступила от Меня, блуждаешь
во тьме. Мелы путаешься, как свет не
идешь. Разбилась лод, но упорствуешь.

Долго ли скитаться тебе? На что
надеешься? Стой у Меня подобно
блуднице, сховававшей свою мерзость.
Что же ты боишься? Законов ли Моих?
А кто Я запрещаю? Меня лишь чти.
Ты уповаешь на себя, на силы рук своих.
Вот Я говорю не тайно немощи
посвященным, не на ухо пустыннозем,
но открыто и во всеулышание, что от
века Я спасаю и благословляю, на-
полняя мир смыслом, Я, и никто
иной — Я, Господь, Бог

ПЁТР АЛЕКСЕЕВИЧ (продолжение)

*ОППОЗИЦИЯ. ДЕЛО ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ.
РЕФОРМЫ ВНЕШНЕГО ХАРАКТЕРА.
СТРОИТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА*

Пётр Великий! Кто не слышал о нем многочисленных рассказов? Ведь первые сведения о царе-преобразователе мы получаем еще в детстве. Как только произнесено это имя, перед нами предстает хорошо знакомый образ: высокая могучая фигура с орлиным взором, с крупными чертами лица, которые искажались иногда нервными судорожными конвульсиями – следствие кровавой сцены, пережитой на Красном крыльце в десятилетнем возрасте. Над всякой толпой, как бы велика она не была, царь заметно выдавался, будучи без малого в сажень ростом (2,04 м.) Когда на святой праздник он христосовался, а этот обычай он строго соблюдал, у него обыкновенно заболела спина, потому что к каждому, кто к нему подходил, он непременно нагибался¹. Когда он шел пешком, обыкновенно размахивая при этом руками, он делал такие крупные шаги, что спутнику, его сопровождавшему, приходилось бежать рядом с ним рысью. Царь отличался огромной физической силой, выковывал без труда железную полосу в несколько пудов весом и легко мог разогнуть подкову. Когда он хотел кого-нибудь похвалить и дружески потрепать по плечу, то удостоившийся этой царской милости не рад был и похвале. Пробелы своего образования Пётр восполнял в течение всей жизни, сохраняя трепетное отношение к знаниям, так, что даже и на его перстне и печати, которой он запечатывал отправленные им из-за границы письма, вырезан был девиз со словами: «Азь бо есмь в чину учимых и учащих мя требую» («Я ученик, и мне нужны учителя») и символическими знаками в виде различных рабочих инструментов, что в свою очередь сближает его с масонской символической атрибутикой образа рабочих инструментов. Пётр, посещавший часто за границу и принимавший множество иностранных специалистов, не мог не знать про масонство. Вряд ли он черпал от них какие-либо специфичные знания, скорее его просто манила внешняя схожесть его как плотника, как архитектора государства, и декларируемых масонами учение о великом архитекторе, образовавшего мир.

О противоречиях в Петре много было сказано. Например, он не мог вынести опыта под ласточкой, посаженной под колокол воздушного насоса, производимого придворным доктором Р.К. Арескиным. Когда воздух из-под колокола был вытянут настолько, что птичка зашаталась и затрепетала крыльями, царь сказал Арескину: «Полно, не отнимай жизни у твари безвред-

¹ Берхгольц: «Этот обычай тем приятен, что во всю светлую неделю можно целоваться со всеми женщинами, с которыми видишься. Сам император целуется с последним солдатом, если он, при встрече с ним, поднесет ему яйцо. Вообще его величество так преследует поцелуи, что он почти ни на минуту не может избавиться от них. В первый день праздника он, говорят, достаивает этой милости всех своих придворных служителей до последнего поваренка, и потому сегодня утром, как меня уверяли, в церкви так много целовался, что у него под-конец, от безпрестанного нагибания, заболели шея и спина, и он принужден был удалиться; известно, что его величество очень высок ростом, почему только весьма немногие могли целоваться с ним так, чтоб он не сгибался» (Дневник камер-юнкера Берхгольца. Пер с нем. И. Аммон. Часть вторая. 1722-й год. Издание второе. Москва, тип. Лазаревского Инстит. Вост. Яз., 1860, стр. 163).

ной, она не разбойник»², и выпустил птицу. В то же время мог совершенно спокойно смотреть на самые жесткие пытки и казни, которым подвергались те, кого он считал врагами своего дела. Расправляясь с взбунтовавшимися стрельцами, он собственноручно отрубил головы нескольким из них. Он был способен трудиться без усталости, но также и гулять без всякой сдержки. Он был способен предаваться разгулу, описание которого превосходит всякую меру воображения, на празднествах по случаю спуска нового корабля, когда гости напивались до того, что их выносили за мертвое, а иные и совсем отдавали Богу душу, и на собраниях всепьянейшего и всешутейшего собора, собиравшего под председательством князя-папы, его старшего учителя Н.М. Зотова, причем сам Пётр, выступавший в роли протодьякона, оказывался неистощимым в изобретательности, соединяя разные процессии и торжества для собора. То князя-папу должны нести на троне 12 плешивых кардиналов, а папа, снабженный особым молотком, должен во время движения прощения процессии стучать этих кардиналов по головам, то князь-папа должен переправиться через Неву в просторном чану, наполненном пивом, плавал по пиву на небольшом плотике, причем Пётр, в конце концов, все-таки не удержится и столкнет князя-папу в пиво, дав ему купанье. Непомерное знакомство с «Иваном Хмельницким», как называл Пётр вино, рано расстроило его здоровье. Он приходил в дурное расположение духа, становился раздражителем и тяжек для окружающих. Пётр не терпел невыполнение своих указов. Так, в 1722 г. праздновали заключение Ништадтского мира. Жена фельдмаршала Олсуфьева, немка, ожидавшая рождение ребенка, не явилась на маскарадную процессию, гулявшую более трех недель по Санкт-Петербургу. За это она должна была явиться в Сенат и выпить штрафное количество вина, причем, в которое была подмешана водка. На другой день у нее родился мертвый ребенок, но сама она осталась жива. Вместе с тем, Пётр привлекал к себе сердце правдивостью и любовью к правде. Неплюев, один из молодых людей, которые были отправлены для обучения за границу, вернувшись и сдавший экзамен, назначен был работать с царем на верфи. Раз, пропировав накануне в гостях, он опоздал на работу, пришел уже после государя, и до такой степени испугался, что хотел уже вернуться домой, сказавшись больным, но потом решил сказать правду, «и пошел к тому месту, где государь находился; он, увидев меня, сказал: "Я уже, мой друг, здесь!" А я ему отвечал: "Виноват, государь, вчера был в гостях и долго засиделся и от того опоздал". Он, взяв меня за плечо, пожал, а я вздрогнул, думал, что прогневался: "Спасибо, милый, что говоришь правду: Бог простит! Кто бабе не внук! А теперь поедем со мной на родину"»³.

Однажды в праздник Светлого Воскресенья Христова «Государь, усмотря в небольшом отдалении кучу народа стоявшую, пожелал узнать причину того, и увидел в середине оный работника с барок, лежащего пьяного, Монарх толкнул его слегка ногою, говоря: вставай, брат! но сей того не чувствовал. "Отнеси его, сказал Монарх офицеру, в караульную солдатскую, и положите на постелю; а когда проспится, дайте мне знать". После обеда донесено Его Величеству, что он проснулся, и Монарх повелел представить его к себе. Сей, в страхе повергается в ноги, вопия: "Виноват, надежа-Государь! простите меня ради воскресшего Христа Сына Божия". Монарх спрашивал его, что он за человек? – Работник с барок такого-то хозяина. – Как-же ты в такой праздник, вместо того, чтоб поспешать в храм Божий, напился до безчувствия? Сей, не ведя в очах и голосе Государя ничего гневного, ответствовал, что он, яко рабочий человек, обрадовавшись празднику и отдохновению от работы, согрешил, напился. Монарх спросил его паки: "Хорошо-ль ты служишь хозяину и не пьянствуешь ли?" и услыша, что хозяин им доволен: "Ну, сказал, я тебя прощаю; но если впредь ты так напьешься и я о том узнаю, то будешь наказан как непотребный пьяница. Отведите его к хозяину и спросите: ежели он им

² Богословский М.М. Петр Великий и его реформы. Москва, Тов. «Кооперативное издательство», 1920, стр. 106.

³ Жизнь Ивана Ивановича Неплюева (им самим писаная). Москва, тип. Грачева и К^о, 1870, стр. 66.

подлинно доволен, то чтоб на сей раз простил его; да опохмелите его, примолвил Государь; чаю голова у него болит»⁴.

Осматривая однажды в Вышнем Волочке канал, Пётр увидел в толпе собравшегося народа красивую девушку, которая в сенях на него поглядывала и сразу уводила взор, когда Пётр смотрел в ту сторону. Пётр подозвал ее, и та подошла закрывая рукой лицо, как будто чего стыдилась и плакала. «Государь не подозревая в ней ничего худого, почел это знаком стыдливости и целомудрия, взял ее за руку, говорил с нею благосклонно, что бы она не стыдилась и не робела, так же что она пригожа, и что уже время выйти ей за муж. Прочия крестьянки смеялись сему нарочито громко. Государь быв тем не доволен, подошел к ним и сказал: чему вы дуры смеетесь разве тому, что сия девушка скромнее вас и плачет из стыдливости? Девки и пуще смеяться стали. Тогда Его Величество оборотясь к одному из близ стоявших мужиков, спросил его, чему сии дуры смеются, стыдливости ли етой пригожей девушки, или другому чему? Разве им завидно, что я с нею говорю? Нет Всемилостивейший Государь, ответствовал крестьянин, я точно знаю, что оне не тому смеются. Под сим нечто другое скрывается. Что же спросил Государь: то, ответствовал он, что Ваше Величество все называет ее девкою, а она уже не девка. Чтож она такое, продолжал Государь, не ужели замужняя? Нет, ответствовал крестьянин, и не замужняя она, она дочь моего соседа, прилежная и трудолюбивая и весьма в прочем добрая девка, но года за два пред сим сжилась с одним немецким офицером Вашего Величества, который тогда стоял у нас на квартире, и после скоро в другое место командирован; и для того девушки наши с нею не водятся и ей насмеваются. Великое дело, сказал Государь: если она ничего худого не сделала, то должно ли сим поступком толь долго ее упрекать, и ее стыдить за то пред всеми? а то мне не угодно, сказал в слух: приказываю, чтоб ее ни из какой беседы не исключали, и чтоб отнюдь никто не осмеливался делать ей за то ни малейшаго попреку. По том изволил сам увещевать девку, ничего не бояться и не печалиться; и как по Его требованию представлено Ему было ея дитя, мальчик миловидный и здоровый, то Он сказал: етот малой будет со временем добрым солдатом: имейте об нем попечение, я при случае об нем спрошу, и чтоб мне его всякий раз показывали, когда только мне случится сюда приехать. На конец подарив матери его несколько денег, отпустил ее домой»⁵.

Царь не терпел неправды. Раз в его присутствии один иноземный офицер разоврался о сражениях, в которых он бывал, и о подвигах, которые совершил. Пётр слушал, слушал его, потом плюнул ему в лицо и отошел в сторону. Пётр был единственным из монархов, кто начал службу барабанщиком и получал очередные повышения в чинах за реальные успехи на поле брани: за овладение Азовом, за Полтавскую викторию. Пётр был прост в общении, часто принимал приглашения на крестины, в том числе и от рядов гвардейцев, запросто беседовал с мастерами.

Датский посланник Юст Юль так отзывался о Петре, встретившись под Нарвой. «По приезде, Царь тот час же вышел, чтоб посетить старика Зотова, отца Нарвскаго коменданта. (Зотов) некогда состоял его дядькою и в шутку прозван им патриархом. Казалось, царь очень его любил... / При нем не было ни канцлера, ни вице-канцлера, ни (какого-либо) тайнаго советника, (была) только свита из 8-ми или 10-ти человек. (Он) равным образом не вез с собою никаких путевых принадлежностей – (на чем) есть, (в чем) пить и (на чем) спать. Было при нем несколько бояр и князей, которых он держит в качестве шутов. Они орали, кричали, дудели, свистали, пели и курили в (той самой) комнате, где (находился) царь. А он беседовал то со мной, то с (кем либо) другим, оставлял без внимания их орание и крики, хотя не редко они обращались прямо к нему (и кричали) ему в уши. / (Царь) очень высок ростом, носит соб-

⁴ Голиков И.И. Деяния Петра Великаго, мудраго преобразователя России; собранныя из достоверных источников и расположенныя по городам. Часть XV. Издание второе. Москва, тип. Николая Степанова, 1843, стр. 242-243.

⁵ Штелин Я.Я. Любопытныя и достопамятныя сказанія о императоре Петре Великом. СПб, тип. Б.Л. Гека, 1786, стр. 276-278.

ственные короткие коричневые, вьющиеся волосы и довольно большие усы, прост в одеянии и наружных приемах, но весьма проникателен [и] умен²... / Царь, как главный корабельный мастер (должность, за которую он получал жалованье), распорядился всем, участвовал (вместе) с (другими) в работах и, где нужно было, рубил топором, коим владел искуснее, нежели все прочие присутствовавшие (там) плотники. Бывшие на верфи офицеры и другие лица ежеминутно пили и кричали. В боярах, обращенных в шутов, недостатка не было, напротив, их (собралось здесь) большое множество. Достоин замечания, что, сделав все нужные распоряжения для понятия (фор-)штевня, Царь снял пред стоявшим тут генерал-адмиралом шапку, спросил его, начинать ли, и (только) по получении утвердительного ответа (снова) надел ее, и затем принялся за свою работу. Такое почтение и послушание Царь выказывает не только адмиралу, но и всем старшим по службе лицам, ибо сам он покамест лишь шаутбенахт. Пожалуй, это может показаться смешным, но, по моему мнению в основании (такого рода действий) лежит здоровое начало: Царь (собственным примером) хочет показать прочим Русским, как в служебных делах они должны быть почтительны и послушливы в отношении своего начальства. / С (верфи) царь пошел в гости на вечер к одному из своих корабельных плотников³... / Вообще. в числе его придворных нет ни маршала, ни церемониймейстера, ни камер-юнкеров, и аудиенция моя скорее походила на (простое) посещение, нежели на аудиенцию. Царь сразу, без всякого (обмена) предварительных комплементов, начал говорить о важных предметах и с участием вице-канцлера стал обсуждать государственные дела. При этом, не соблюдалось никакого порядка, мы то прохаживались взад и вперед по комнате, то стояли на месте, то сиделись⁴... / Царь охотно (соглашается) бывать маршалом на свадьбах, чтоб не быть вынужденным подолгу сидеть на одном месте: вообще продолжительное занятие одним и тем же делом (повергает) его в состояние внутреннего беспокойства... / Царь в течение некоторого времени, против своего обыкновения, безвыездно сидел дома, чтобы лечиться... (Царь) часто развлекается точением и, путешествуя, возит станок за собою. В (этом) мастерстве он не уступит искуснейшему токарю и даже достиг того, что умеет вытачивать портреты и фигуры. (При моем посещении) он временами вставал из-за станка, прогуливался взад и вперед по (комнате), подшучивал над стоящими кругом (лицами) и пил (с ними), а также (порою) разговаривал то с тем, то с другим, (между прочим) и о самых важных делах, о каковых удобнее всего разговаривать (с Царем именно) при подобных случаях. Когда (же) Царь снова сел за станок, то принимался работать с таким усердием и вниманием, что не слышал что ему говорят и не отвечал, а с большим упорством продолжал свое дело, точно работал за деньги и этим трудом снискал себе пропитание. В таких случаях, все стоят кругом него и смотрят, (как он работает). (Всякий) остается у него, сколько хочет, и уходит, когда кому вздумается, не прощаясь»⁶.

Обыкновенно Пётр ходил в поношенном кафтане, сшитом из русского сукна, в стоптанных башмаках и чулках, заштопанных Екатериной. Ездил на таких плохих лошадях, на которых согласился бы ехать не всякий столичный обыватель, обыкновенно в одноколке, один или в сопровождении денщика. Он не выносил просторных залов. В Санкт-Петербурге он построил два дворца: летний и зимний, настолько маленькие, что в них не могли вмещаться приглашенные гости, и различные торжества происходили в здании Сената и дворце князя Меншикова, а летом собрания при дворе были на открытом воздухе Летнего сада. На разных торжествах Пётр занимает первое попавшееся место, обыкновенно в конце стола, причем наиболее любимыми его собеседниками были иностранные мастера и купцы. Перед народом он появлялся в странном и непривычном виде – в голландской матросской куртке на корабельной мачте, с трубкой в зубах. Придворного этикета он не переносил, но гордился своими мозолями на руках. Ему чужда была философия, но из европейских идей, носящихся в воздухе, он хорошо усвоил все

⁶ Записки Юст Юля датского посланника при Петре Великом (1709-1711). Извлек из Копен. Гос. Арх. и пер. с датс. Ю.Н. Щербачев. Прим. Г.Л. Грове. Москва, тип. Универ., 1900, стр. 1 – 91, 2 – 91-92, 3 – 100-101, 4 – 147-148, 5 – 149, 6 – 269-270.

практические стороны. На себя Пётр смотрит, как на учителя своего народа, – «наш народ, – пишет он, – яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел, не все ль неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится»⁷. Эту обязанность учителя своего народа он доводит до высокой цели жертвования. Известны слова Прусского короля, Фридриха II, – «король – первый слуга и первое должностное лицо в государстве»⁸. И когда Пётр I говорит в письме к сыну: «[я] за свое отечество и люди [и] живота своего не жалел и не жалею»⁹, он высказывал ту же самую мысль. Правда, эта забота напоминала, как это в сегодняшнее время называется, «гонкой» за Западом. Оценив ее культуру в бытовой жизни, Пётр стремился перенести ее указным порядком в Россию. Решительно все шаги подданного были теперь строго определены законом, все должно быть «указным», как тогда выражались: жилища должны быть простроены по указному плану, обитатели должны одеваться в указное платье, указным образом должны были веселиться, указным наукам учиться и указным образом лечиться, указным образом хорониться и указным порядком лежать в могиле, очистив предварительно душу покаяниями в указные сроки. Государство заботится даже о загробной жизни, наблюдая за тем, чтобы поданные ежегодно исповедовались и причащались. Оно не стеснялось даже предписывать правила поведения церковных иерархов: вышел закон о том, как должны были держать себя архиереи во время службы – «упражняться в богомыслии и посторонних докладов не принимать». В сфере семейной жизни по указу 3 апреля 1702 г. Пётр установил брак для мужчин с 20, для женщин с 17 лет, причем, жених мог потребовать расторжения брака только при условии, что он впервые увидел невесту после обручения (за шесть недель до венчания) и она оказалась «безобразна, скорбна и нездорова»¹⁰. Указ 1722 г. запрещал вступать в брак близким родственникам и умалишенным. С 1720 г. разрешались браки с иностранцами при условии сохранения супругом православной веры, а с 1721 г. разрешалось заключать смешанные браки с христианами других конфессий (католиками, протестантами); брак с иноверцами запрещался. В 1722 г. царь приказал Сенату и Синоду расторгать насильственные браки; при нем стали возвращаться в «мир» насильно постриженные жены. Но воля родителей в устройстве браков своих детей все равно надолго оставалась решающей. Со времени Петра получило развитие новое устройство брака – дозволение на брак гражданским и военным чиновникам от их начальства, исходящее уже не из права начальства устраивать браки, а из обязанности подчинить личные интересы служебным. Прежде всего, в 1722 г. запрещение вступать в брак без дозволения начальства было сделано для флотских офицеров (гардемаринов) под штрафом трехгодичной каторжной работы. В последующие царствования эта статья закона было значительно расширена.

Обратил Пётр Алексеевич на проблему брошенных грудных детей. В ноябре 1715 г. был обнародован указ: «избрать искусных жен для сохранения зазорных младенцев, которых жены и девки рожают незаконно, и стыда ради отмечают в разныя места, от чего оные младенцы безгодно помирают, а иные от тех же, кои рожают, и умерщвляются. И для того объявить указ, чтоб таких младенцев в непристойныя места не отмечывали, но приносили б к вышеозначенным гошпиталиям и клали тайно в окно, чрез какое закрытие, дабы приносящих лица было не

⁷ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том VII. 1723-1727. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №4345, стр. 150.

⁸ Зубков В.Н. Мудрость тысячелетий от А до Я. Великие мысли и афоризмы великих людей. Москва, Аст, Астрель, 2010, стр. 247.

⁹ Эйдельман Н.Я. Из потаённой истории России XVIII-XIX веков. Москва, Высшая школа, 1993, стр. 51.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том IV. 1700-1712. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №1907, стр. 192.

видно. А ежели такие незаконорождающиеся явятся в умерщвлении тех младенцов, и оныя за такая злодейственные дела сами казнены будут смертью...»¹¹

Побывав за границей и увидев более достойные отношения людей друг другу разных сословий, нежели в России, поняв, что это идет на пользу всему государству, 30 декабря 1701 г. Пётр законодательно запрещает подписываться уменьшительными именами, падать пред царем на колени, зимой снимать шапку перед дворцом. Формально он объяснял это тем: «Какое различие между Бога и царя, когда воздавать будут равное обоим почтение? Коленопреклонное моление принадлежит Единому Творцу за те благости, какими Он нас наградил. [К чему] уничижать звание, безобразить достоинство человеческое, а в жестокие морозы почесть делать дому моему бесплодную с обнаженною головою, вредить здоровье свое, которое милее и надобнее мне в каждом подданном паче всяких бесполезных поклонов? Менее низкости, более усердия к службе и верности ко мне и государству – сия-то почесть свойственна царю»¹².

Допетровская Русь считала, что Россия с ее древнейшей славной историей, православием, как истиной религией является избранным государством, а русские – избранным народом, которому нечего преклоняться перед Западом. Не случайно иностранцы в своих записках о «Московии», отмечали, что «москвиты» «были самыми тщеславными и прегордыми из людей», «они смотрели прежде на другие народы, как на варваров и одним себя считали образованными, смышленными и мудрыми», «их гордость заставляла думать о себе, как о народе передовом, более ученом и смышленном, чем их учителя»¹³.

Пётр круто изменил эти представления. В своем неприятии «старины» он буквально вдалбливал, что Россия жила, «доселе в непроходимом мраке невежества». Поэтому необходимо было ввести страну в состав «просвещенных народов». Способ же приобщения к западной цивилизации – тюремно-монастырский, через принуждение посредству кнута (в широком смысле). «Надлежит попытаться у беснующегося выгонять беса кнутом; хвост кнута длиннее хвоста чертового. Пора заблужденье искоренять из народа!»¹⁴ – поговорка Петра I. Другими словами, кнут это способ постижения прогресса мудрости житейской, плавно перетекающий в «повивальную бабку» Маркса, наиболее прогрессивного способа развития общественных отношений. Царь сравнивал себя с Иваном Грозным, 28 января 1722 г., в разговоре с нареченным затем герцогом Голштинским по поводу изображения И. Грозного: «Сей Государь (указав на царя Иоанна Васильевича) есть мой предшественник и образец; я всегда представлял его себе образцом моего правления в гражданских и воинских делах, но не успел еще в том столь далеко, как он. Глупцы только, коим не известны обстоятельства его времени, свойства его народа и великия его заслуги, называют его мучителем»¹⁵. Цель Петра – приближение страны к нормам западного устройства, причем исключая те стороны, которые влекут за собой явные признаки размытия сословностей. Методы – репрессии, с введением первых отдаленных основоположений демократии, и выжимании с крестьянства все, что возможно было только выжать.

«Петр Великий, словив тын, окружавший землю русскую, отворил ворота для жителей других стран света, более, несравненно более нас образовавшихся, приветствовал, просил чужеземцев добро-пожаловать на хлеб-соль русскую, принести с собою нам ремесла, художества, науки и быт человеческий. До Петра грех будет думать, чтобы мы, русские, имели право называть себя людьми: мы были до Петра медведи, с тою только разницею, что живущие мед-

¹¹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том V. 1713-1719. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №2953, стр. 181.

¹² Рассказы Нартова о Петре Великом. Л.Н. Майков. СПб, тип. Имп. Акад. Наук, 1891, стр. 17.

¹³ Русский архив, 1872. №6, Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгскаго резидента Вебера. Москва, тип. Грачева и К, стр. 1075-1076.

¹⁴ Рассказы Нартова о Петре Великом. Л.Н. Майков. СПб, тип. Имп. Акад. Наук, 1891, стр. 49.

¹⁵ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России. Том девятый. Издание второе. Москва, тип. Николая Степанова, 1838, стр. 60.

веди в лесах – иногда, а русские того времени – всегда на двух ногах держались и ходили. Сильным потоком хлынули к нам чужеземцы, но, к несчастью нашему, сильный прилив принес с собою много тины, грязи и нечистот всякого рода! Гениальный Петр, нетерпеливый, – свойство, обыкновенно сопряженное творческой силе человека, – Петр, как Геркулес, взяв дубину в руки, погнал всех, как пастух гонит стадо к ручью на водопой, перенимать все у иностранцев, что они с собою внесли к нам. Кто отставал, упирался, не хотел разстаться со своими привычками, того Петр вразумлял дубиною по бокам! И будучи одарен великим умом, превосходною силою творческою, наделал, от нетерпения и неодолимого желания поворотить все вдруг, много вредного, неосновательного, даже глупого. Смешно почитать за образованность в обритом рыле, напудренном парике, в кургузой одежде. Еще страннее пожелать, чтобы все говорили перековерканными на русском языке иностранными словами. Сам он, будучи самодержавный царь всея России, подписывал повеления и указы свои на голландском языке "Petrus"»¹⁶ (А.М. Тургенев).

От XVII в. Пётр унаследовал не только зачатки и подготовительные силы и средства своих реформ: тогда же и сложилась оппозиция реформаторской деятельности Петра I. Мятежи казацкие, стрелецкие, крестьянские, городские, принимавшие в XVII в. внешнюю форму протеста то против церковных нововведений, то против гнета социальных и податных отношений, то против злоупотреблений фаворитов-бояр, в сущности, исходили и питались, прямо или косвенно, из одного источника – непосильных тягости военных повинностей, государственных налогов и крепостного гнета. Силы эти, сливающиеся в общий поток недовольства проявляются в тяжелые времена правления Петра I, и уже по одному этому оппозиция в его время должна была проявляться в еще больших размерах, становясь отчасти под старые знамена или выдвигая новые лозунги, не столько выражающиеся настоящие стимулы, сколько бьющие в глаза излишества и причуды реформационного курса.

Но Пётр, унаследовавший от предшественников оппозицию, в большинстве случаев усвоил и старые приемы борьбы с нею. Жестокость, с которой Пётр обрушивался на своих «внутренних» врагов и которая отталкивающе действует на современного человека в облике Петра – мрачное наследие той атмосферы, которой дышал юный Пётр. Жестокости застеночных расправ, лобных экзекуций, торговых казней и количество побитых и изуродованных гилевщиков во времена царя «тишайшего» едва ли превзойдены заплочных дел мастерами времени Петра. Правда, Пётр I, по нетерпимости, часто вырывал топор у палача, как и весло у рулевого, и начинал самолично работать... Но даже и от «тишайшего» царя веяло не меньшей жестокостью, чем от запальчивых зверств его сына. Поэтому, и свет, и тень XVII века Московии незаметно перешли в эпоху Петра Великого, без резкой колебаний и с исчерпывающей полнотой оттенков.

Давно минуло то время, когда отношение к реформам Петра в XVII веке представлялись так, как это выразил поэт: «Россия тьмой была покрыта много лет: Бог рек: Да будет Петр – и бысть в России свет!»¹⁷ Увы, света в России не стало ни при Петре, ни при последующих правителях, – старина, образом, толи марксизма, толи православия, до сих пор бездушной хваткой пронизывает русское общество.

Современник Петра И.Т. Посошков так описывал отношение русского народа к реформам. «Видим мы вси, как великий наш монарх о сем трудит себя, да ничего не успеет, потому что пособников по его желанию не много, он на гору аще и сам-десять тянет, а под гору миллионы тянут»¹⁸. Несомненно, эта оценка преувеличена. При таком соотношении поддерживаю-

¹⁶ Русская старина. 1887. Т. 53, №2. Записки Александра Михайловича Тургенева. СПб, стр. 329-330.

¹⁷ Отечественные записки. 1841. Том XVI. №5. Отдел V "Критика", стр. 1.

¹⁸ Посошков Т.И. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. Ред и ком. Б.Б. Кафенгауза. Москва, Акад. Наук СССР, 1951, стр. 99.

щих и противодействующих сил дело Петра было бы невозможным; да и выясненное значение XVII в. в деле подготовки петровских реформ, а также сознательное и бескорыстное отношение к реформам со стороны множества современников Петра в качестве частичных прожекторов, проводников, пропагандистов и защитников, не оставляет сомнения в том, что дело Петра в целом отвечало запросу времени. Современному же наблюдателю, вроде Посошкова, бросалась в глаза соотношение шумного и страстного возгласа одобрительного или протестующего характера, которое было на стороне тех, которые на своих плечах, незаметными тружениками, несли наибольшую тяжесть. Эту недоброжелательность Пётр унаследовал вместе с властью от предшественников. Разорительные войны, непосильное тягло, вместе с прогрессирующим сословным закрепощением и разнузданной бюрократией были основными факторами, будившими в XVII веке недовольство, проявлявшееся в протестах и мятежах. Силы эти с воцарением Петра проявились в еще больших размерах. Поэтому и оппозиция в XVII веке не только не ослабела, но усилила приток новых союзников, в зависимости от тягловых факторов, но, главным образом, от своеобразия целей, средств, приемов введения петровских реформ.

Немногие сознательно разделяли стремления Петра жертвовать всем ради далекого будущего, которое принадлежит другим. Еще менее понимали современники Петра необходимость непосильных жертв во имя таких ценностей, которые являлись отрицанием всего того, что по традиции привык чтить русский человек за добрую «пошлину», ставшую тем более дорогой, чем большая опасность грозила ей стороны новых веяний, пропитанных, в глазах москвича, ядом душевредной латинской заразы. Эта именно чужебязнь, до болезненности взвинченная уже в XVII веке западным влиянием и неудачной реформой Никона, придала общий тон оппозиции, выступавшей против Петра в реальности по разным побуждениям.

Сам Петр всячески старался, сознательно и бессознательно, волновать Россию яркими впечатлениями, возбуждать к ней переживания, не укладывающиеся в традиционный кругозор русского человека. Все закрутилось в вихре петровских демонстраций царского веселья и гнева, педагогических выходов и дипломатических «спектаклей», происходивших «пред всенародными очами всяких чинов людей». Пышные шествия царских особ, торжественные церковные ходы, яркие въезды иностранных послов, свадебные и погребальные процессии, как и кровавые акты, разыгрывавшиеся в застенках и на площадях, – все это было знакомо русским и в свое время оставляло глубокие следы не только в памяти туземцев, но и заезжего иностранца; но все это не выходил из чина, к которому привыкла исконная Русь.

Публичные же выступления Петра носили всегда, с точки зрения москвича, какой-то, «безчинный» характер. В своих красочных выступлениях перед подданными он не только торжествовал победы, веселился и карал, но вместе с тем старался подчеркнуть превосходство вводимых им новшеств, заодно сразить противников, кто бы они ни были, саркастически поиздеваться над ненавистной стариной, забросать ее грязью, не стесняясь в средствах и предметах осмеяния, не считаясь с чувствами участников и зрителей своих педагогических экспериментов – зрелищ.

Каким отступлением от традиционного чина должен был показаться русским людям, введенный Петром, обычай триумфальных празднований победы в роде той, которую описывал Юст Юл, с пальбой из орудий, с музыкой иноземных игроков, с языческими символами и чудодейственными фейерверками, с комическим элементом из шутов и самоедов, едущих на свиньях, наконец, с публичным пьянством, окончившееся эпилепсией и рассечением невинного солдата (несшего неправильно знамя), попавшего под гневный взор разнервничавшегося Петра? И это происходило не настоль отдаленно от тех времен, когда русские убедились в самозванце Дмитрие I, воочию увидев, что царь этот не «наследует предкам» в спянье после обеда, запросто гуляет, водится с поляками и прочее.

Тяжелые мысли должен был навевать на степенного москвича полуязыческий триумф Петра. Все поведение его обличало в нем «ненастоящего» царя. Эта жестокая расправа с сол-

датом, это странное на глазах у всех подергивание головы, лица, рук и ног... И это многие учли, как явный показатель того, что Пётр – царь ненастоящий: «Что он головой запрометывает и ногой запинаясь, и то, знамо, его нечистый дух ломает»¹⁹. P.S. Правитель – отражение своего народа...

При розыске стрелецкого бунта Пётр собственноручно рубил головы стрельцам и требовал от приближенных того же: «князь Ромодановский отсек четыре головы; Голицын, по неумению рубить, увеличил муки доставшегося ему несчастного; любимец Петра, Алексашка (Меншиков) хвалился, что обезглавил 20 человек»²⁰. Ничего нет удивительного, что по Москве пошли толки о ненормальной кровожадности Петра. Еще более необычным казались москвичам веселые потехи царя, обращавшие, в конце концов, сановитых и родовитых бояр в предмет народного посмешища, да еще на глазах у иностранцев, когда их вываливали из саней. Но Пётр «посягал» не на один ореол своих сановников, многое святое в глазах москвича обращалось Петром в площадное посмешище. Это скабрёзные и кощунственные деяния «всепьянейшего и сумасброднейшего собора», являвшейся злейшей пародией на некоторые церковные обряды. Они совершались среди «избранного» общества, при закрытых дверях, изредка вываливаясь на улицу Москвы в виде шутовской процессии, и вначале могли считаться даже своеобразным торжеством православия над осмеянным папешеством. Однако Пётр решил подвергнуть публичному позорищу и память об упраздняемом патриаршестве. Еще при жизни патриарха учитель Петра дьяк Зотов носил кличку «патриарха Кукуйского». В сане князь-папы и «всепьянейшего патриарха» выступал он в шутовских процессиях в одежде патриарха и даже раздавал москвичам свои послания, породившие не только послания патриархов, но и известные молитвы. Этот же Зотов играл роль, высмеиваемый патриаршеский сан в целом ряде комиче-

¹⁹ Ключевский В.О. Сочинение в 9-ти томах. Т. IV. Курс русской истории. Под ред. В.Л. Янина. Послесл. и ком. В.А. Александров и В.Г. Зимин. Москва, Мысль, 1989, стр. 213-214. В 1704 г. «ладожский стрелец, возвращаясь домой из Новгорода, повстречался с неведомым старцем, который завел с ним такую беседу: ныне службы частые; какое ныне христианство! Ныне вера все по-новому: вот у меня есть книги старые, а ныне эти книги жгут. Когда зашла речь про государя, старец продолжал: какой он нам, христианам, государь! Он не государь, а латыш, поста не соблюдает; он льстец (обманщик), антихрист, рожден от нечистой девицы; что он головой запрометывает и ногой запинаяет, и тамо, знамо, его нечистый дух ломает; он и стрельцов переказнил за то, что они его еретичество знали, а стрельцы прямые христиане были, не бусурмане; вот солдаты – так те все бусурмане, поста не соблюдают; ныне все иноземцы, все в немецком платье ходят да в кудрях (париках) и бороду бреют. Стрелец по долгу службы заступился за государя и заметил, что Петр – царь, от царского племени. Но старец возразил: у него мать нешто царица? Она еретица была, все девок родила. Старец был поморский подвижник древнего благочестия, спасавшийся в лесах. На вопрос стрельца, откуда он, старец отвечал: я из Заонежья, из лесов; ко мне летом и дороги нет, а есть только зимой, и то на лыжах. В этом рассказе живо вскрывается настроение умов в северном Поморье. В 1708 г. ту же легенду встречаем и на юге, в Белгородском уезде (Курской губернии). Два священника разговорились, и один сказал: бог знает, что у нас в царстве стало: вся наша Украина от податей пропала; такие подати стали – уму непостижные, а вот теперь и до нашей братии священников дошло, начали брать с бань, с изб, с пчел, чего отцы и прадеды не слыхивали; никак в нашем царстве государя нет? Этот священник в церковном молитвословии вычитал сведение, что антихрист родится от недоброй связи, от жены скверной и девицы мнимой, от колена Данова. Он и задумался над тем, что это за колено Даново и где это родится антихрист, уж не на Руси ли. Однажды пришел к нему отставной прапорщик Белгородского полка Аника Акимыч Попов, человек убогий, промышлявший грамотным промыслом, учивший ребят грамоте. Священник и сообщил ему свое недоумение насчет антихриста: "В миру у нас ныне тяжело стало, а в книгах писано, что скоро родится антихрист от племени Данова". Аника Акимыч подумал и ответил: "Антихрист уже есть; у нас в царстве не государь царствует, а антихрист; знай себе: Даново племя – это царское племя, а ведь государь родился не от первой жены, от второй; так и стало, что он родился от недоброй связи, потому что законная жена бывает только первая". Так и пошло сказание о царе-антихристе».

²⁰ Соловьев М.С. История России с древнейших времен. Книга третья. Том XI-XV. Второе издание. СПб. Общественная польза, 1896, стр. 1192. Свидетель событий Желябужский И.А. описывает события расправ: «А у пушце из них воры и заводчики, и у них, за их воровство, ломаны руки и ноги колесами, и те колеса воткнуты были на Красной площади на колье, и те стрельцы, за свое воровство, ломаны живые, положены были на те колеса, и живы были на тех колесах не много не сутки, и на тех колесах стонали и охали. / И по указу Великого Государя один из них застрелен из фузеи, а застрелил его Преображенский сержант Александр Меншиков. / А попы, которые с теми стрельцами были у них в полках, один перед Тимонскою избою повешен, а другому отсечена голова и взоткнута на кол, и тело ево положено на колесо, также что и стрельцы. / А в Преображенском у того розыску были и тех стрельцов казнили бояре и все полатные люди сами топорами и палашами. / А жон их стрелецких всех распускали, кто куды хочет, только боне на Москве не были; и тех стрельчих брали к себе по деревням всяких чинов люди. / А которые стрельцы были на службе по разным городам, и к ним сосланы жоны и с детьми на вечное житье» (Записки Желябужскаго с 1682 по 2 июля 1709. СПб, тип. Имп. Рос. Акад., 1840, стр.168-169).

ских выступлений, на изобретение которых Пётр был неистощим. Зотов в патриарших одеждах сажился на ряженную ослом лошадь, а Пётр «держал стремя коня его, по примеру некоторых царей российских, при возседании патриарха на коне в назначенные дни»²¹. К этой же цели публичного осмеяния патриарха в глазах москвичей клонила справленная в Москве грандиозная свадьба всешутейшего патриарха. Наряду с Зотовым в патриаршим одеянии выступал кесарь Ромодановский в одежде русского царя XVII века. Нарядить первого палача, ужас Москвы и всей России, в царские одежды, которые носили отец и дед Петра, и в таком виде демонстрировать своих царственных предков пред москвичами не значило ли повергать зрителей в недоумение? P.S. Но во всем этом усматривается Божественный символизм, который Он посылает русскому народу: вера ваша – духовное пьянство, цари ваши – бесчувственные палачи.

Расходился Пётр с Москвой и в своих попытках разрушить внешнюю рознь между русскими и немцами, придать русским такой вид, чтобы западный иноземец чувствовал себя среди них не диковинкой, за которой ходят толпы зевак, а в знакомой бытовой атмосфере. Но москвич видел в своей бороде, кафтане и воздержании от табака «мерило праведное» своего православия и народности, т. е. традиции от предков по выражению состояния чистоты и достоинства, и непрменный признак своего церковного превосходства «над лютерами и прочими еретиками». Петру известно было именно такое воззрение своего народа на внешний вид, и это обстоятельство для него послужило тем большим побуждением переодеть и причесать русского по-немецки; раз москвич переделал себя и перелицевал, значит, он переделал в себе старого человека, сделал надлежащее усилие над собой, а кто по «замерзелому своему стыду» или «упорству» не захочет этого сделать, на том можно было видеть только один прибыток: лишняя статья дохода в виде штрафных денег – авось, крупные штрафы и налоги заставят упряма не мозолить государевы очи своими азиатскими костюмами и звероподобным видом.

Так думал Пётр, когда собственноручно, и при содействии шутов, стал обрезать бороды и кафтаны, а потом издал указ в три дня выбриться и переодеться всей Москве, за исключением духовенства и пашенных людей; в этом же убеждении находил он оправдание своим указам брить в съезжих избах русские бороды, надевать роги на головной убор женам бородачей, запрещать портным шить и продавать русское платье для мужчин, облагать бородачей штрафом от 30 до 100 руб. и ссылать на каторгу тех купеческих людей, которые будут иметь скобы и гвозди, которыми подбиваются русские сапоги.

Но народ не понимал целей своего царственного костюмера, и в лучшем случае видел в его распоряжениях – заблуждения человека, которого «немцы обошли», а чаще всего издевательство над русским и православным, «печать антихриста», стирающего с православных образ Божий.

К «прельщениям» Стоглава о брадобритии и вообще о «латинских обычаях» присоединились еще и заветы последнего патриарха Андриана, который изощрялся в своем пастырском красноречии, громя брадобритие такими филиппиками, как будто дело шло о борьбе верной ему церкви православной с грозным врагом, разрушающим ее догматические основы, канонический строй и практические средства спасения паствы. Впрочем, патриарх еще при жизни своей прекратил эти гневные выпады, как только заметил, что они могут стоить ему патриаршего клобука; но не замолкло брошенное им в паству осуждение брадобрития на понятном для ревнителей древнего православия языке. Немудрено, что некоторые из них оказались устойчивее своего пастыря и смотрели на его упражнения в красноречии, как на завет последнего первосвятителя «стоять до последнего» за русскую бороду и кафтан, как на явное осуждение заморских новшеств, которые должны были быть проникнуты духом еретичества так же, как длинная борода – духом иконописного православия.

²¹ Семейский М.И. Слово и дело. 1700-1725. СПб, тип. В.С. Балашева, 1884, стр. 319.

В народе все чаще и чаще встречается сопротивление реформам Петра – бегство, уклонение от платежей, от рекрутских повинностей, отказ от брадобрития. Чтобы все это пресекать по стране, и там и тут, рыскали воинские команды карателей, везде находились тайные соглядатели. И порой произнесенное в «шумстве» (в пьяном виде) неосторожное слово раздувалось усердными застеночными дел мастерами в целое «государево дело», захватывающие десятки и сотни лиц, имевших несчастье быть в каком-либо отношении к «шумному» болтуну, и не редки случаи, когда эти болтуны оказывались в «убогих дома на Покровском монастыре», где находили себе последнее успокоение жертвы ненасытной любознательности «кесаря» Ф. Ромодановского (а после него сына Ивана Фёдоровича, унаследовавший от отца Преображенский застенок). Боявшийся народных выступлений Пётр законодательно способствовал доносителю, которое в его время фактически стало нормой поведения²². Появилось при Петре и нарушение тайны исповеди: от священника требовали обязательного доноса, если он получал информацию о каком-либо противогосударственном деле²³.

Оппозиция, в свою очередь, сознательно и бессознательно, толкала вправо и влево деяния Петра, раздувая его странности в апокалиптические знамения времени. Этому способствовало то обстоятельство, что сам Пётр не отделялся неприступными стенами от своих подданных, подобно своим предшественникам: он всегда был на виду у своих подданных таким, каков она был, со всеми своими великими недостатками и положительными свойствами. И это давало оппозиции много сильных аргументов.

«Безчинной» казалось ей в православном царе его личная и семейная жизнь. Град сатирических картинок выставяло ее на позорище, смущая русского человека. Изображение «Немки верхом на старике», «Старого немца на коленях у молодой немки», «Молодая немка, кормящей старого немца соской», «Бабы-Яги с плешивыми стариками» – все это, по мнению

²² Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том VI. 1720-1722. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №3984, стр. 666. «Апреля 28... Его Императорское Величество указал: во всех Губерниях и Провинциях публиковать всенародно того ради, что в нынешнем 1722 году Марта в 19 числе некоторый человек пришел в город Пензу, и кричал всенародно многия злыя слова, касающиеся до превысокой чести Его Императорского Пресветлаго Величества, и весьма вредительныя Государству, на который его крик сошлось людей на малое число; однако же они того не учинили, чтоб как на искоре онаго злодея поймать, и привести куда надлежит, токмо один из них Пензенец посадской человек Федор Каменщик, показуя верность свою к Его Императорскому Величеству, известил о том злодее в самой скорости на Пенза в Канцелярию, по которому его извету онай злодей взят, и приставлен в Тайную Канцелярию, и идет о том следствие, а означенному доносителю, за правое его доношение, дано Его Императорского Величества жалованья денег 300 рублей, к тому же товарами, какие он у себя имеет, торговать ему безошлинно по его смерть, также в городах командирам, кто какого звания ни есть, онаго Каменщика от всяких обид охранять. Да при означенной же публице указал Его Императорское Величество объявить, буде впредь где в городах и селах и деревнях такие ж злодеи явятся, и их в самой скорости имая, приводить в города к правителям, а в тех городах правителям приняв их и заковав в ручныя и ножныя железа, не распрашивая, присылать в Тайную Канцелярию, или в Преображенский приказ за крепким караулом. А ежели кто проведает за кем, что он тайно некоторое зло производит, и на таковых доносить в городах командирам, а им командирам весьма скоро тайным поведением онах злодеев сыскивать, и не распрашивая, присылать в означенныя Канцелярии, также и доносителей для обличения их, высылать в те же означенныя Канцелярии за поруками, а буде порук не будет, за провожатыми под честным арестом. И ежели кто означенных поимает, или об их донесет, а по тому доношению и по следствию явится самая истина, как в том доношении будет показано: и тем людям дано будет Его Императорского Величества милостивое награждение. А буде кто, видя означенных злодеев, явно что злое в народ рассеивающих, или ведая, что таковое зло тайно они производят, а их не поимает, или о том не известит, и в том от кого изобличен будет: и за то учинена будет таковым смертная казнь без всякаго пощадения, а движимое и недвижимое их имения все взято буде на Его Императорское Величество».

²³ «Естьли кто при исповеди объявит духовному отцу своему некое неслеланное, но еще к делу намеренное от него воровство, наипаче же измену или бунт на Государя, или на Государство, или злое умышление на честь или здравие Государево и на фамилию Его Величества. А объявляя толико намеряемое зло, покажет себе, что не раскаевается, но ставит себе в истину, и намерения своего не отлагает, и не яко грех исповедует, но паче, дабы тако согласием или молчанием духовника своего в намерении своем утвердился. Что отсюду познать мощно: естьли повелит ему духовный отец именем Божиим отстать всеконечно от намерения своего зла, а он, молча и аки бы сомняся, или оправдая себя, в том непременно явится; то должен духовник не тако его за прямо исповеданные грехи прощения и разрешения не сподоблять; не есть бо исповедь правильная, аще кто не всех беззаконий своих кается: но и донести вскоре о нем, где надлежит, следуя состоявшемуся Апреля 28 го числа нынешняго 1722 года Именному Его Императорского Величества Указу... таковых злодеев в самой скорости имая, в определенныя места приводить повелено...» (Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшаго, державнейшаго государя Петра Перваго, императора и самодержца всероссийскаго... Издание первое. Москва, Сунодальная тип., 1856, стр.100-101).

историка искусства В.В. Стасова, имело связь с рассказами, ходившими в народе о слабости Петра к шведской девице, к «кухарочке», к «чухонке-адмиральше Маланье», причем во всех этих произведениях народного творчества Пётр изображался под башмаком у немки, а на картинке «Как Баба-Яга дерется с крокодилом», по мнению историка искусства Д.А. Ровинского, изображена не мирная сторона жизни царственных супругов. Застеночные показания не оставляют сомнения в том, что семейная жизнь Петра составляла большую тему для пересудов и умозаключений «всяких умов людей».

Постепенно туманился образ Петра даже в глазах близких ему людей и дел. «Безчинность» поведения царя, столь непохожий на своих предшественников ни личным поведением, ни занятиями, ни отношениями к церкви, вековыми обычаям, к родне, эксцентричные формами его забав и гнева – все это поражало москвичей и вырывало целую пропасть между властелином и подчиненными. Москвичи не узнавали в Петре ни благоверного царя, ни русского человека, ни православного первенца русской церкви.

Ощущение чего-то чуждого в царе вызывало естественную потребность объяснить, почему русский царь стал больше похож на немецкого мастера, чем на великого государя, скорее выглядел «лютором» и «последователем католического костела», чем православным христианином. Объяснение этой загадки было найдено в двух распространившихся легендах. Оппозиционеры с более реальными воззрениями приняли легенду о том, Пётр – ненастоящий сын царя Алексея, а подмененный немчин; люди с мистической настроенностью объясняли странности Петра тем, что он – новоявленный антихрист²⁴. Были и такие, которые преломляли свои удивленные взоры сквозь призму обеих легенд. Эти настроения, особенно мистической направленности, были настолько сильны в народе, настолько логично все объясняли, что даже «инквизитор», на обязанности которого было вылавливать «противные слова», вразумлять и доносить – и тот засомневался, слыша подобные речи. – «Нет, то не антихрист, – успокаивал он собеседника для очистки совести, – разве предтеча»²⁵. В народе ходили мнения, как «антихрист» сам стал патриархом: «Принял титул патриаршеский», назвавшись отцом отечества. «Восхитил первенство Иисуса Христа», назвавшись первым, ибо, замечает составитель рукописи «Цветника», еще в Апокалипсисе сказано: «Аз есмь альфа и омега, первый и последний», «у Бога восемь лет украл»²⁶, обличали Петра за реформу календаря.

Мистические настроения были только обратной стороной того непосильного нравственного и материального гнета, который наложила на русское общество тяжелая рука железного Петра. Люди, для которых эта жизнь превратилась в бесконечную «удоль» печалей и огорчений, не могущие жить, подобно Петру, мыслью о будущем благе государству, естественно, ожидали себе успокоение только в потустороннем мире, и чем сильнее был гнет жизни, тем большим было желание уйти в мир грез и видений, тем истеричнее были выходки против «гордого князя мира сего» со всеми исходившими от него тягостями и оскорблениями.

Эти апокалиптические переживания не носили чисто созерцательного характера, но перемешивались с впечатлениями тяжелой действительности. Называют ли царя антихристом,

²⁴ «Представьте теперь себе рядом с сектантами невежественное православное духовенство, большая часть которого, особенно в деревнях, была безграмотна, не знало хорошенько даже службы, обедню служило, как попало, путая и перевирая молитвы. Суеверное, пьяное, оно не было, разумеется, в состоянии бороться с сектанством словом и убеждением, не прибегая к силе. Суеверие и невежество духовенства доходило до того, что в больших городах священники, зажиточные и влиятельные, серьезно рассказывали, что Петр умер за границей во время своего первого путешествия, в 1697 г., и что в Россию, под видом его, вернулся антихрист... Что к фельдмаршалу Брюсу каждую ночь приходил чорт, ужинал с ним и что Брюс не может говорить с монахом праведной жизни без того, чтобы у него изо рта не выходило синее пламя...» (Долгоруков П.В. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоановны. Пер. с фр. С.М. 3-е издание. Москва, тип. Русского Товарищества, 1909, стр. 10).

²⁵ Соловьев М.С. История России с древнейших времен. Книга четвертая. Том XVI-XX. Второе издание. СПб, Общественная польза, 1896, стр. 819.

²⁶ Новое столетие, по старому исчислению, начиналось 1 сентября 1692 г., т. е. на восемь лет раньше того, как стали его считать по новому календарю с 1700 г.

тут же говорят и об антихристовых шутах-грабителях и разорителях, которые, во исполнение пророчества и «страну поедают». Указывая на небывалую раньше «безчинность» поведения царя-антихриста, еще прибавляют: «ныне по городам везде заставы, и нашего православного христианина в городе в русском платье не пропускает и бьют, и случают, и штраф берут»²⁷. В самом иноземном титуле, поднесенном Петру Сенатом от имени народа, этот народ видит созвучие со словом, характеризующим тяжесть петровских повинностей: один поп на ектениях называл императора «имперетёром». «Прямой императёр – пояснял он частным образом, – немало он людей перетёр»²⁸.

Непрерывная война Петра и требования от всех той или иной службы для этих войн, сопряженные с ними бедствия и лишения вызывали громкий ропот, гулко отражавшийся в Преображенском застенке.

При непосильной тяжести всякого рода служб и повинностей, взваленных Петром на подданных во имя незримого блага будущего, многие почувствовали нравственную тяжесть бесправия, отсутствие всякого уважения, если не к личности, то даже к тому, что привыкла уважать эта личность, в чем видел москвич издревле идеальную, если не практическую гарантию своих прав на призрак свободного обывательства. Правда, у москвичей и раньше не было устойчивой правовой почвы, но зато само бесправие было обличено в привычные, традиционные формы, и эти формы являлись своеобразной гарантией, ограждавшей личность (кривосудие, произвол воевод, укрощаемые поклонами и посулами и т. п.); теперь форма права и бесправия стали удивительно подвижны, законы и указы, учреждения и должности создавались в таком изобилии, противореча друг другу, что приспособиться к ним, привыкшему к устойчивой старине-пошлине, москвичу было невозможно. Более того, в старину все злоупотребления москвич приписывал неверным слугам царя; зато в последнем он видел, хотя и далекую, но все же прочную свою «надежду», от которой можно было, при желании, добиться правды и защиты: вот только трудно приблизиться к ней практически. Но в мечтах можно было успокоить себя мыслью, что правда с земли не ушла. В лице Петра эта последняя «надежда – православный царь» умирала в душе москвича, так как теперь самые большие тяжести и самые чувствительные оскорбления исходили, на глазах у всех, от этого центра старых надежд и мечтаний: произошло то, что, рано или поздно, должно было произойти – не довольный отставанием, центр, в догонку западного уровня, теперь откровенно демонстрировал всем свое настоящее всегда пребывающее естество холодного расчета и отношения к человеку.

В многочисленных легендах о Петре, ходивших по русской земле, и в своей сути носившие агитационно-протестующий характер против его деятельности, степенный москвич почерпал не только для своих «скаредных бредней» и «неистовых слов», но толчки и к «продерзостным» делам против Петра, который был обменный немец, льстивый антихрист, все, что угодно, но только ненастоящий царь: значит против него все позволено. И многие втихомолку «посягали», но в большинстве случаев с «негодными средствами». Вынимали «след» из-под ног государя, чтоб превратить вынутую землю в кровь: «сколь де скоро на государев след ту кровавую землю выльем, столь де скоро он живота своего гонзнет», думала одна москвичка. Другие пытались достать волос государев, чтоб сделать его милостивым; третьи с тайной радостью рассуждали об его болезни и учитывали возможность скорой смерти; один фанатик, по свидетельству Я. Штелина, даже проник в кабинет Петра с «превеликим ножом» с целью зарезать Петра «за обиды своей братии и нашей веры».

Пусть все это были трусливые желания и жалкие «покушения с негодными средствами», но все они являлись симптомом оппозиционной ненависти, которая оказалась не только на

²⁷ Три века. Россия от Смуты до нашего времени. В VI томах. Том III. XVIII век. Первая половина. Том IV. XVIII век. Вторая половина. Коллектив авторов. Репринтное издание. Москва, «ГИС» – «ПАТРИОТ», при уч. кооп. «Детектив», 1992, стр. 84.

²⁸ Там же, стр. 84.

улице, но и в самой царской семье. Центром и знаменем этого брожения стал царевич Алексей Петрович, вокруг которого стихийно стягивались недовольные, возлагая на него свои надежды на возвращение прежних времен.

Царевич Алексей до 8 лет находился под надзором своей матери Евдокии Лопухиной, которая сразу же разошлась с Петром в его западнических выступлениях. Семейные столкновения окончились заточением царицы в суздальский Покровский девичий монастырь и определение Алексея на попечение тетки Натальи Алексеевны, после чего Пётр виделся с сыном крайне редко. С 6 лет царевича стал учить грамоте князь Н.К. Вяземский, но круг чтения был почти целиком церковный. Это не устроило Петра, и он сдал его на руки саксонскому генералу Карловичу, а затем последовательно двум иностранцам, юристу, историку и знатоку латыни М. Нойгебауэру и барону Гнойссену. Программа, составленная новым учителем, бароном Генрихом фон Гюйссеном, была хорошо продумана и включала следующее: изучение «истории и географии, яко истинных основ политики, главным образом по соч. Пуффендорфа, геометрии и арифметики, слога, чистописания и военных экзерциций»²⁹. Завершалось образование изучением предметов «1) о всех политических делах в свете; 2) об истинной пользе государств, об интересе всех государей Европе, в особенности пограничных, о всех военных искусствах»³⁰ и т. д. Сохранилось свидетельство современников, что Алексей был хорошим учеником и в свои пятнадцать лет он был лучше подготовлен для государственной деятельности, чем его отец в том же возрасте. Особенно царевичу давались гуманитарные науки. Он любил музыку, книги, церковное богослужение, сносно владел немецким и польским языками.

Между тем, находясь в Москве, Алексей все теснее сближался с Нарышкиными, Вяземским и многими священниками, среди которых ближе всех был его духовник – протопоп Верхоспасского собора Яков Игнатъев. Игнатъев поддерживал в Алексее память о его несчастной матери, осуждал беззаконие, допущенное по отношению к ней, и часто называл царевича «надеждой Российской».

В начале 1707 г. Игнатъев устроил Алексею свидание с матерью, отвез его в Суздаль, о чем тут же доложили Петру, находившемуся в Польше. Пётр немедленно вызвал сына к себе, но не ругал, а, напротив, решил приблизить и привлечь к государственной деятельности. Семнадцатилетнего Алексея он сделал ответственным за строительство укреплений вокруг Москвы, поручил ему набор рекрутов и поставки провианта, а в 1709 г. отправил в Дрезден для дальнейшего совершенствования в науках. Вместе с царевичем поехали князь Ю.Ю. Трубецкой, один из сыновей канцлера граф А.Г. Головкин и Гнойссен.

Переехав в Дрезден, царевич жил инкогнито и помимо ученых занятий занимался музыкой и танцами. В это же время начались переговоры о женитьбе Алексея на принцессе Софье-Шарлотте. Ее род был один из знатнейших и старинных во всей Германии. Ее отец, великий герцог Брауншвейгский Людвиг Рудольф, считался одним из образованнейших правителей. Саму Шарлотту Христину Софью называли то кронпринцессой Брауншвейгской, то герцогиней Вольфенбюттельской, не делая, впрочем, ошибки ни в том, ни в другом случае.

Пока проходили переговоры насчет женитьбы, Алексей Петрович переехал из Дрездена в Краков, где продолжал свое обучение. Хорошо знавший Алексея граф Вильген, писал, что царевич «встает в 4 ч. утра, молится и читает. В 7 ч. Приходит Гюйссен, а затем и другие приближенные; в 9½ царевич садится обедать, причем ел много, пил же очень умеренно, затем он или читает, или идет осматривать церковь. В 12 приходит полковник инженер Куап, присланный Петром с целью обучать Алексея фортификации, математике, геометрии и географии; за этими занятиями проходит 2 часа. В 3 часа дня опять приходит Гюйссен со свитой и время

²⁹ Русский Биографический Словарь. Том II. Под набл. пред Имп. Рус. Ист. Общ. А.А. Половцева. СПб, тип. Главного Управления Уделов, 1900, стр. 37.

³⁰ Там же, стр. 37.

до 6 часов посвящается разговорам или прогулкам; в 6 часов бывает ужин, в 8 – царевич идет спать»³¹.

В августе 1710 г. Софья-Шарлотта писала матери о том, что Алексей в Дрездене ведет уединенный образ жизни, усердно занимается образованием: «Он берет теперь уроки танцев у Боти, и его французский учитель тот же, который давал уроки мне; он учится также географии и, как говорят, очень прилежен»³².

Летом 1711 г. в г. Яворово был подписан «Договор Петра I с Брауншвейг-Вольфенбюттельским домом о супружестве царевича Алексея Петровича и принцессы Шарлотты». Договор состоял из 13-ти пунктов, и, в частности, разрешал Шарлотте не принимать православия, при условии, что дети от этого брака будут воспитываться в православной вере.

Венчание царевича и кронпринцессы состоялось 14 октября 1711 г. в городе Торгау, во дворце Польской королевы и одновременно герцогини Саксонской, где невеста жила на правах родственницы. Во главе всего торжества был Пётр, вернувшийся из Прусского похода и немного подлечившийся на карлсбадских водах. Через три дня молодые по приказу Петра уезжают в Торунь, где Алексей должен был следить за подготовкой провианта для тридцатитысячной русской армии, стоявшей в Померании. В мае 1712 г. в Померанию прибыл Меншиков и взял Алексея на театр военных действий, Шарлотта же отправилась в Эльблонг, где стоял штаб Меншикова. Там, в октябре того же года она получила распоряжение Петра I, ехать через Ригу в Санкт-Петербург. Но в это время между молодыми произошло заметное охлаждение, и Шарлотта вместо Санкт-Петербурга уехала к себе в Вольфенбюттель. Понадобилось неожиданное прибытие Петра I в марте 1713 г. в замок Зальцзалум, чтобы убедить разобиженную и своенравную невесту вернуться к своему мужу.

Софья-Шарлотта, приехав в Санкт-Петербург, не застала мужа дома, так как он еще в мае вместе с отцом ушел на корабле в Финляндию, а потом по возвращении тотчас же был отправлен на заготовки корабельного леса в Старую Руссу и Ладогу. Царевич вернулся в Санкт-Петербург только в середине лета и очень обрадовался встрече с женой, которую не видел почти целый год.

Последний год, проведенный под присмотром царя, окончательно показал, что сын и отец – совсем разные люди. Алексей делал все, что ему приказывал отец, но делал это исходя не из своих внутренних убеждений, а из-за страха перед ним. Петра же не устраивало окружение его сына, в его пребывании более церковном, нежели государственном деле.

Требовательность отца тяготила Алексея, и он делал все, чтобы уклониться от, как ему казалось, ненужных и бесполезных для него занятий, а главное от опеки отца. Об их отношениях красноречиво свидетельствует один инцидент, произошедший вскоре после возвращения Алексея в Санкт-Петербург. Пётр попросил его принести чертежи, которые тот делал, находясь в Германии на учебе. Алексей же чертил плохо, а за него эту работу выполняли другие. Испугавшись, что Пётр заставит его чертить при себе, царевич решил покалечить правую руку и попытался прострелить ладонь из пистолета. Пуля пролетела мимо, но ладонь сильно обожгло пороховыми газами, и рука все же оказалась повреждена. Это стало последней каплей терпения для Петра, и он перестал общаться с сыном.

Не лучшим образом складывались отношения Алексея со своей супругой, в лице которой царевич увидел черты своего отца. Шарлотта, будучи лютеранкой, так и осталась при своем лютеранском вероисповедании и в привычном для нее окружении. Ее двор был целиком составлен из иностранцев и жил по своим западноевропейским правилам. Германская кронпринцесса не стремилась стать русской, принимать культопоклонническое православие и вживаться в диковатую для нее культуру русских нравов. Несмотря на это, 12 июля 1714 г. Пётр I

³¹ Там же, стр. 40-41.

³² Там же, стр. 41.

стал дедом, у Алексея и Шарлотты родилась дочь, Наталья. В это время Алексей завел роман с крепостной служанкой своего первого учителя Никифора Вяземского – Ефросиньей Фёдоровной, влюбившись в нее до такой степени, что впоследствии он просил даже позволения жениться на ней, предварительно выкупив Ефросинью и ее брата Ивана на волю у их хозяина. Пока же Алексей поселил свою любовницу в их большом доме, где супруги проживали по его разным сторонам, встречаясь друг с другом не чаще одного раза в неделю.

Австрийский посланник Оттон фон Плейер сообщал, что царевич, на которого немецкие нравы несколько не подействовали, часто пьянствовал и проводил время в дурном обществе. Когда Алексею приходилось бывать на парадных обедах у Государя или князя Меншикова, он говорил: «лучше бы мне на каторге быть или в лихорадке лежать, чем туда идти». Отношения царевича к жене, которая не пользовалась ни малейшим на него влиянием, быстро сделались очень дурными. Принцессе Шарлоте приходилось выносить грубые сцены, доходившие до предложения уехать ей за границу. В нетрезвом виде царевич жаловался на Трубецкого и Головкина, что они навязали ему жену-чертовку и грозил впоследствии посадить их на кол; под влиянием вина он позволял себе и более опасные откровенности. «Близкие к отцу люди, – говорил царевич, – будут сидеть на кольях. Петербург не долго будет за нами»³³. Когда Алексея Петровича предостерегали и говорили, что к нему при таких речах перестанут ездить, он отвечал: «Я плюю на всех, здорова бы была мне чернь. Когда будет время без батюшки, тогда я шепну архиереям, архиереи приходским священникам, а священники прихожанам, тогда они не-хотя меня свидетелем учинят»³⁴.

Разрыв отношений между сыном и отцом к этому времени было уже ни для кого не секретом. Для характеристики, как общество воспринимало их отношения, примечателен, издаваемый Г. Тепчегорским в 1714 г., акафист Алексею человеку Божию, в котором царевич изображен стоящим на коленях пред Петром и слагающим к его ногам корону, державу, шпагу и ключи.

12 октября 1715 г. Софья-Шарлотта вновь родила, на сей раз мальчика, которого назвали Петром. Роды были необычайно тяжелыми и через 10 дней, 22 октября Шарлотта скончалась. Царевич, по свидетельству Плейера, был вне себя от горести и несколько раз падал в обморок. 28 октября у Петра I родился второй сын, также названный Петром.

27 октября, в день погребения кронпринцессы, Алексей лично от отца получил длинное письмо, подписанное 11-го октября, в котором, отбросив в сторону приличествующие траурному дню сантименты, обвинил сына не только в неспособности, но и в нежелании учиться государственному управлению. Упрекая сына в том, что он не любит военного дела, которое, по его словам, является одним из двух необходимых для государства дел, наряду с соблюдением порядка внутри страны, Пётр писал: «Сие все представя, обращаю паки на первое, о тебе разсуждая: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью Вышняго насаждение и уже некоторое и возвращенное оставлю? Тому, иже уподобился ленивому рабу Евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (сиречь все, что дал Бог, бросил)! Еще же и сие вспомяну, какова злаго нрава и упрямаго ты исполнен! Ибо сколь много за сие тебя бранивал, и не точию бранивал, но и бивал, к тому же сколько лет почитаю не говорю с тобою; но ничто сие успело, ничто пользует, но все даром, все на сторону, и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться, хотя от другой половины и все противно идет. Однакож всего лучше, всего дороже безумный радуется своею бедою, не ведая, что может от того следовать (истину святой Павел пишет: како той может церковь Божию управить, иже о доме своем не радит?) не точию тебе, но и всему государству. Что все я с горестию размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо изобрел сей последний тестамент тебе написать

³³ Там же, стр. 44.

³⁴ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великаго. VI. СПб, 1859, стр. 35.

и еще мало пождать, аще нелицемерно обратишься. Ежели же ни, то известен будь, то я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангранный, и не мни себе, что один ты у меня сын, и что я сие только в устраску пишу: воинству (Богу извольшу) исполню, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребного пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный»³⁵.

Прочитав письмо от отца, Алексей обратился к своим тайным друзьям А. Кикину и В. Долгорукову, которые советовали ему отречься от наследства престола, воодушевляя его тем, что все может перемениться. Ободренный Алексей 31 октября пишет письмо отцу: «Понеже вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, также памяти весьма лишен (без чего ничего возможно делать) и всеми силами умными и телесными (от различных болезней) ослабел и непотребен стал к толикаго народа правления, где требует человека не такого гнилого, как я. Того ради наследия (дай Боже Вам многолетное здравие!) Российскаго по вас (хотя бы и братца у меня не было, а ныне слава Богу брат у меня есть, которому дай Боже здоровья) не претендую и впредь претендовать не буду»³⁶.

Через месяц после этого письма, отпраздновав именины Апраксина, Пётр тяжело заболел, что даже исповедовался и причащался. Оправившись от болезни, 19 января 1716 г. Пётр пишет Алексею следующее письмо. По-видимому, узнав, или догадываясь о настроении окружения Алексея, что его формальный отказ не может впоследствии быть веским аргументом для его сторонников, вес голоса которых был весьма существенным в государстве, Пётр говорит Алексею, что клятвам его не верит, потому что если бы он сам и хотел поступать честно, то сделать это не позволят ему: «возмогут тебя склонить и принудить большие бороды, которыя, ради тунеядства своего, ныне не во авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело. К тому ж, чем воздашь рождение отцу своему? Помогает ли в таких моих несносных печалях и трудах, достигши такого совершеннаго возраста? Ей, николи! Что всем известно есть, но паче ненавидишь дела моих, которыя я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и конечно по мне разорителем оных будешь. Того ради, так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно; но, или отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах: ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо, что ныне мало здоров стал. На что, по получении сего, дай немедленно ответ или на письме, или самому мне на словах резолюцию. А буде того не учинишь, то я с тобою как с злодеем поступлю»³⁷.

Прочитав письмо, Алексей вновь советовался с Кикиным, который воодушевил его словами, что «вить-де клубок не прибит к голове гвоздем; мочно-де его и снять»³⁸. «Тебе покой будет, как ты от своего отстанешь, – советовал Кикин, – я ведаю, что тебе не снести за слабостью своей, а напрасно ты не отъехал, да уж того взять негде»³⁹. И после этого 20 января Алексей попросил отца отпустить его в монастырь: «Милостивейший государь-батюшка! Письмо ваше, писанное в 19 день сего месяца, я получил тогож дня поутру, на которое больше писать за болезнью своего не могу. Желая монашескаго чина и прошу о сем милостиваго позволения. Раб ваш и непотребный сын Алексей»⁴⁰. Решимость ему придавали и те пророчества, которые бродили в среде недоброжелателей Петра. Духовник царицы Евдокии Фёдор Пустынник, ростовский архиерей Досифей и юродивый Михайло Босой, подкрепляя различными видениями, говорили, о близкой смерти царя и возвращении Евдокии на царство.

³⁵ Там же, стр. 48-49.

³⁶ Там же, стр. 49-50.

³⁷ Там же, стр. 51.

³⁸ Там же, стр. 447.

³⁹ Русский Биографический Словарь. Том II. Под набл. пред Имп. Рус. Ист. Общ. А.А. Половцева. СПб, тип. Главного Управления Уделов, 1900, стр. 45.

⁴⁰ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великаго. VI. СПб, 1859, стр. 51.

Через неделю, отправляясь в Европу, Пётр навестил сына и еще раз попросил его, не торопясь, в течение полугода все обдумать: быть ли ему наследником или монахом: «не спеши; потом пиши ко мне, что хочешь делать; а лучше бы взять за прямую дорогу, нежели в черны»⁴¹.

Вскоре после отъезда Петра, в Карлсбад отправлялся Кикин. Прощаясь с Алексеем, он шепнул ему, что, находясь в Европе, найдет царевичу какое-нибудь потайное место, где ему можно будет укрыться, бежав из России. 26 августа 1716 г. Пётр послал Алексею письмо все с тем же вопросом. И написал, что если он хочет остаться наследником, то путь едет к нему в Копенгаген и сообщит, когда выезжает из Санкт-Петербурга, а если – монахом, то скажет о сроке принятия пострига.

Алексей будто бы решил ехать к Петру, выехав из Санкт-Петербурга 26 сентября 1716 г. Он взял с собой свою любовницу Ефросинью, ее брата Ивана, и трех слуг, получил проездные деньги в Сенате, занял у Меньшикова, а потом и у обер-комиссара Риги (восемь тысяч рублей). В Либаве (Лиепая) Алексей встретился с теткой Марией Алексеевной, которой посетовал: «уже я себя чуть знаю от горести; я бы рад куда скрыться». Тетка рассказала ему об откровении ей и другим людям, что многое поворотится, что «Питербурх не устоит за нами: "Будь-де ему пусто; многие-де о сем говорят"»⁴², сообщила, что архиереи Дмитрий да Ефрем, да Рязанский и князь Ромодановский склонны к нему. Здесь же в Либаве Алексей повстречался с Кикиным, который сказал ему, что царевича ждут в Вене и цесарь примет его, как сына, обеспечив ежемесячный пансион в три тысячи гульденов. После бесед с теткой и Кикиным Алексей, проехал в Данциг, повернул на юг, и исчез. Вскоре он прибыл в Вену, где его приняли инкогнито и укрыли в тирольской крепости Эренберг, в Альпах.

Через два месяца Пётр распорядился начать поиски беглеца. Капитану гвардии А. Румянцеву становится известно его местонахождение, что вынуждает царевича и Ефросинью прятаться еще дальше в Неапольском замке Сент-Эяльм. Но и там Алексея находят царские слуги. 24 сентября 1717 г. туда прибывает тайный советник П. А. Толстой и капитан А. Румянцев, а 3 октября, во время пятой беседы, всеми правдами и неправдами они получают от Алексея согласие вернуться в Санкт-Петербург. Ему обещают прощение отца и даже разрешение жениться на Ефросинье, которая была на четвертом месяце беременности.

Съездив в расположенный недалеко от Неаполя город Бари, и поклонившись там мощам «святого чудотворца» Николая Мирликийского, Алексей 14 октября отправился на родину. Ефросинья сначала ехала вместе с ним, но потом отстала, чтобы продолжить путь неспешно и не подвергать себя опасности выкидыша или неблагоприятных родов. Алексей же с дороги писал ей письма, в которых выказывал за нее беспокойство.

31 января 1718 г. царевича Алексея доставляют в Москву, а через три дня он предстает перед отцом. В присутствии духовенства и светских вельмож беглец на коленях молил царя простить ему его преступление, что ему было обещано при двух условиях: он должен будет отказаться от наследственных прав на престол в пользу своего брата-младенца и выдать всех людей, причастных к бегству. Пётр, конечно, здесь проявил хитрость, дав Алексею поверить в возможность благополучного исхода всей этой истории. Для царя было вполне очевидно, что царевич только одним своим присутствием представляет опасность для его преобразований.

Отречение состоялось сразу же в Успенском соборе Кремля, а на следующий день Алексей Петрович давал развернутые показания об обстоятельствах своего побега. По этим показаниям в Преображенский приказ, прежде всего, были доставлены его главные сообщники – бывший учитель, Никифор Вяземский, бывший царский денщик Александр Кикин, камердинер Иван Афанасьев и дьяк Фёдор Воронов. Свободы передвижения лишается князь Василий Дол-

⁴¹ Там же, стр. 52. «Хорошо-де, ты что наследства не хочешь; разсудите, что чрез золото слезы не текут ли? Тебе того не понесь» (там же, стр. 448).

⁴² Там же, стр. 457.

горукий (победитель булавинского бунта). Привлечен к делу был Ростовский епископ Досифей «за лживые его на Святых видения и пророчества и за желательство смерти Государевой и за прочие вины»⁴³. Вслед за ними на допросах и пытках оказались более пятидесяти человек.

Искали доказательства причастности к «заговору» и матери Алексея – инокини Елены, бывшей царице Евдокии Фёдоровны. Розыски по этому поводу раскрыли ее давнюю любовную связь с майором Степаном Глебовым и попустительство этому со стороны духовника Фёдора Пустынного. Вот небольшая вырезка из писем монахини Елены к майору Глебову: «Чему то петь (?) быть горесть моя ныне. Как бы я была в радости, так бы меня и далее сыскали; а то ныне горесть моя! Забыл скоро меня! Не умилиствовали тебя здесь мы ничем. Мало, знать, лице твое, и руки твоя, и все члены твои, и суставы рук и ног твоих, мало слезами моими мы не умели угодное сотворить»⁴⁴. Также было выяснено, что Глебов был причастен «к возмущению на его царское величество народа, и умыслы на его здравие, и на поношение его царскаго величества имени и ея величества государыни Екатерины Алексеевны... да и потому он смертныя казни достоин, что с бывшею царицею, старицею Еленою, жил блудно, в чем они сами винулись имянно»⁴⁵.

В глазах Петра ситуация складывалась ужасающим образом, поскольку царь, как выяснилось по следствию, даже не мог доверять своим близким приближенным. Фактически был открыт заговор, в котором замешана чуть ли не половина России, и который состоял в том, что царевича хотели возвести на престол, заключить со Швецией мир, и возвратить ей все приобретения.

Расправа была скорая и жестокая: Кикина и Досифея колесовали; Глебова, сначала замучив пытками почти до смерти, посадили на кол; Афанасьева, Воронова, Пустынного и певчего царевны Марии Алексеевны – Журавского – «убивают не больно».

«За два дня до отъезда моего в С.-Петербург, – доносит резидент Плейер цесарю, – происходили в Москве казни: маиор Степан Глебов, пытанный страшно, кнутом, раскаленным железом, горящими угольями, трое суток привязанный к столбу на доске с деревянными гвоздями, и при всем том ни в чем не сознавшийся, 26/15 марта посажен на кол часу в третьем перед вечером и на другой день рано утром кончил жизнь. В понедельник 28/17 марта колесован архиерей Ростовский, заведовавший Суздальским монастырем, где находилась бывшая царица; после казни, он обезглавлен, тело сожжено, а голова взоткнута на кол. Александр Кикин, прежний любимец Царя, также колесован; мучения его были медленны, с промежутками, для того, чтобы он чувствовал страдания. На другой день Царь проезжал мимо. Кикин еще жив был на колесе: он умолял пощадить его и дозволить постричься в монастыре. По приказанию Царя, его обезглавили и голову взоткнули на кол. Третьим лицом был прежний духовник царицы, сводничавший ее с Глебовым: он также колесован, голова взоткнута на кол, тело сожжено. Четвертым был простой писарь, который торжественно в церкви укорял Царя в лишении царевича престола и подал записку: он был колесован; на колесе сказал, что хочет открыть Царю нечто важное; снят был с колеса и привезён к Царю в Преображенское; не мог однако же от слабости сказать ни слова, и поручен был на излечение хирургам; но как слабость увеличилась, то голова его была отрублена и взоткнута на кол; а тело положено на колесо. При всем том думают, что он тайно открыл Царю, кто его подговорил и от чего обнаружил такую ревность к царевичу.

Кроме того, иные наказаны кнутом, другие батогами всенародно, и с обрезанными носами сосланы в Сибирь. Знатная дама из фамилии Троекуровых бита кнутом; другая, из фамилии Головиных, батогами. По окончании экзекуции, княгиня, несколько лет бывшая в

⁴³ Там же, стр. 219.

⁴⁴ Там же, стр. 329.

⁴⁵ Там же, стр. 218-219.

большой силе при дворе, супруга князя Голицына, родная дочь старого князя и шацмейстера Прозоровского, привезена была в Преображенское: там на пыточном дворе, в кругу сотни солдат, положена на землю с обнаженной спиной и очень больно высечена батогами; после того отправлена к мужу, который отослал ее в дом отца.

В городе на большой площади перед дворцом, где происходила экзекуция, поставлен четырехугольный столп из белого камня, вышиной около 6 локтей, с железными спицами по сторонам, на которых взоткнуты головы казненных; на вершине столпа находился четырехугольный камень, в локоть вышиною; на нём положены были трупы казнённых, между которыми виднелся труп Глебова, как бы сидящий в кругу других»⁴⁶.

После смерти Глебова Пётр велел предать своего соперника анафеме и поминать его рядом с раскольниками. Евдокию Фёдоровну собор священнослужителей приговорил к наказанию кнутом. Ее били публично в присутствии всех участников собора, а затем отослали в северный Успенский монастырь на Ладого, а потом в Шлиссельбургскую тюрьму. Князя Долгорукова сослали в Соликамск, Вяземского – в Архангельск.

На этом дело не закончилось. В середине апреля в Санкт-Петербург из-за границы привезли беременную Ефросинью. Ее тут же арестовали, посадили в крепость и приступили к допросам. Ефросинья дала исчерпывающие показания, изобличавшие Алексея во лжи. Правда, ее ни разу не пытали, а Пётр всячески выказывал ей свое расположение, объясняя тем, что ее показания окончательно погубили царевича. Ей, конечно же, запретили думать о венчании, а свидание с Алексеем уже позже происходило только во время очных ставок. Дальнейшее известие о ее судьбе, родила ли она мальчика или девочку, остались скрытыми для истории.

На допросах Ефросинья показала, что царевич в своих письмах императору неоднократно жаловался на отца, что посылал русским архиереям прелестные письма, что он радовался плохим вестям из России, надеясь на свое воцарение. Говорил, что, став царем, он прекратит войну, ликвидирует флот, сократит армию, поменяет правительство, будет жить в Москве, а Санкт-Петербург сделает провинциальным городом. То есть пустит по ветру все, что так дорого его отцу. Сам Алексей на допросах показал, что многие министры по смерти отца (которую ожидал скоро от слухов о том, что у кого эпилепсия случается в летах, тот не более двух лет живет) признают его если не государем, то во всяком случае управителем, что ему помогли бы генерал Боур, который стоял в Польше, архимандрит Печерский, которому верит вся Украина, и архиерей Киевский. «И так вся от Европы граница моя б была и все б меня приняли без великой противности, хотя не в прямые государи, а в правители всеконечно»⁴⁷. Мало того, на вопрос пристал ли бы он к бунтовщикам при жизни Петра I, Алексей отвечал: «А понеже в последнем моем повиновении написано, что ежели бы бунтовщики меня когда б нибудь (хотя при живом тебе) позвали, то б я поехал». Правда он постарался обернуть этот факт, как вынужденную меру для себя, последующими словами: «и то ныне написал было я для того, чтоб когда оное было в люди явлено, то бы как нибудь, или прошением, или угрозами, за меня вступились»⁴⁸. То есть, он передает мысль, что когда произойдет бунт, и, думается, бунтовщики возьмут власть, чтоб они не забыли про него, ведь он, как-никак, царевич. Таким образом, как бы то ни было, вынуждено или не вынуждено, но, фактически, Алексей перешел границу от простого нерадения лентяя к противодействию отцу и всем его делам, и фактически это уже являлось преступлением против государства.

⁴⁶ Там же, стр. 224-225.

⁴⁷ Там же, стр. 253.

⁴⁸ Там же, стр. 257.

Пётр потребовал у подданных отречения от наследника Алексея Петровича и присяги своему второму (от Екатерины) сыну, Петру Петровичу. Существует также версия, что за спиной у Петра стояла Екатерина, для которой живой Алексей был абсолютно не нужен.

14 июня царевича привезли из Москвы в Санкт-Петербург, где сразу же посадили в Петропавловскую крепость, в Трубецкой Бастион. 17 июня царевич перед Сенатом рассказал о всех своих надеждах на народ. 19 июня его начали пытать, в этот день ему дали 25 ударов кнутом. Больной, слабый духом, и смертельно напуганный на последующем допросе Алексей признавался в том, чего не было, стараясь, чтобы пытки прекратились как можно скорее. Он даже сознался, что хотел добыть престол вооруженным путем, используя армию императора: «Ижели б до того дошло, и цесарь бы начал то производить в дело, как мне обещал, и вооруженною рукою доставить меня короны Российской... А войска его, которые бы мне он дал в помощь, чем бы доступал короны Российской, взыл бы я на свое иждивение, и одним словом сказать: ничего бы не жалел, только, чтобы исполнить в том свою волю»⁴⁹ – показал он на допросе 22 июня. Таким образом, официально царевич становился уже не просто лицом, готовым запоздало примкнуть к народному бунту, а уже даже намеревавшийся использовать иностранные войска, соответственно и следовательно, быть во главе оппозиционного движения народных масс. 24 июня царевича, по подозрению утайки лиц, причастных к заговору, повторно пытали и дали ему 15 ударов кнутом.

Не желая лично принимать роковое решение, Пётр 24 июня обратился к духовенству и членам особой комиссии, составленной из светских лиц, с одним вопросом: «Какого наказания заслуживает царевич?» Духовенство отвечало уклончиво, хотя и призывало к отпущению грехов и помилованию, светские же чины, в количестве 127 человек, обязанные Петру своей карьерой и положением в обществе, единогласно проголосовали за смертную казнь. Каким образом следовало умертвить, суд отдал на рассмотрение отца.

Существуют сведения, что, уже после вынесения смертного приговора, Пётр приехал в Трубецкой Бастион, чтобы еще раз пытать сына. По одним данным, при последней пытке были Пётр, Меншиков и другие сановники. По другим – только сам Пётр и его особо доверенный человек, генерал-аншеф А.А. Вейде.

В истории Руси такого еще не было, чтобы казнили царского сына или сына великого князя. Кроме того, были опасения и в самой процедуре публичной смертной казни члена царской семьи и наследника престола. Как отреагирует церковь и духовенство? Какой резонанс будет в Европе? Наиболее желательным исходом всего мероприятия для Петра было бы незаметное исчезновение царевича. Это и произошло 26 июня в застенках Трубецкого Бастиона.

Трагическая смерть царевича Алексея вызвала у современников и позднейших поколений разноречивые слухи и догадки. Одни утверждали, что царевич умер после, или не выдержав, пытки, в которой участвовал сам Пётр, который хотел допытать шведскую направленность; другие предполагали смерть от яда, или задушен или умер от волнения. Пушкин, например, изучавший историю Петра, писал, что царевич умер отравленным. Окончательная версия гласила, что царевич «от кровавого пострела умер»⁵⁰, то есть от апокалиптического удара.

Желая показать, что смерть Алексея для него ровно ничего не значит, Пётр на следующий же день после казни сына пышно отпраздновал девятую годовщину победы над Полтавой. 29 июня государь праздновал свои именины, присутствовал на спуске корабля.

Тело царевича, перенесенное из Петропавловской Крепости, лежало в церкви Святой Троицы. 30 июня, вечером, оно было предано земле в Петропавловском соборе, рядом с гро-

⁴⁹ Там же, стр. 276.

⁵⁰ Русская старина, №8, 1905. Том 123. Казнь царевича Алексея Петровича. (Письмо Александра Румянцева к Титову Дмитрию Ивановичу). С. 416.

бом кронпринцессы. За гробом царевича «изволил высокою своею особою идти его царское величество... а за его царским величеством шли... генерал-фельдмаршал святейший князь Меншиков и министры и сенаторы и прочия персоны... а потом изволила идти ея величество государыня царица; а за ея величеством госпожи вышеописанных знатных персон жены»⁵¹. Траура не было. Дело царевича продолжалось, были казнены еще несколько причастных к нему людей, других били кнутом и вырезали им ноздри.

В официальных бумагах все чаще стало появляться имя единственного сына Екатерины, трехлетнего Великого князя Петра Петровича. Родители видели в нем законного наследника престола. Но судьба решила иначе: после недолгой болезни 25 апреля 1719 г. ребенок умер. Наследником по мужской линии становился внук Петра, сын «непотребного» Алексея – четырехлетний Пётр Алексеевич. Но такая диспозиция не устраивала, как ни самого Петра, опасавшегося за судьбу своих побед и реформ, так ни «птенцов гнезда Петровых», панически боявшихся прихода к власти сына Алексея Петровича, к смерти которого они все были причастны. По молодости же лет наследника и относительно благополучного состояния здоровья правящего монарха, вопрос о престолонаследии до поры до времени не обсуждался, но и не снимался с повестки дня.

Трагедию царевича Алексея раскольники рассудили по-своему, выражая ему сочувствие: «Петр-де не государь, Петр не русский человек, он иноземец, он подменен в Швеции, в неметчине; нет, он ни то, ни другое... он антихрист! Он приводит все и вся к своей вере... он и сына запытал, "потому-де, что сам антихрист; приводил царевича в свое состояние, а тот его не послушал, и за то антихрист этот и убил до смерти..."»⁵². В 1721 г. известный пензенский проповедник учения об антихристе, Левин, с клироса деревенской церкви вне себя кричал народу, собравшейся на службе: «Послушайте, православныя христиане! Слушайте: ныне у нас представление света скоро будет... Государь ныне загнал весь народ в Москву и весь его погубит... Вот здесь. В этом месте, – говорит он народу, указывая на свою руку между указательным и большим пальцем, – в этом месте царь их будет пятнать, и станут они в него веровать...»⁵³

«...Нынче последнее время, – говорит тот же Левин, явившись погостить в Жадовскую пустынь, – антихристово пришествие... Привезены в С.-Петербург печати... хочет людей печатать... В Петербурге, в Невском монастыре монахи мясо едят, а все то дело не государево, а антихристово, и государь антихрист!..»

19 марта 1722 г. в Пензе на базаре Левин, взобравшись на плоскую крышу одной из мясных лавок, сняв клобук, поднял его на клюке вверх и закричал окружавшей его толпе: «... Послушайте, христиане, послушайте! Много лет я служил в армии... Меня зовут Левин... Жил я в Петербурге; там монахи и всякие люди в посты едят мясо и меня есть заставляли... А в Москву приехал царь Петр Алексеевич... Он не царь Петр Алексеевич, а антихрист... антихрист!.. а в Москве все мясо есть будут сырную неделю и в великий пост, и весь народ мужескаго и женскаго пола будет он печатать, а у помещиков всякой хлеб описывать, и помещикам будет давать хлеба самое малое число, а из остального отписнаго хлеба будут давать только тем людям, которые будут запечатаны, а на которых печатей нет, тем хлеба давать не станут... Бойтесь этих печатей, православные!.. бегите, скорее куда-нибудь. Последнее время... антихрист пришел... антихрист!..»⁵⁴

Та жестокость, которую Пётр проявлял к ближайшим и отдаленным участникам этого процесса (например, того же Левина постигла страшная кончина – он был живьем сожжен в Москве), а равно и к лицам, выразившим сочувствие много позже уже несуществующему

⁵¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. VI. СПб, 1859, стр. 282.

⁵² Семевский М.И. Слово и дело. 1700-1725. СПб, тип. В.С. Балашева, 1884, стр. 110.

⁵³ Там же, стр. 108.

⁵⁴ Там же, стр. 109.

царевичу, показывает, что Пётр в этом видел для себя и своего дела большую опасность. Не безынтересно отметить, что именно в трагедии царевича Алексея в народном сознании сформировался образ борьбы старого с новым.

Самым ярким проявлением оппозиционного настроения Москвы к делам Петра были большей частью, так называемые, «подлые люди»: солдатская жена и квартирохозяйка, поп да фанатик-«раскольник», дьячок да капитан с монашескими наклонностями, захудалый помещик да отставной дьяк – вот приблизительные чины и звания, которые больше всего доставляли материалов для заплечных дел преображенских мастеров. То, что они громче и энергичнее всего кричали, это понятно: «подлые люди» острее всего чувствовали на себе гнет Петра. Но эти чины и звания не соответствовали еще всей Москве, ее самой влиятельной ее части. В Преображенском застенке не слышно авторитетного голоса старого боярства, поместного служилого дворянства и высших чинов «учительского класса». Наученной эпохой Грозного, стрелецких бунтов при Софье и Петре высшее духовенство и старое боярство молчало. На что были способны иерархи и подручное им духовенство, когда «не могло молчать», так это в выражениях своего оппозиционного настроения в много-много туманных проповедях, в роде той, какую произнес Стефан Яворский, говоря ребячьим языком о верблюде, мутившим воду, чтобы не видеть своего безобразия, да в форме пассивного сопротивления, какое, например, духовенством было проявлено по отношению к указу Петра об учреждении цифирных школ.

Страх пронизывал общество. Он чувствовался в старообрядческих Керженских скитах не менее ощутимо, чем в боярском тереме, за стеной московского монастыря и на «верху» в царской семье. Сестра Петра, Екатерина Алексеевна, писала своей наперснице, поверенной по открытию кладов, когда дело об их кладоискательстве попало к Ромодановскому: «...Пуще всего, писем чтобы не поминала [соучастница]... Для Бога, ты этих слов никому не сказывай, о чем писано, что с ним говорить; не верь ни в чем, никому, не родному...»⁵⁵ «И Дарье про то молвь, чтоб не сказывала тех врак, что про старца Агафья ей сказывала... так в чем нет свидетелей, так нечего и говорить. Чтob моего имени не поминали. И так нам горько и без этого!..»⁵⁶

В этом всеобщем страхе, который пережил своего носителя, и находилась разгадка той парализованности и нерешительности, какую проявляли враги Петра, чувствовавшие себя в щупальцах того спрута, который сидел, сначала в Преображенском застенке, в виде Ромодановского, а потом в Тайной канцелярии в Санкт-Петербурге, в лице гр. П.А. Толстого. Но уже через 10-13 лет после смерти Петра, обнаружилась цена того молчания, которым напутствовались высшие слои русского общества для Преобразователя. «Память Петра I, – писал Фоккеродт в 1737 г., – в почтении только у простоватых и низшаго звания людей да у солдат, особливо у гвардейцев, которые не могут еще позабыть того значения и отличия, какими они пользовались в его царствование. Прочие хоть и делают ему пышные похвалы в общественных беседах, но если имеешь счастье коротко познакомиться с ними и снискать их доверенность, они поют уже другую песню. Те еще умереннее всех, которые не укоряют его больше ни в чем, кроме того, что приводят против Петра Шраленберг, в описании Северной и Восточной части Европы и Азии... большинство их идет гораздо дальше, и не только взваливает на него самые гнусные распутства, которых стыдно даже и вверить перу, и самые ужасные жестокости, но даже утверждают, что он не ненастоящий сын Царя Алексея, а дитя Немецкаго хирурга, которое яко бы тайно подменила Царица Наталья вместо рожденной ею дочери, и умеют сказать о том много подробностей...»⁵⁷

⁵⁵ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великаго. III. СПб, 1858, стр. 410-411.

⁵⁶ Там же, стр. 412.

⁵⁷ Россия при Петре Великом, по рукописному известию Иоанна Готтгильфа Фоккеродта и Отгна Плейера. Пер. с нем. А.Н. Шемякина. Москва, Общ. Ист. и Древ. Рос. при Мос. Унив., 1874, стр. 105-106.

«Об его храбрости и прочих, приписываемых ему, качеств, у них совсем другое понятие, нежели какое составили о том за границей, и большей части его дел они дают очень странные, не слишком-то для него почетные, причины. Все его новые распоряжения и учреждения они умеют превосходно обращать в смешную сторону; кроме того Петербург и флот в их глаза мерзость, и уже тут не бывает у них недостатка в доказательствах для подтверждения этого положения. Да и заведение правильного (регулярного) войска, считаемое всем светом за величайшую пользу, доставленную Царству Петром I-м, для них бесполезно и вредно; бесполезно по их твердой уверенности, что только бы они сами сидели смирно и не мешались без надобности в ссоры, а то никто не нападет на них из соседей, и что во всяком случае довольно с них и старых военных порядков для удаления врага от своих пределов; вредно, по тому что считают правильно обученное войско новыми узами, которые вполне подчиняют их самовластному произволу Государя, как бы ни был он несправедлив и странен, лишают их всякого покоя и удовольствия, какими они могли бы наслаждаться на родине, и принуждают их служить на войне, которая в подобном случае, по мнению их, великая беда, а для тех, которые служат тут по доброй воле – большая глупость»⁵⁸.

«Их рассуждения об этом предмете своеобразны. Если приведешь им на ум пример других Европейских народов, у которых дворянство ставит себе в величайшую почесть отличиться военными заслугами, они отвечают: "Много примеров такого рода доказывают только то одно, что на свете больше дураков, чем рассудительных людей. Ели вы, чужеземцы, можете жить для себя, а со всем тем подвергаетесь из пустой чести потере здоровья и жизни, и в этом только и ставите такую честь, так покажите нам разумную причину такого поведения. Вот коли вы из нужды служите, тогда можно извинить вас, да и пожалеть. Бог и природа поставили нас в гораздо выгоднейшие обстоятельства, только бы не мучили нашего благоденствия иноземные заботы. Земля наша такая обширная, а нивы такие плодородные, что ни одному дворянину не с чего голодать: сиди он только дома, да смотри за своим хозяйством. Как ни маловато его имение, хотя бы и сам он должен был ходить за сохой, ему все же лучше, чем солдату. Ну а кто мало мальски зажиточен, тот пользуется всеми утехами, каких может желать с разсудком: вдволь у него и пищи и питья, одежды, челяди, повозок: тешится он, сколько душе угодно, охотой и всеми другими забавами, какая бывали у его прадедов. Коли нет ку него вышитого золотом и серебром платья, ни пышных колымаг, ни дорогого убранства покоев, не пьет он никаких тонких вин, не ест заморского лакомого куска, так за то он тем счастлив, что и не знает всех этих вещей, не чувствует и никакой охоты к ним, а живет себе на своих природных харчах и напитках так же довольно и здорово, как и чужеземец на своих высокопрославленных сластях... А теперь после того, как вы-то, иностранцы, внушили нашему Государю такие правила, что войско следует держать всегда, в мирную и военную пору, нам уж нечего и помышлять о таком покое. Ни один враг не намерен нас обижать. Напротив того, наше положение делает нас достаточно безопасным. А тут только что замирились, думают уж опять о новой войне, у которой зачастую и причины то другой нет, кроме самолюбия Государя, да еще его близких слуг. В угоду им не только разоряют не на живот, а на смерть, наших крестьян, да и мы-то сами должны служить, да и не так еще, как в старину, пока идет война, а многие годы к ряду жить вдалеке от своих домов и семейств, входить в долги, между тем отдавать свои поместья в варварские руки наших чиновников, которые зауряд так их доймают, что, когда, наконец, придет такое благополучие, что нас по старости, али по болезни, уволят, нам и всю жизнь не поправить своего хозяйства..."»⁵⁹

«Если возроют им на то, что, положим, при своих старых порядках, они в состоянии были защитить свои пределы, однако ж распространение этих пределов не могло быть без обу-

⁵⁸ Там же, стр. 106.

⁵⁹ Там же, стр. 106-108.

ченнаго войска, они отвечают: "Земля наша довольно велика, и потому распространять ее не для чего, а разве только населять. Завоевания, сделанные Петром I-м, не дают России ничего такого, чего бы не имела она прежде, не умножают и нашу казну, но еще стоят нам гораздо дороже, чем приносят дохода. Они не прибавляют безопасности нашему Царству, а еще вперед, пожалуй, делают то, что мы станем больше, чем следует, мешаться в чужие ссоры, и никогда не останемся в барышах от того. По тому-то Петр I-й наверное уж поступил бы гораздо умнее, если бы миллионы людей, которых стоила Шведская война и основание Петербурга, оставил за сохою дома, где недостаток в них слишком ощутителен. Старинные Цари хоть и делали завоевания, да только таких земель, владение которыми необходимо для Царства, или откуда нас беспокоили разбои. Кроме того, они давали нам пользоваться плодами наших трудов, поступали с побежденными, как с побежденными, делили между дворянством их земли: а на место того Ливонцы чуть у нас на головах не пляшут и пользуются большими льготами, чем мы сами, так что изо всего этого завоевания не выходит нам никакой другой прибыли, кроме чести оберегать чужой народ на свой счет да защищать его своею же кровью»⁶⁰.

Эта испепеляющая критика дел Петра, принадлежавшая, по-видимому, служилому помещному дворянству – «шляхетству», служит восполнением того пробела, который невольно произошел при характеристике отношений к Петру разных групп оппозиционного центра. В застеночных актах служилое дворянство не оставило своих следов, вероятно, потому что слишком занято было петровскими маршами, а может и потому, что военный регламент Петра научил «шляхетство» беречь свои головы и поместья не меньше, чем духовный регламент – беречь духовные клобуки и приход...

С не меньшей запальчивостью подводила итоги деяния Петра I народная сатира, создавшая в аллегорическом изображении «погребение кота мышами» – символическую оценку кончившегося царствования. В этом отношении народное творчество шло против Петра по стомам Петра, который при жизни был большой мастер изображать свои успехи и неудачи врагов в грубоватых, но общедоступных аллегориях и эмблемах.

Бесчисленное количество изданий, которое выдержала сатира-картинка «как мыши кота погребали», говорит за ее популярность и сочувствие к ней в широких слоях общества. В ее героях трудно не узнать Петра, близких к нему лиц, сотрудников и «безчинного» их поведения, со старомосковской точки зрения. Царский титул покойного «кота» ясно вскрывает в его характеристике: «кот Казанский, ум Астраханский, разум Сибирский, усы, как у турка...» В сатире точно вскрывается и день смерти Петра: «в серый (зимний) четверг в шестопятое число» (Пётр скончался в январе, в четверг, в шестом часу утра). Не без цели сатира показывает и знакомую народу «одноколку», обычный экипаж покойного кота. В котовой вдове, «чухонке-адмиральне Маланье» нельзя не узнать Екатерину I. Но в отличие от испепеляющей критики дворянства, затрагивающие государственные преобразования Петра, народная сатира удостоила удвоенного внимания все то, что шло в разрез со старомосковскими бытовыми устоями, как то, брадобритие, табакокурение, клеймение рекрутов-новобранцев, необычное введение музыки в церковный обряд погребения; принудительное плетение лаптей, всепьянейший собор, засилье иноземцев и иноземщины – все, чем своеобразна была окружавшая Петра атмосфера, бичуется в колкой сатире, как богомерзкое и бесчинное поведение распутного Кота. Эта как раз та сторона петровских реформ, которая больше всего бросалась в глаза современнику и в глазах последующих поколений казалась ненужным увлечением Преобразователя. И в этом же кроется одно из доказательств, что сами государственные реформы Петра в большей степени выходили из примера западного прогресса, с наименьшей, согласовывались с вопросами народной жизни, и сама тяжесть их была как бы в привычном порядке вещей.

⁶⁰ Там же, стр. 108-109.

С такой точки зрения сатира «как мыши кота погребали» является не только злобной иронией над тяжелой деятельностью Петра, но и вполне здоровой, нормальная оценкой ее слабых сторон, и в то же время веселым итогом тех скорбных речей, которые во времена жизни Петра со стоном неслись с трибуны современной оппозиции, из Преображенского застенка.

В нашем воображении исторический образ Петра Великого до сих пор приравнен к царю-плотнику, работающему на корабельной верфи, с топором в руках. Тому легко отыскать разгадку. Пётр строил не одни корабли, он был строителем во всем своем государственном управлении; топор тесал бревна, но его же тяжелые и нередко по своей грубости ошибочные удары ложились на весь уклад русской жизни. Законодательная деятельность Преобразователя – это та же спешная работа на верфи, с той лишь разницей, что при постройке кораблей есть готовый план, а при государственном строительстве Петра, как сам державный работник, так и его сотрудники действовали ощупью, с трудом выясняя себе детали работы по мере ее суетливого исполнения.

Царствование Петра оставило более 3000 указаний, написанных большей частью или самим царем, или под его непосредственным руководством. Мысль, что государь всемогущ – не только *de jure*, как Божий помазанник и как лицо, которому народ передал свою свободу, но и *de facto*, ввиду полной зависимости судьбы народа от способа управления – красной нитью проходит через все практическую деятельность Преобразователя. По государственно-правовым воззрениям XVII века, обязанность государя – воспитывать народ, насаждая при этом «обще благо». До потопа, по мнению хорошо знакомому Петру, Пуфендорфа, не могло быть государства, потому что, будь государственная власть, она не дала бы людям впасть в прегрешение. Каков царь, таковы и подданные, «понеже по примеру Королевскому и подданныи жителствуют»⁶¹. Для русских, как их себе представлял Пуфендорф, тем более необходима сильная власть: «Рабское Россиян повиновение, зело силы их укрепляет и умножает»⁶².

Выросшее в военных условиях законодательство этого периода времени представляет значительные особенности и по форме, и по содержанию: по словам В.О. Ключевского, петровская «реформа шла среди растерянной суматохи, какой обычно сопровождается война. Нужды и затруднения, какие она вызывала на каждом шагу, заставляли Петра спешить. Война сообщала реформе нервозный, лихорадочный пульс, болезненно-ускоренный ход»⁶³. Недоработанность, торопливость – вот первая особенность Петровского законодательства. Но в литературе отмечена и другая особенность, вытекавшая из стремления Преобразователя, несмотря на трудные условия царствования, внести в него некоторые новые взгляды. Старое, допетровское законодательство ставило задачей действовать по преимуществу страхом, мало заботясь о том, понимают или не понимают подданные целесообразность предписанного. Указам же Петра обыкновенно предшествует попытка объяснить цель законодательства и его важность, отчего их угроза становится еще суровее: представляется вдвойне преступным тот, кто нарушал закон после его разъяснения. Типичный этому духу является указ 17 апреля 1722 г. о повиновении законам: «понеже ничто так ко управлению Государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всуе законы писаны, когда их не хранить или ими играть в карты»⁶⁴, начинает законодатель, а затем, за длинной мотивировкой, приглашающей повиноваться законам не за страх, а за совесть, следует угроза: «Буде же кто сей Наш указ преступить под какою отговоркою ни есть, следуя правилам Гагариновым [князя Гагарина, сибирского губернатора,

⁶¹ Введение в историю европейскую чрез Самуила Пуфендорфия... Пер. с лат. Гавриила Бужинского. СПб, 1718, стр. 149.

⁶² Там же, стр. 409.

⁶³ Ключевский В.О. Сочинение в 9-ти томах. Т. IV. Курс русской истории. Под ред. В.Л. Янина. Послесл. и ком. В.А. Александров и В.Г. Зимин. Москва, Мысль, 1989, стр. 198-199.

⁶⁴ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том VI. 1720-1722. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №3970, стр. 656.

казненного за лихоимство]: тот, яко нарушитель прав Государственных и противник власти»⁶⁵, в свою очередь «казнен будет смертью без всякой пощады»⁶⁶. Мотивировка петровских указов нередко значительно превосходит своими размерами сам указ. В мотивировках присутствуют частные случаи, подавшие повод к указам, соображения правильности, необходимости отеческой защиты «безвластного бедного люда», вдов, сирот, ссылку на положение России, как одной из «христианских стран» под управлением «христианского государя». Хотя сам термин «христианский» означал для Петра «европейский». Россия должна примкнуть к Европе, а не к Азии, и следовать, по возможности, во всем примеру первой. «Понеже всем ведомо есть, что во всех Христианских Государствах непременно обычай есть Потентам супруг своих короновать, и не точно ныне, но и древле право у славных Императоров Греческих сие многократно бывало...»⁶⁷ – потому-то, согласно манифеста 15 ноября 1723 г. Петра коронуется императрицей Екатерину.

Преобразователь выступает как обновитель русской жизни. Здесь прослеживается, с одной стороны, твердая вера в силу власти, а с другой – недоверие к народной массе, неспособной, без надлежащего руководства, отличить правую руку от левой. Законодатель призван спасти страну, «от глупости и недознания», превратить подданных «из скотов в людей» – «буде волею не похотят, то и неволей». Во имя общего блага должны не только умолкнуть, но и исчезнуть старые предрассудки и суеверия, а на место их водворится «добрый анштальт», который «был бы весьма сходен во всех порядках»⁶⁸.

Время Петра I это время оформления абсолютизма в России. Абсолютизм был в европейских континентальных государствах в продолжении XVII-XVIII вв. господствующей государственной формой, которой благоприятствовали богословы, приписывающие верховной власти божественное происхождение, и римские юристы, признававшие за государями абсолютную власть древних римских императоров. Но то, что вкладывалось в понятие абсолютизма западноевропейскими мыслителями и российскими церковниками это не совсем одно и то же. Например, в своем сочинении «Левиафан...» английский философ Томас Гоббс пишет: «Что значит быть свободным человеком... свободный человек – тот, кому ничто не препятствует делать желаемое, поскольку он по своим физическим и умственным способностям в состоянии это сделать»⁶⁹, а «суверен... имеет право на все с тем лишь ограничением, что, являясь сам подданным Бога, он обязан в силу этого соблюдать естественные законы»⁷⁰. Несколько иначе от этого бытовала точка зрения на абсолютизм в России. Яркий представитель русской «мысли» Феофан Прокопович так описывает верховную власть: «Ведали сие добре древнии Церковнии оучители, которые слово оное кающагося Царя Давида]ТЕБЕ ЕДИНОМУ СОГРЕШИХ] в таком разуме толковали, что Царь и в преступлении самого закона Божия (Божии бо закон убийством, и прелюбодеянием преступив Давид, глаголет к Богу: Тебе единому согреших): не судим есть от человек, но единого Бога суду подлежит 1... Вся сия доселе предложенная о несудимой от человек власти доводы заключим словом Петра святого, который велит властем повиноватися не токмо благим и кротким, но и строптивым. Аще же и строптивым повиноватися подобает, то и грехов их не токмо дел правительских судити не возможно... Повинующийся кому, не может судити того, которому повинуется 2... Должен народ без прекосло-

⁶⁵ Там же, стр. 657.

⁶⁶ Там же, стр. 657.

⁶⁷ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том VII. 1723-1727. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №4366, стр. 161.

⁶⁸ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том VI. 1720-1722. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №4008, стр. 678.

⁶⁹ Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. Сост., ред. изд., прим. В.В. Соколова. Пер. с лат. и англ. Н. Федорова, А. Гутерман. Москва, Мысль, 1991, стр. 163.

⁷⁰ Там же, стр. 166.

вия и роптания, вся от самодержца повелеваемая творити... Аще бо народ воли общей своей совлекся, и отдал оную Монарху своему, то како не должен хранить его повеления, законы и уставы, без всякой отговорки. И по тому не может народ судити дела Государя своего, инако бо имел бы еще при себе волю общего правления, которую весьма отложил, и отдал Государю своему³... Должен терпеть народ коелибо Монарха своего нестроение, и злонравие: также и Дух святой повелевает, не токмо благим и кротким, но и строптивым повиноватися⁴... Может Монарх Государь законно повелевати народу, не только все, что к знатной пользе отечества своего потребно, но и все что ему ни понравится: только бы народу не вредно, и воли Божией не противно было. Сему же могуществу его основание есть вышепомянутое, что народ правительской воли своей совлекся пред ним. и всю власть над собою отдал ему. и сяды надлежат всякие обряды гражданские, и церковные, перемены обычаев, употребление платья, домов строения, чины и церемонии в пиروваниях, свадьбах, погребениях, и прочая, и прочая, и прочая⁵...»⁷¹

На первый взгляд слова этих авторов вроде бы похожие, но разница скрыта в приоритетах. Смысл первого случая в том, что самодержец должен соблюдать естественные права человека несмотря на свою безграничную власть, смысл второго абзаца – народ должен терпеть любые запросы и выходки правителя, поскольку он, исходя из всего, является его орудием, и поскольку когда-то отдал ему свою волю и, соответственно, свое право, продолжая дальше в том же духе, превратившись тем в раба, по Петру, достойного и желательно благодарного... Последнее (т. е. рабское состояние,) наглядно просматривается в законе «О наследии престола», где законодатель называет государство, со всем что в нем существует включая людей, имуществом: «Учинили Мы устав, чтоб недвижимое имение отдавать одному сыну»⁷². Поминание, что каждый человек пред Богом ценен и наделен правом распоряжаться окружающим миром, и что монархия является лишь частью этого состояния, еще не сформировалось в умах царских представителей России, и увя так и не сформируется, и с состоянием превозношенной лучшести пред всеми гражданами страны они придут к революционным событиям XX века. Впрочем, это не отличалось от воззрения вообще всех людей того времени, и это показательно, ведь правитель – отражение народа. Своего рода продолжением такой умственной недоразвитости станет традиционное упоминание себя князьями, будучи правителями уже имперского титула. Став империей, Россия умственно будет недоимперией, с замашками дворовых отношений (ручного управления). Поэтому эта моральная недоимперия, выжав из себя все, в неумелых руках развалится, чтобы дать начало новой империи.

Законодательство Петра, в толковании к 20 артикулу III главы Воинского устава впервые формулирует абсолютистскую сущность самодержавия, как оно сложилось в России к началу XVIII века: «Его величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои Государева и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благомнению управлять»⁷³. Известно, что под словом «христианский» Пётр обычно понимает слова «европейский», и в этом нельзя не видеть некоторое смягчение того категорического заявления о безответственности государя, которая стоит в начале определения. Как монарх европейский, Пётр принял европейскую теорию о происхождении власти из договора; но как ни выигрывал при этом авторитет власти, все же она получила смысл лишь тогда, когда была направлена к народному благу. Государь не ответственен перед подданными по закону, но, во-первых, он остается ответственным перед Богом, а, во-вторых, и перед народом может, в некоторых случаях, пожелать дать свой отчет.

⁷¹ Феофан П. Правда воли монаршей. Москва, тип. Московская, 1722, стр. 1 – 24, 2 – 25, 3 – 30-31, 4 – 32, 5 – 36.

⁷² Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том VI. 1720-1722. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №3893, стр. 496.

⁷³ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том V. 1713-1719. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №3006, арт. 20 толк. стр. 325.

Жалуясь на свои отлучки, и на войну, отвлекавшую от дел, Пётр сам признает, что от этого «не точию разорение Государству, но и от Бога не без гнева»⁷⁴. Выражения «милосердствую я наших подданных», «милосердствую о народах государств своих», «милосердствую о своем народе» часто встречаются в указах; и есть указы, в которых ясно прослеживается намерение защитить перед общественным мнением те или иные меры. Законодатель не чужд попытке – правда, на практике не удавшейся – провести границу между словесным приказом и законом. По генеральному регламенту 28 февраля 1720 г. все указы, как государя, так и Сената, обязательно должны быть выражены только в письменной форме: «Того ради изволяет Его Царское Величество, всякие свои указы в Сенат и в Коллегии, також и из Сената в Коллегии ж отправлять письменно; ибо как в Сенат, так м в Коллегиях словесные указы никогда отправляемы быть не подлежат»⁷⁵.

Власть правит в интересах общего блага, правда, насколько она себе это представляет. «Довольно известно во всех землях, которья Всевышний Нашему управлению подчинил, – пишет Пётр в манифесте 1702 г. о вызове иностранцев, – что со вступления Нашего на сей престол, все старания и намерения Наши клонились к тому, как бы сим Государством управлять таким образом, чтобы все Наши подданные, попечением Нашим о всеобщем благе, более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние»⁷⁶. Заботясь о бедных в отдельных случаях, Пётр вместе с тем и вообще старался создать порядок, обеспечивающий подданным наибольшее счастье. Для этого одновременно приходится и насаждать новые, более совершенные формы быта, и перевоспитывать общество, привыкшее к старым формам. Законодателя, окрыленного твердой верой в благодетельную силу правительственного воздействия, мало смущает трудность задачи, хотя жизнь порой решительно не укладывается в отводимые для нее рамки. Признавая, что всеми нужно руководить, за всеми следить, что за глазами и сенаторы натворят разных «дикувинок», что русский народ, «яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают»⁷⁷. Преобразователь торжественно провозглашает, что «полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства»⁷⁸. И вот каждый шаг подданного заботливо обставляется разными «регулами», «артикулами», «регламентами». Пётр не жалел на это ни времени, ни сил, считая эту сторону своей деятельности не менее важным, чем какую-нибудь реформу учреждений. Примеров вмешательства законодателя в частную жизнь можно привести бесчисленное множество. Поэтому для обывателя была проложена готовая колея, по которой он должен был идти всю жизнь, по возможности не останавливаясь и не оглядываясь; а если он не захочет идти по проложенной колеи, то проведут и неволей, но лучше, если пойдет волей, это будет скорее и для правительства легче.

Другая сторона петровского законодательства это нравственное и умственное воспитание подданных. Монарх ставит себе задачу сочетать деспотизм со свободой. Не видя противоречие, в которое он впадает, законодатель от указов, подавляющих всякую самостоятельность, переходит к указам, в которых, наоборот, насаждает самостоятельность, прививает человеку чувство собственного достоинства и умение отстаивать собственное мнение. Упраздняются унижительные обычаи старой Руси – подписываться в прошениях полуименами, становиться перед госу-

⁷⁴ Там же, №3080, стр. 492-493.

⁷⁵ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том VI. 1720-1722. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №3534, стр.142-143.

⁷⁶ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том IV. 1700-1712. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №1910, стр. 192-193.

⁷⁷ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том VII. 1723-1727. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №4345, стр. 150.

⁷⁸ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том VI. 1720-1722. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №3708, стр. 297.

дарем на улицах на колени. Чувство человеческого достоинства поддерживается в Воинском уставе запрещением начальника оскорблять подчиненных, а офицерам «без важных и пристойных причин» бить солдат. Более совершенные формы придаются участию общества в государственной жизни и местном управлении; точно определяется порядок производства в военные чины, сообразно с рекомендацией сослуживцев; в разных правительственных и общественных учреждениях применяется баллотировка, и законодатель заботится о том, чтобы каждый голос подан был свободно и правильно: «в особой каморе надлежит стулья поставить вокруг, так далеко друг от друга, чтоб рукою одному до другого достать было не лезя. А столу с ящиком, в которой баллы кидают, и чаше с балами стоять на середине... Носить балы и ящик, чтоб не всегда одному, но переменяясь, и чтоб не знал тот, кому прикажут носить заранее»⁷⁹. Если, с одной стороны, идеалом Петра был один общий для всех порядок, то с другой стороны – не отвергается и значение местных привилегий, в точном соответствии с которыми должно было устроено управление. Это была уже уступка действительности. Разумеется, нельзя думать, что единственным мотивом этих уступок было уважение к человеческим правам подданных; но все же они вносили некоторый корректив в атмосферу общей придавленности и отчасти могут быть сопоставлены с указами, в которых Пётр считается с подданными, как с человеком.

Особое место в законодательстве Петра занимает Устав о наследии престола от 5 февраля 1722 г., и связанная с ним ученая мотивировка, «Правда воли монаршей», составленная по указаниям Преобразователя Феофаном Прокоповичем, когда-то примеченного царем в Киеве по его хвалебной речи в честь Полтавской победы, выписанного в Великороссию и вознесенную на псковскую архиепископию. Устав представляет ту особенность, что он был вызван не войной, не назревшими потребностями эпохи, а обстоятельствами семейной жизни, и даже, сказать точнее, заботой о последующей судьбе реформ.

Следуя уже однажды высказанной мысли: «Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный»⁸⁰ – Пётр своим именованным отменяет не только право первородства, но и право кровного наследования престола, подобно тому, как по указу о единонаследии родители могли передать недвижимое имущество достойному наследнику, «хотя и меньшему, мимо больших, признавая удобнаго, который бы не расточал наследства»⁸¹. Этим самым Пётр уравнивает права родного внука, Петра Алексеевича, – единственного наследника по мужской линии – с любым человеком, «дабы сие было всегда в воле Правительствующего Государя, кому Онный хочет, тому и определит наследство»⁸². Написанная по этому поводу «Правда воли монаршей» была проникнута общей идеей оправдания деятельности Петра, как обновителя России, что, однако не встретило сочувствия у современников; за 4 года не разошлось и 600 ее экземпляров; а вскоре значительно падает и авторитет Феофана Прокоповича, сблизившегося с Бироном и нашедшего в Тайной канцелярии опору против своих политических и литературных врагов.

Наряду со всеми преобразованиями Пётр не мог упустить из вида наиболее важную сферу жизнедеятельности человека, а именно, непосредственно, веру и церковную организацию, так как состояние и того и другого не могло не вызывать желание к изменению. «Что ты приведе в чин священнический? Тоже, дабы спасти себе и инех? Никакоже, но чтобы прекормити жену, и дети и домашния... Поискал Иисуса не для Иисуса, а для хлеба куса»⁸³.

⁷⁹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том VI. 1720-1722. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №3528, стр. 138-139. (П.С.З. V т. №2795).

⁸⁰ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великаго. VI. СПб, 1859, стр. 48-49.

⁸¹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том VI. 1720-1722. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №3893, стр. 496.

⁸² Там же, стр. 496.

⁸³ Записки историко-филологического факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Часть XXIV. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651-1709). Исследование И.А. Шляпкина. СПб, тип. и хромолит. А. Траншель, 1891, стр. 293.

Такими словами Дмитрий Ростовский изобличал современное ему духовенство, правда, не вполне правдиво упрекая его в забвении церковных обязанностей, но весьма метко подчеркивая кормленческий характер Допетровской церкви.

Русское духовенство, действительно, мало заботилось о поисках Иисуса, разумея под этим догматическое и нравственное учение христианства; о спасении себе и иных оно заботилось чрезвычайно усердно, только понимало путь к достижению спасения в строгом соблюдении обрядности, и скрытой идеализацией аскетизма и юродства. Искание Иисуса, хотя бы даже в рамках монастырской традиции, было уделом лишь немногих представителей Допетровской церкви, преимущественно тех, которые получили образование в Киеве или в других духовных академиях юго-запада и даже запада, подобно Дмитрию Ростовскому. Для него и для подобных ему такой путь искания Иисуса был тем идеалом, к которому должно было стремиться русское духовенство; в этом же направлении искания Иисуса русская церковь, только что порвавшая со старой верой и не получившая ничего взамен, кроме нововизантийской обрядности, должна была найти свою новую веру, отличавшуюся от прежней лишь тем, что идея перевоплощения в ней чуть больше, своей ученостью, маскировалась под Христа.

Старая церковная организация также мало подходила к условиям петровских времен, как и старая вера. Построенная на принципе экономической независимости церкви от государства и, по существу, представлявшая из себя систему кормления, она, выражаясь более точным и общим термином, носила чисто феодальный характер. Низшее духовенство смотрело на свои приходы и церкви, как на доходные статьи, которые оно получало от прихожан в кормлении за исполнение церковной службы. Нормальным правилом были, подтвержденные еще Стоглавом, приходские выборы; но обычный спутник кормленческой системы, симония (плата за посвящение), очень часто сводила выборы на нет: за 15-20 руб. прихожане охотно представляли на посвящение епископу не наиболее достойного, а наиболее ловкого человека. Купившие церковную должность распоряжались ею, как «отчиной», продавали должности и «корчемствовали ими», то есть отдавали их в аренду. Нередко были случаи, когда священник владел двумя церквями, одной правил сам, другую отдавал в аренду; церковные должности сплошь и рядом передавались по наследству, даже делились между наследниками (делились доходы, службу правил кто-либо один). Системе кормления снизу соответствовала система кормления сверху. Епископы кормились с вотчин, принесенных к архиерейским домам, десятинным сбором и «благословенною гривной» с приходского духовенства и судебными пошлинами с духовенства и подсудных им церковных людей. Во владении епископов и монастыре были даже целые торговые слободы, приносившие им большие доходы. Экономически церковь была совершенно самостоятельна. Особые привилегии, судебные и податные, делали из нее государство в государстве.

Соединяя последнее с папскими воззрениями некоторых иерархов церкви, последователями Николая, хотя они и участвовали в его низложении, наводило на определенные мысли о целесообразности существования конкурентной царю фигуры. С другой, утилитарной точки зрения, непосредственно вопроса веры, патриаршество порой напоминало немощного председателя церкви, который был не в состоянии сдвинуть глыбу русского невежества, для чего светская власть, своей энергией постоянно пыталась эту систему расшевелить; начиная с Грозного приводила церковь, ее культы, в более-менее, упорядоченное состояние. А оказавшись в протестантском окружении, и ведя культуру (в широком смысле) этого общества, у Петра не могло не появиться желания подвинуть православие к протестантскому, но в традиционных ему внешних (православных) формах, из которого больше всего бросались в глаза факты неимения главы церкви и отсутствия монастырей. Первое будет заменено специально созданный по вопросам церкви совет, с подчинением светской власти, смысл и важность второго момента Пётр, судя по всему, так и не осознал, уяснив лишь ту идею, что с интересами монастырей можно считаться меньше всего, что в целом, только должно было их возвращать, по

мнению Петра, в изначальное предназначенное для них состояние трудовых аскетических будней. «Монастырские с деревень доходы употреблять надлежит на богоугодныя дела и в пользу государства, а не для тунеядцев. – говорил Пётр. – Старцу потребно пропитание и одежда, а архиерею – довольное содержание, чтоб сану его было прилично. Наши монахи зажирили. Врата к небеси – вера, пост и молитва. Я отыщу им путь к раю хлебом и водою, а не стерлядями и вином. Да не даст пастырь Богу ответа, что худо за заблудшими овцами смотрел»⁸⁴.

Тенденция, так или иначе, влиять на церковь прослеживалась уже в предыдущих царствованиях. Так при Алексее Михайловиче в связи с Уложением 1649 г. был учрежден Монастырский приказ, для того, чтобы «делать суд во всяких истцовых делах на митрополитов, архиепископов, епископов, их приказных и дворовых людей, детей боярских и крестьян их, на монастыри, на архимандритов, игуменов, строителей, келарей, казначеев, на рядовую братию, монастырских слуг и крестьян, на попов и церковный притч», то есть на всех духовных и церковных людей, кроме патриарха и его окружения. Но на практике Монастырский приказ не ограничился только судебными функциями. Он стал орудием царской власти для использования церковных учреждений и земель в пользу государству. Приказ производил экстренные сборы с церковных вотчин на расходы, «куда царь положит», и требовал наряды ремесленников для «приказных царских дел» и наряды служилых людей. Другая мера, проведенная тем же Уложением, отменяла также привилегии церковных и монастырских слобод; она оставалась в силе даже тогда, когда Монастырский приказ был уничтожен собором 1667 г. Само упразднение Монастырского приказа было ничтожной уступкой царя, в сравнении с победой над Никоном, к тому же дела Монастырского приказа были переведены в Приказ Большого Дворца, по большей части, светское учреждение, хотя и зависело до некоторой степени от патриарха. Поэтому Пётр не стал новатором в стремлении влиять на церковь, но он лишь завершил за полстолетия начавшийся до него этот процесс.

Историк С. Соловьев освещает церковное состояние петровского времени следующим образом: «Сознав зло и при этом не обнаружив силы, достаточной для его искоренения, духовенство необходимо отрекалось от права на это искоренение в пользу другой силы... Общество имело право требовать, чтобы духовенство, учительное сословие, взяло на себя почин в этом деле и руководило других; но и это требование осталось неудовлетворенным»⁸⁵.

В 1700 г. умер патриарх Адриан, весть о чем Пётр получил под Нарвой, где находился тогда с войском. Вслед за известием и смертью патриарха, царю пришло письмо от известного прибыльщика А.А. Курбатова. Он рекомендовал Петру, до времени обождать с избранием нового патриарха, а также «... для надзора же за всем и для сбора домово́й казны надобно непременно назначить человека надежного: там большие беспорядки... учредить особый Расправный Приказ для сбора и хранения казны, которая теперь погибает по прихотям владельцев...»⁸⁶ Руководителем нового приказа Курбатов рекомендовал назначить боярина или И.А. Мусина-Пушкина, или стольника Д.П. Протасова, местоблюстителем – Холмогорского Афанасия.

Предложения Курбатова соответствовали общим настроениям царя по изменению церковного состояния. Еще в 1697-1698 гг. находясь в Англии, он интересовался как официальной церковью, так и сектантских ее частях. В беседе с Вильгельмом III Оранским ему даже советовали сделаться «главой религии», для полной монархической власти, на что Пётр все же осторожно замечал, что ее ведает в России высшая церковная власть. Вопрос коллегиального управления Петра заинтересовал, так как требовало сплочения людей и имело более стабиль-

⁸⁴ Рассказы Нартова о Петре Великом. Л.Н. Майков. СПб, тип. Имп. Акад. Наук, 1891, стр. 57-58.

⁸⁵ Соловьев М.С. История России с древнейших времен. Книга третья. Том XI-XV. Второе издание. СПб, Общественная польза, 1896, стр. 1358.

⁸⁶ Там же, стр. 1359.

ную деятельность и в 1698 г. он заказал в Англии специалисту Френсису Ли составить проект коллегии на случай введения их в Россию.

В целом следуя советам Курбатова, изменив лишь лицо местоблюстителя с более западным направлением, 16 декабря 1700 г. Пётр издал указ, по которому Патриарший Приказ ликвидировался; все судебные дела, ранее подведомственные патриарху, распределялись по различным приказам; дела духовные о расколах, ересь и других «противностях церкви Божией» передавались Стефану Яворскому, митрополиту Рязанскому и Муромскому, который теперь был наименован: «Екзарх святейшего патриаршего престола, блюститель и администратор».

Стефан Яворский родился в 1659 г., происходил из православной шляхты, был уроженцем западноукраинского местечка Явора (близ Львова). Учился в Киевской академии, затем в католических школах (для чего на время стал, как тогда часто было принято, внешне униатом), Львова, Люблине, Вильне и Познани. По окончании учебы Стефан принял постриг в православной обители Киева, состоял профессором, потом и префектом Академии. В 1700 г., будучи игуменом Никольского Пустынного монастыря, он, вместе с другим игуменом, был послан Киевским митрополитом Варлаамом Ясинским в Москву к патриарху Адриану с просьбой поставить одного из них на вновь учрежденную Переяславскую кафедру (Переяславля южного). Проповедь Стефана при погребении фельдмаршала Шеина понравилась Петру, и он пожелал приблизить его к себе. Решение царя было встречено несочувственно в церковных кругах Москвы. Стефана называли поляком, обливанцем, латынником, поэтому он отказался от кафедры. Царь настоял на поставлении его митрополитом Рязанским, а затем назначил местоблюстителем.

24 мая 1701 г. указом было восстановлено учреждение, существовавшее в царствование Алексея Михайловича: «ведать дом св. патриарха, дома архиерейские и монастырские дела боярину Ивану Алексеевичу Мусин-Пушкину; сидеть в патриаршем дворе в палатах, где был Патриарший Разряд, и писать Монастырским Приказом». Состав Монастырского Приказа был совершенно светским. Это было чисто гражданское учреждение, действующее наравне с другими приказами; а затем, в отличие от других приказов, уничтоженных после введения коллегий, в финансовом отношении подчиненный Штате-конторе, а по судебной части Юстиц-коллегии. Это соподчинение тоже было гражданским, независимым от какого бы то ни было вмешательства церковной власти. Наравне с прочими гражданскими учреждениями Монастырский Приказ находился под контролем Сената, обязан был исполнять указы Сената и представлять ему периодические отчеты о своей деятельности.

Главной функцией Монастырского Приказа, можно назвать секуляризацию церковного благосостояния. В ведение приказа были отданы все монастырские, архиерейские и патриаршие вотчины и оброчные статьи, в которых насчитывалось около 120.000 дворов. Вследствие этого монастыри и архиереи лишились права собирать какие бы то ни было доходы. Кроме того, были отменены все пошлины, налагаемые архиереями на подчиненный им низший клир. Церковь была, таким образом, лишена всякой экономической самостоятельности. Монастырский приказ, напротив, стал распределять все доходы. Все владения монастырей и духовных владык были поделены на две категории: доходы с одних, так называемых определенных, шли на удовлетворение нужд монастырей из расчета на каждого монашествующего, независимо от чина, по 10 рублей, и 10 четвертей хлеба в год; другие вотчины, «заопределенные», управлялись чиновниками, назначенными Монастырским приказом. Все доходы с этих вотчин поступали в казну. За первые 11 лет своего существования Монастырский Приказ перечислил в государственную казну свыше 1 млн рублей. Мало того, на прежнюю свободу церковных имуществ от всякого казенного тягла Приказ распространил все общегосударственные подати и повинности, кроме того, на них дождем сыпались запросные сборы и чрезвычайные повинности. «Канальный сбор» на сооружение Ладожского канала, «козловский сбор» на освобождение

ние от рекрутской повинности, наряды в адмиралтейство плотников и кузнецов, наряды по мостовой повинности, содержащие отставных военных чинов, поставка лошадей для драгун, подмога при отливе пушки и прочее.

Секуляризация церковных доходов постоянно переходила в тенденцию секуляризации церковного имущества. По именным указам царя и по собственным распоряжениям Монастырский Приказ продавал церковные вотчины и раздавал их новым владельцам. Всего за первые 10 лет деятельности Монастырского приказа было отчислено к другим ведомствам и владельцам около 10.000 дворов. Это была уже настоящая секуляризация, хотя и частичная. Она не превратилась в общую, потому что Пётр, прежде всего, исходил из своих практических соображений. С экономической же независимостью церкви, ее системой кормления было покончено. Последующее существование приходского духовенства и отчасти монастырей от добротных даяний уже имеет совершенно иной характер добровольной платы, но не экономической эксплуатации церковной должности, как лена, или вотчины.

Проводя церковную реформу, у Петра наблюдалось еще одна особенность церковной политики. Она состояла в провозглашении манифестом 1702 г. веротерпимости, представлением иностранцам права беспрепятственно исповедовать свою религию и сооружать для этого храмы. Эта мера была обусловлена привлечением иностранных специалистов на русскую службу. Вместе с этим происходит некоторое смягчение по отношению к собственным раскольникам, отказ от средневековых методов преследования. Костер и ссылка, тюремное заключение и содержание в яме перестали быть единственными средствами защиты православия. Руководствуясь практическими интересами, правительство отказалось от жесткого преследования старообрядцев. Указ 1716 г. разрешал записываться в раскол «без всякого сомнения», но за эту милость с лиц, придерживающихся старых обрядов, налоги взимались в двойном размере. Кроме того, старообрядцев принуждали носить иной, чем у остального населения, головной убор – его украшали рога. Сторонников старой веры лишали также некоторых гражданских прав, представляемых посадскому населению: участия в выборах и право занимать выборные должности.

Деятельность Монастырского приказа была направлена не только на пополнение казны, но и на упорядочение церковной жизни; поддержание определенного штата военнотружущих в армии. В 1718 г., ввиду рекрутского набора, Приказ временно приостанавливает по всей России посвящение в священники. В 1715 г., издается закон, возлагающий на монастыри обязанность содержать аттестованных солдат; раньше это было делом добровольного благотворения. Еще раньше, в 1718 году, по приказу царя произошло заключение церкви в определенные штаты: в монастырской сфере одни монастыри были закрыты, другие превратились в приходские церкви, в третьих сокращено число монахов; в приходских церквях на 100-150 дворов полагался один священник, на 200-250 дворов – два, на 300 – и то в исключительных случаях – три. На каждого священника было положено по два причетника. Введение штатов предполагалось осуществить постепенно, пока лишние клирики не переведутся сами собой за смертью или сложением сана, и в этот промежуток было постановлено не посвящать новых лиц на открывающиеся вакансии, а замещать их лишними клириками из других приходов. В 1721 г. последовал уже более решительный указ, запрещающий совсем постригать в монахи, чтобы освободить места для отставных солдат. Все эти меры мотивировались наличием Северной Войны. Но приказ провел также некоторые изменения в церковных делах вне всякой связи с войной или другими практическими мероприятиями Петра. Например, устанавливается новый порядок выборов священников, а протоиереям предписывается заводить школы и следить за тем, чтобы посвященные в священники непременно были из воспитанников школы. В 1718 г. Монастырский приказ закрыл все домовые церкви, за исключением церквей, принадлежавших особам царской фамилии. Их утварь и антиминсы передавались в распоряжение бедных приходских и монастырских церквей. Таким образом, упраздняясь домашний культ, прежние

домашние духовники, холопы своих господ, заменялись приходскими, общественными духовниками, на которых была возложена обязанность доносить о всяких крамолах, открытых на исповеди, а обыватели обязывались непременно «говеть» Великим постом.

Разрозненные распоряжения Монастырского приказа были объединены в систему и развиты в Духовном Регламенте. Ко времени составления Духовного Регламента (1721 г.) Пётр разошелся со Стефаном, хотя тот все еще оставался местоблюстителем патриаршего престола. Пётр более всего симпатизировал немецкому протестантизму, привлекавшего его не только рационализмом, но и организационными принципами. Лютеранская реформация, с точки зрения Петра, именно и свелась к тому, что в бесчисленных немецких княжествах церковь стала отраслью княжеского управления. Князь назначал пасторов, которые, таким образом, были попросту его чиновниками, проводившими при помощи религии его политику. Стефан Яворский иначе ко всему относился, и на почве, насаждения хотя бы внешнего протестантизма, имел несколько крупных столкновений с царем, что и стало основной причиной их взаимного охлаждения.

Стефан сначала сочувствовал преобразовательной деятельности Петра, восхваляя его в проповедях. Но постоянно он начал осуждать его распоряжения, которые считал посягательством на свободу церкви. Будучи воспитанным на католических системах богословия, отстаивавших церковный авторитет, церковное предание, он считал патриаршество необходимым для управления Церковью. Возможно, он видел себя будущим патриархом. Постепенно он идейно сблизился с противниками деятельности Петра, касавшихся духовенства. В проповедях местоблюстителя говорилось то, что воспринималось как порицание царю. Взыскивал он осуждение не хранящим постов, оставляющим жен своих. Во время войны с турками царь, минуя Стефана, получил от Константинопольского патриарха разрешение не соблюдать посты для войска, двинувшихся в Прутский поход. Не одобрил Стефан насильственное пострижение первой супруги Петра, царицы Евдокии, его женитьбы на безродной Екатерине. В 1712 г. в единомыслии с недовольными мероприятиями царя, он, в день ангела царевича Алексея назвал его «единой надеждой России» и обрушился на введенный Петром институт фискалов, на то, что царь даже потребовал от него письменного объяснения, а в 1718 г. Стефан попал в подозрение и был запутан в деле бегства Алексея, но сумел оправдаться.

Проводя церковную реформу с ориентировкой на Запад, внутренне Пётр I оставался православным по содержанию. Он любил петь на клиросе и читать Апостол, его духовником некоторое время был подвижник, прозорливец иеромонах Иов. В 1694 г. царь был застигнут сильной бурей в Белом море и молился о спасении. Судно его добралось до Унской губы. Там находился Пертоминский монастырь, возникший на месте погребения иноков соловецких, Васссиана и Ионы, утонувших вблизи. По поверьям они помогали обращающимся к их представительству. Пётр и свое спасение объяснил также. Он просил архиепископа Холмогорского Афанасия об обретении их мощей, что и было исполнено, а после и установлено местное празднование. Петром был восстановлен новгородский Перекомский монастырь. Церковь в Вознесенском монастыре в Смоленске построена царем, прибывших карать стрельцов и помиловавших их по просьбе игуменьи Марфы. Восстановлена им и Валаамская обитель, после разорения ее шведами, 100 лет пребывавшая в запустении. Новую столицу свою он отдал под небесное покровительство Исаака Далматского, в день памяти которого родился. Им перенесены были в Санкт-Петербург из Владимира мощи великого князя Александра Невского. «"А икона Успения?" с волнением спросил он, получив известие о сильном пожаре в Киево-Печерской лавре. "Ну, так Лавра цела", с радостью воскликнул царь, узнав, что православная святыня цела»⁸⁷. Петром была пожертвована рака к мощам Ефрема Новоторжского. В Усть-Желтиковом монастыре, где одно время пребывал в заключении царевич Алексей, Пётр построил цер-

⁸⁷ Тальберг Н.Д. История русской церкви. Изд. Сретенского монастыря, 1997, стр. 530.

ковь, во имя «Святителя Алексея». Церкви Сампсониевская и Пантелеймоновская в Санкт-Петербурге были воздвигнуты царем в память побед под Полтавой и при Гангуте. Наказал Пётр дубинкой, посланного им учиться за границей, В.И. Татищева (управляющий казенными заводами на Урале с 1720-1722 гг. и 1734-1737 гг., в 1741-1745 гг. – губернатор Астрахани), будущего историка, со словами: «Не соблазнят верующих честных душ; не заводи вольнодумства, пагубного благоустройству; – не на тот конец старался я тебя выучить, чтобы ты был врагом общества и Церкви»⁸⁸.

В начале нового столетия в Москве образовался кружок вольнодумцев протестантского направления. Участники его отвергали почитание «святых» и мощей, чудеса, пророчества, авторитет церкви, почитание икон, монашество и обрядовую сторону религии. Во главе довольно многочисленного кружка стоял лекарь Дмитрий Тверитинов, учившийся в Немецкой слободе и там проникнувшийся подобными взглядами; не воспринял он только спасение человека верою. Влияние кружка вскоре распространилось в московскую академию, где и был замечена духовной властью. Стефан немедленно пустил дело в розыск и повел его гласно, привлекая к раскрытию виновных и органы гражданской власти – Преображенский приказ.

Тверитинов и его единомышленник фискал Косов отправились в Санкт-Петербург с жалобой на Стефана. Там они нашли поддержку у князя Я. Долгорукова и влиятельного архимандрита Александро-Невского монастыря Феодосия Яновского, не сочувствующие Стефану. По царскому указу дело рассматривалось в Сенате. «Еретики» словесно отреклись от своего «лжеучения». В июне 1714 последовал царский указ об отсылке еретиков к Стефану для их духовного освидетельствования, «истинно ли они православную веру содержать твердо»; взятия с них письменного исповедания, и объяснения о том в торжественный день в соборной церкви. Стефан же имея на руках явно «еретические» сочинения Тверитинова, посчитал себя вправе снова поднять дело. Он велел разослать «еретиков» по разным монастырям, держа их там за крепким караулом; бумагу и чернила давать только Тверитинову, если он пожелает написать отречение от своих заблуждений.

В Сенате возникло дело по обвинению Стефана в неисполнении царского указа. Он был вызван в Сенат, где вновь рассматривалось дело Тверитинова. «Владыка» подвергался грубым нападкам сенаторов, за него заступились только Меньшиков и Апраксин. Вместе с тем, дело «еретиков» осложнилось происшедшим в Москве. 5 октября 1714 г., самый рьяный последователь Тверитинова, цирюльник Фома Иванов, находившийся под надзором в Чудовом Монастыре, приведенный в Благовещенскую Церковь, после заутрени, вынул косарь (широкий нож) и перебил по лицу образ «святителя» Алексея. Допрошенный в Монастырском Приказе был отправлен в Преображенский Приказ, где показал, что «порубил образ для того, что икон, креста и мощей не почитает и не поклоняется»⁸⁹. Дело о «еретиках» длилось весь 1715 год. 21 февраля 1716 г. царь дал указ Сенату. «По делу Дмитрия Тверитинова розыскав и оное конечно вершить, и которые потому делу приносят или принесут вины свои, тех разослать к архиереям в служение при их домах, и чтоб непоколебимы были в вере, а которые не принесут вины – казнить смертью»⁹⁰. В этом деле покаяния не принес один Фома Иванов – и был казнен.

С другой стороны, Пётр придавал большое значение в осознании народом основ христианства. Так, например, в 1720 г., по его приказу было создано «Первое учение отроком, в нем же буквы и слоги, также: краткое толкование законного десятисловия, молитвы Господней, символа веры и девяти блаженств». В 1723 г. велено было эту книгу читать Великим постом в церквах, вместо творений Ефрема Сирина и Соборника. Кроме этого, Пётр думал о составле-

⁸⁸ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Том 2. Москва, «ТЕРРА» – «ТЕРРА», 1992, стр. 322.

⁸⁹ Соловьев М.С. История России с древнейших времен. Книга четвертая. Том XVI-XX. Второе издание. СПб, Общественная польза, 1896, стр. 262.

⁹⁰ Там же, стр.262.

нии Катехизиса, о чем он отправил 19 апреля 1724 г. записку в Синод. Касаясь вопроса веры, надежды и любви царь отмечал: «ибо о первой и о последней зело мало знают и не прямо что и знают, а о средней и не слахыли: понеже всю надежду кладут на пение церковное, пост и поклоны и прочее тому подобное, в них же строение церквей, свечи и ладон. О страдании Христовом толкуют только за один первородный грех, а спасение делами своими получают, как выше писано. / О втором же, чтоб книгу сочинить, Мне кажется, не лучшель оную катехизисом начать, и к тому и прочия вещи последовательно что в церкви обретается, внести с простран-ным толком, також приложить: когда и от кого и чего ради в церковь что внесено»⁹¹. В 1722 г. Пётр поручает Кантемиру написать книгу о магометанской религии. Для борьбы с грубыми суевериями в христианстве, в том же году Феофан Прокопович составил, задуманную Петром, книгу о блаженствах, толковавшая 10 заповедей. Рассмотрев происхождение монашества и его значение, Пётр говорил в записке 1724 г., что монахи большею частью «тунеядцы суть»⁹², и что ко всему злу – праздность. «Прилежат ли же разумению Божественнаго писания и учения? – спрашивает он. – Всячески нет. А что говорят, молятся, то и все молятся, и сию отговорку отвергает Василий Святой. Что же прибыло обществу от сего? во истину токмо старая пословица: ни Богу, ни людям; понеже большая часть бегут от податей и от лености, дабы даром хлеб есть»⁹³.

Приступая к установлению нового порядка в церкви, после двадцатилетней деятельности Монастырского Приказа, в сердце у Петра вместо Стефана уже был другой исполнитель его намерений. На двадцать два года моложе Стефана, тоже малоросс родом, Феофан Прокопович (в миру Елизар) получил образование в Киеве, в тех же иезуитских коллегиях, как и Стефан, но вместо того, чтобы подчиниться влиянию католицизма, Феофан вынес из иезуитской школы недоверие к католичеству и проникся симпатиями к протестантизму. Похвальная речь Петру по случаю Полтавской победы выдвинула его (Феофан использовал то обстоятельство, что Полтавский бой был в день памяти «преподобного» Сампсония, аллегорически сравнив с победой назорея Сампсона над львом, изображение которого помещается в гербе Швеции), и уже в 1716 г., всего 35 лет отроду, он был назначен Псковским епископом. С этих пор Феофан стал верным идеологом всех начинаний петровского правительства, доказывая правильность их с религиозной точки зрения; все мероприятия царя получали оправдание от Священного Писания и «святых» отцов. Когда Пётр приступил к завершению церковной реформы, он поручил это дело Феофану, который составил проект «Регламента или Устава Духовной Коллегии». На рукописи проекта имеются пометка Феофана о том, что царь, 11 февраля 1720 г., рассуждал с ним по этому поводу и благоволил исправлять. 24 февраля проект был принят шестью епископами, во главе со Стефаном Яворским, тремя архимандритами и сенаторами. Указом Сената, для собирания подписей высших духовных лиц, были отправлены во все епархии архимандрит московского Златоустова монастыря Антоний и подполковник Семен Давыдов. Вернулись они в Санкт-Петербург 4 января 1721 года. Под Духовным Регламентом имелись подписи: царская, 6 сенаторов, 6 митрополитов, 1 архиепископа, 12 епископов, 48 архимандритов, 15 игуменов, 5 иеромонахов. 25 января 1721 г. Регламент был опубликован и введен в действие.

Первая основная черта церковной реформы по Регламенту – ее происхождение от царя и направление по его указаниям. Царь считает «исправление чина духовного» такою же своею обязанностью, как и исправление чина воинского и гражданского, от исполнения которого придется ему давать ответ перед «нелицемерным Судиею». А потому, по примеру ветхозаветных и новозаветных «благочестивых» царей «устанавливает Духовную Коллегию, то есть Духовное

⁹¹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том VII. 1723-1727. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №4463, стр. 278.

⁹² «Понеже нынешнее житие монахов точию вид есть и понос от иных законов, немало же и зла происходит, понеже большая часть тунеядцы суть и понеже корень всему злу праздность» (там же, №4450, стр. 230).

⁹³ Там же, стр. 230.

Соборное Правительство, которое... имеет всякия Духовныя дела во Всероссийской Церкви управлять»⁹⁴. Первая часть, теоретическая, разъясняющая и оправдывающая преимущество коллегиального управления и делающая целый ряд рассуждений, сущность которых сводится к тому, что «царство выше священства» – правда, без какого-либо основания на то в церковных канонах или «законе Божиим», побочно признавая тем, что искать там было бы напрасно.

Оправдание реформы было взято отчасти из ветхозаветной, а преимущественно, из греческой практики: «Церковное Сунедрион в ветхозаветной церкви во Иерусалиме, и гражданский суд Ареопагитов в Афинех, и иныя в то же городе правительствующие собрания, нарицаемая Дикастерия»⁹⁵. Но опасаясь, что ссылки на афинские судебные учреждения окажутся малоубедительными доказательствами, автор Регламента приводит целый ряд аргументов. Вся сила Коллегиума в том и заключается, что оно «под Державным Монархом есть и от Монарха установлено»⁹⁶. Прежний порядок, когда был «единый собственный правитель духовный», способствовал только мятежам и смущениям, появлению в России таких «замахов», какими когда-то прославился римский папа. Теперь же возможность подобных выпадов исключались; «а когда еще видит народ, что Соборное сие Правительство Монаршим указом и Сенатским приговором установлено есть; то и паче пребудет в кротости своей, и весьма отложит надежду имети помощь к бунтам своим от чина духовнаго»⁹⁷.

Пётр производил изменения в структуре церковного управления по принципу светских коллегий, поэтому церковная реформа носила чисто гражданский характер. Двенадцать членов Духовной Коллегии назначались царем из числа архиереев, архимандритов, игуменов и протопопов. Один из архиереев получал чин президента – имя «не гордое», потому «невозможно ему восписоватися». И президент, и прочие члены Коллегии при вступлении в должность присягу, «что верен, есть и будет церковному величеству», «как крайнему судии духовной коллегии»; за нарушение присяги грозил «именной штраф анафемы и телесное наказание». Указом от 14 февраля 1721 г. Духовная Коллегия была переименована в Святейший Правительственный Синод (греч. собрание) и велено возносить его имя вместо патриаршего в церковных молениях⁹⁸. В тот же день последовало торжественное открытие Синода.

Первоначально Синод состоял из президента, которым был назначен Стефан Яворский, два вице-президента – архиепископов Феодосия Яновского и Феодана Прокоповича, четырех советников и четырех ассессоров из представителей монашеского и белого духовенства. В решении все они, не исключая и президента, имели равные голоса. Поэтому Стефан оказался затерт двумя влиятельными вице-президентами и до конца жизни не мог примириться с новой формой церковного управления. После его смерти в 1722 г. Пётр не назначил нового президента. Вакансия же покойного была занята новым советником, архимандритом Феофилактом Лопатинским, в 1723 г. посвященным в епископа Тверского. Главным деятелем в Синоде был архиепископ Феодан, вследствие своей исключительной близости к государю. Архиепископ Феодосий хотя и считался первым вице-президентом, начинал все более терять расположение царя, поскольку стал выступать против унижения церкви светской властью и против духовных штатов, а после смерти Петра допускал оскорбительные выражения в адрес Екатерины и Меншикова, дело закончилось его ссылкой простым чернецом на послушание в Холмогоры; это история стала своеобразной границей, позади которой остались все прежние вольности русской церкви.

⁹⁴ Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшаго, державнейшаго государя Петра Перваго, императора и самодержца всероссийскаго... Издание первое. Москва, Сунодальная тип., 1856, стр. 2.

⁹⁵ Там же, стр. 8.

⁹⁶ Там же, стр. 10.

⁹⁷ Там же, стр. 14.

⁹⁸ П.С.З. VI т. №3734, стр. 355.

Прежний Монастырский Приказ был подчинен Синоду и превратился в его «камер-контору», что-то нечто экономического отделения. Сенат вначале старался играть начальствующую роль, но 6 сентября 1721 г. состоялся Высочайший указ о «Конференции Сената и Синода». Этому собранию надлежало рассматривать дела общие обоими учреждениями. Наконец, учреждение Синода было дополнено установлением должности обер-прокурора, который по обер-прокурорской инструкции 1722 г. есть «яко око Наше и стряпчий о делах Государственных»⁹⁹, фактически являлся тем же прокурором только в церковной сфере. В обязанности ему вменялось наблюдать за всем ходом синодальных дел, замечать в делопроизводстве опущения, незаконные дела останавливать и доносить о них царю, делать Синоду предложения о потребных мероприятиях, представлять царю о синодских решениях и быть, вообще, посредником между Синодом и государственной властью. Ему были подчинены прокуроры духовных приказов и духовные фискалы или инквизиторы, рассылавшиеся для надзора за духовным управлением по городам и монастырям.

Таким образом, в области церковного управления Святейший Синод получил «честь, силу и власть Патриаршескую или, – по выражению Регламента, – едва ли не большую, понеже собор»¹⁰⁰. На этом основании ему принадлежала в церкви власть законодательная – право, с согласия государя, восполнять свой Регламент новыми правилами, – власть, высшая судебная и административная, по всем частям церковной жизни. Вместе с тем, церковь становилась в полное подчинение государству. Епископы получали назначения от царской власти, а от них зависело назначение священников, архимандритов и игуменов, исключительно из числа учеников архиерейских школ; «а естли Епископ неученаго во оной школе поставит в священники, или в монашеский степень, минув ученаго, и без вины правильной; то надлежит наказанию»¹⁰¹.

Характер дореформенной церкви сводился лишь к отправлению культа и собиранию доходов. Теперь, напрямую вмешавшись в церковное управление государство стало требовать от нее более нравственный уровень. Так, Духовный Регламент подробно останавливается в разделе о епископах. Прежде всего, епископ наставляется, что он должен знать «соборы поместные и вселенские, и что в оных заповедано», а также каноны о супружестве, о дозволенных и недозволенных степенях родства, и иные каноны, определяющие порядок деятельности и объем власти епископа. Но пуще всего, «ведал бы всяк епископ меру чести своея, и не высоко бы о ней мыслил и дела убо великое, но честь никаковая»¹⁰², то есть знать меру своей чести и славы. Регламент запрещал водить их под руки и кланяться им в землю. Функции епископа, кроме поставления подчиненных ему клириков, заключалось в том, чтобы смотреть за монахами, «дабы не волочились безпутно, дабы лишних безлюдных Церквей не строено, дабы иконам Святых ложных чудес не вымышленно; також о кликушах, о телесах мертвых несвидетельствованных, и прочих всего того добре наблюдать»¹⁰³, а для наблюдения держать «по всем городам» «докащиков», как бы духовных фискалов и тайным образом собирать сведения во время объезда епархий. По всему подчеркивалась церковно-охранительная функция епископов: сакралии допускаются, по строго проверенные и «нелишние» – полная противоположность прежней практике, когда новые чудотворящие «святыни» появлялись каждый день, обогая своих владельцев и привлекая к ним толпы доверчивых богомольцев. Теперь же можно было молиться только официально признанным «святыням».

⁹⁹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том VI. 1720-1722. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №4036, стр. 722. Допускалось: «лучше доношением ошибиться, нежели молчанием, однакож ежели то часто будет употребляться: то не без вины будет» (там же, стр. 722).

¹⁰⁰ Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшаго, державнейшаго государя Петра Перваго, императора и самодержца всероссийскаго... Издание первое. Москва, Сунодальная тип., 1856, стр. 93.

¹⁰¹ Там же, стр. 29.

¹⁰² Там же, стр. 31.

¹⁰³ Там же, стр. 27-28.

Но больше всего епископы должны были заботиться о насаждении школ и об образовании в них будущих клириков. Ведь, что осталось после разрыва со старой верой? Сила старого обряда была заподозрена, новой не мог сразу приобрести такой же авторитетной, как старой; и еще при Никоне появилась мысль, что обряд есть дело второстепенное, дело не в чине, а в религиозной теории, то есть в том, что всегда было на заднем плане в допетровской церкви, иерархи, которые зачастую не знали даже Никейского символа веры. Между тем, осуждая старый обряд, старую веру, новая церковь должна была дать своим клирикам осмысление богослужения по новому образцу и оправдало бы взгляд на второстепенное значение обряда. Отсюда забота о насаждении богословского образования, богословской схоластики, целиком заимствованной из Киева. Правда, в курс духовной школы были введены и общеобразовательные предметы, включая арифметику, геометрию и физику. Сделано это было ввиду недостатка светских школ, чтобы в духовные школы могли поступать и сыновья дворян, где они занимали к тому же второстепенное место: шесть образовательных предметов проходили за один год, а «богословия» – за два. Эта-та «богословия», или объяснение новой обрядности, и стала основанием новой веры. Исходя из ее принципов составлялись катехизисы, перешедшие из духовной школы в светскую, строились системы преподавания ветхого и нового завета, создавалась последующая богословская официальная система, и тот «Закон Божий», который преподавался во всех светских школах. И сколько бы в появившейся школе было заблуждающихся моментов, допетровская Русь и этого ничего не знала. Религия для нее заключалась в знании и соблюдении богослужения, вера состояла в том, что определенные обряды и священнодействия, определенные святые и святые обладают чудесной силой, могут спасти человека и помочь ему в невзгодах. Богословская школа не уничтожила эту прежнюю невежественность, но подвела под нее теоретический фундамент. Эмпирическое обрядовое «благочестие» перешло в теоретическое.

Создавая фундамент для теоретического обоснования новой веры, борьба со старой должна была получить еще более решительный характер. Синод учредил для этой цели «духовную инквизицию», Приказ для преследования раскольников. Во главе ее был поставлен протоинквизитор, игумен московского Даниловского монастыря Пафнутий, которому подчинялись провинциальные инквизиторы, а последним – уездные и городские инквизиторы. Инквизиция располагала особой воинской командой, и при ее помощи разыскивала и расправлялась с раскольниками: adeptам старой веры вырывали ноздри, ссылали на каторгу, а их книги и иконы сжигали. Но это фискальное учреждение, неприятное и духовным властям, к тому же допускавшее различные злоупотребления своими полномочиями, вскоре после кончины Петра было упразднено, равно, как и заменены в 1726 г. на более приличествующие имена светские наименования духовных лиц Синода.

В целом духовное состояние русского народа в этот момент времени, несмотря на все реформы, Соловьев описывает так, соотнося это с назначением архиерея Дмитрия в Ростовские митрополиты: «Духовенство было невежественное, учить своих духовных детей не могло, и духовные дети тем легче увлекались проповедью какого-нибудь раскольничьяго старца, который кричал против духовенства, отступившаго от правил старой веры»¹⁰⁴. Сам Дмитрий отмечал: «Окаянное наше время!.. окаянное время, в которое так пренебрежено сияние слова Божия, и не знаю, кого прежде надобно винить, сеятелей или землю, священников или сердца человеческие, или тех и других вместе? Сеятель не сеет, а земля не принимает, иереи не берегут, а люди заблуждаются; иереи не учат, а люди невежествуют; иереи слова Божия не проповедуют, а люди не слушают, и слушать не хотят. С обеих сторон худо: иереи глупы, а люди неразумны. Иерейские жены и дети многия никогда не причащаются; иерейские сыновья приходят

¹⁰⁴ Соловьев М.С. История России с древнейших времен. Книга четвертая. Том XVI-XX. Второе издание. СПб, Общественная польза, 1896, стр. 1366.

становиться на отцовские места; мы их спрашиваем: давно ли причащались, и они отвечают, что и не помнят, когда причащались...»¹⁰⁵ Наблюдая за обыденной жизнью своего народа, причисляя себя к нему, как частица целого, архиерей Дмитрий уже позже стал подписываться под своими письмами названием «архигрешник».

Пётр I всегда придавал тенденциозную, педагогическую окраску и военным публичным парадом, и триумфальному въезду, и народным увеселениям, и беспардонным выступлением своего «всепьянейшего собора». Даже невинные фейерверки у Петра принимали форму двуглавого орла, бросающего смертоносную молнию в шведского льва, не говоря уже об изображениях Марсов, Посейдонов и других божеств, подвизавшихся «по указу Е.Ц.В.», на поприще прославления и пропаганды его дел. По словам Юля Юста, все искусства соединились для этой цели во время Петра. Все эти эмблемы, образы и символы – как то, свинья, нюхающая цветок, с «изъяснением»: «не по твоим ноздрям дух», орёл, поражающего льва, который успел пошатнуть постамент с польской короной, и льва, повешенного на верёвки, с многоговорящей надписью: «Да знает властительствовати» – все они, несомненно, служили идеям Петра и ярко запечатливались в памяти современников. Для Петра в этом смысле культурная составляющая своего народа было не мнение важным, чем его реформирование в военных и экономических областях.

Культурная реформа Петра I нераздельна от разрешения вопроса стиля преподавания Славяно-греко-латинской академии. После становления Софьи правительницей Нарышкины были удалены от Москвы в село Преображенское, где Пётр, представленный сам себе, предавался, по большей части, в военные игры. Православные иерархии, враждебно смотревшие на прозападничество и Алексея и Софьи (а кроме того, ещё и Годунова и Михаила) теперь могли усматривать в Нарышкиных прекращение этой тенденции, т. е. для них, как можно меньше грамотность и обученность царя (и его народа) являлось идеалом православия. Поэтому, когда в августе 1689 г. Пётр одержал победу над сестрой Софьей, патриарх Иоаким, перебежавший одним из первых в его лагерь, поспешил нанести решительный удар своему главному врагу. Он предал анафеме Медведева, а восторжествовавшая партия сумела запутать его в процесс Шакловитого с товарищами. Узнав об этом, Медведев скрылся из Москвы. Его поймали в смоленском Бизюковом монастыре и отослали в Троице-Сергиев монастырь, где находился в это время Пётр со своими приверженцами. Здесь патриарх лишил его иночества и отлучил от церкви и поспособствовал, чтобы стороной Петра было назначено ему тяжкое заточение. Только после того, как голова «латинян» стала безгласна, пришёл черед церковного воздействия на пошатнувшиеся в сторону просвещенческой свободы умы народа. В выпущенной победителями пасквильной «повести о разстриге, бывшем монахе, Сильверстке» рассказывается, что Медведев после увещания отрекся от своего заблуждения и проклял все книги, в которых оно содержалось; действительно, от его лица было составлено заявление, осуждавшие свои прежние взгляды, не подписанное, однако им. В январе 1690 г. подтасованный «собор» в кельях Иоакима осудил сочинения Медведева и его единомышленников, а также целый ряд малороссийских книг, самого Медведева определил подвергнуть церковному покаянию и пожизненной ссылки под охраной в отдалённый монастырь. Но этот приговор остался на бумаге: через год Медведев по новому извету опять был предан суду и после пытки обезглавлен в Москве. «Хлебопклонная ересь» была подавлена, латинская партия замолкла, терроризованная демонстрацией силы авторитета, обычными органами которого были, по меткому выражению одного современника, «немые учителя, стоявшие у дыбы, вместо Евангелия огнем просвещавшие, вместо Апостола кнутом учившие»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Там же, стр. 1366.

¹⁰⁶ Соловьев М.С. История России с древнейших времен. Книга третья. Том XI-XV. Второе издание. СПб, Общественная

Возглавившие академию Лихуды в 1694 г. вынуждены были оставить своё место. Главной причиной их удаления стала кампания, которую повёл против них Иерусалимский патриарх Досифей. Сначала Лихудами в Москве были довольны. Доволен был и Досифей. Но затем он начал действовать против них, подстрекаемый наветами завистливых греков, с которыми Лихуды держались высокомерно. В 1693 г. патриарх Досифей отправил в Москву три послания – царям Ивану и Петру, патриарху Адриану и самим Лихудам, в которых клеймил поведение последних и сурово осуждал постановку преподавания в академии, где они ввели латинский язык и вместо того, чтобы учить (простой) грамматике, «забавлялись около физики и философии». Он называл братьев не Лихудами, а Ликудиями (от греч. слова – волк), грозил даже отлучением. Обличение Иерусалимского патриарха, конечно, имели должное действие на Московскую духовную власть, для которой «свободные учения» были своего рода «жупелом». Патриарх Адриан потребовал от светской власти мер воздействия. Здесь следует заметить немало важный факт, что русская светская власть, являясь отражением духовной, к образованию тоже относилась всегда с подозрением и способствовала этому лишь настолько, насколько это было необходимо ей на данный момент; стремление власти к западной культуре было лишь стремлением не отстать от Запада, но вовсе не просвещения как такового. Поэтому Лихуд отставили от академии, предоставив им право преподавать при типографии итальянский язык. Патриарх Досифей считал и это не достойным и требовал изгнания их из Москвы. Он обвинил их в гордости, в самозваном присвоении книжного титула и даже в сношениях с Турецким правительством. В 1701 г. Лихуды были высланы под надзор в Ипатьевский монастырь в Костроме.

После ухода Лихуд академия быстро пришла в упадок. Учителями были назначены недочившие студенты, по необходимости ограничившие преподавание одной грамматике. В принципе, патриарха Адриана всё это устраивало, – латынь и более-менее сносное образование было изгнано; вместе с тем средства на содержание учебного заведения, о котором никто уже не заботился, иссякли, и само помещение стало разрушаться – печи разваливались, потолки падали. В таком виде академия вступила в XVIII столетие, демонстрируя, в первую очередь, не желание старомосковской партии создавать школу, удовлетворяющему своему назначению, и бессилие греческой стороны. На такой развал обратил в 1697 г. внимание царь Пётр I. В беседе с патриархом он выразил недовольство беспризорным положением академии и указал на необходимость опять вызвать в неё Киевских учёных. В 1700 г. патриарх Адриан вынужден был сделать блюстителем академии выходца из-за границы иеромонаха Палладия Рогову (или Роговского). Короткое время он слушал Лихуд, образование своё доканчивал в Моравии и Риме, получив звание доктора богословия. Принявший унию в Ольмюнце, он отрекся от нее и в 1694 г. написал: «Исповедание и опровержение римских догматов». Оно содержало краткое изложение римского учения и большого доказательства чистоту учения русской церкви. Ставший игуменом Заиконоспасского монастыря Палладию Роговскому удалось несколько поднять уровень академии. В 1703 г. Роговский скончался. Стефан Яворский, назначенный «местоблюстителем патриаршего стола» по смерти Адриана (в 1700 г.), довершил преобразование академии, заместив преподавательские должности вызванными из Киева учёными, которые ввели Киевскую программу. С этого времени открылся новый период в жизни академии – период

польза, 1896, стр. 1224. «В 1697 г. священник Петропавловской (Адриана и Натали) церкви, в Мещанской слободе, донес патриарху Адриану на своего дьякона Петра Артемьева, который после Евангелия читал поучение, похвалял в вере Поляки, Ляхи, Литву, прочитал молитву "Отче наш" на амвоне по-римски, приклякнув на колени, и инья некия молитвы прилагая римския; носит он на себе вместо животворящего креста мошонку, а в ней образок Латынина Антония Падвьянина (Падуанскаго), еретика суца: глаголет и схождение Духа Св. от Отца и Сына, исповедывался и приобщался у иезуитов, а с иными иезуитами, из Москвы изгнанными, zelo слезно разлучился; освященный собор называет забором, который перескочить хвалится; патриархов называет потерями, потому что истинную Православную веру потеряли. Боляр и судей безыменно лаёт и безчестует, по поводу пыток раскольникам: называет этих боляр и судей, стоящими у дыбы в Константиновской башне, немыми учителями, которые вместо Евангелия просвещают огнем, и вместо Апостола учат кнутом» (с. 1223-1224).

исключительного господства латинского элемента, затянувшейся до последней четверти XVIII века.

В России культурный вопрос, в смысле привития западной культуры в русской жизни в её разных проявлениях, был поставлен на широкие основания до Петра Великого и успешно разрешался в области военной техники, отчасти промышленной и других сферах жизни деятельности. Новым, в постановке культурного вопроса, при Петре Великом стало то, что теперь культура была признана созидательной силой не только в области специальной техники, но и в её широких культурно-бытовых проявлениях, и не только в приложении к избранному обществу, как это практиковалось до Петра, но и по отношению к широким массам народа.

Взгляд на культуру, как на средство достижения народного благосостояния и государственного могущества, провозглашённый Петром в апрельском манифесте 1702 г. о вызове опытных в военном деле иноземцев «купно с прочими государству полезными художниками», был руководящим началом всей культурной деятельности Петра, одним из постоянных лейтмотивов в его обширной переписки. Для Петра все средства были пригодны к тому, что бы сблизить Россию с Западом как можно скорее, всестороннее и разнообразнее, тем более что в выборе средств привлечение форм западной культуры в Россию Петру не приходилось создавать чего-либо нового: призыв иностранцев в Россию, посылка своих за границу, школа по западному образцу, книгоиздательство, переводная и оригинальная Западная литература – всё это было уже так или иначе испробовано в предшествующее время. Петру оставалось развить и усилить практику предшественников, сообразно задачам своего времени, и выделить наиболее деятельные пути общения с Западной Европой. Но отмечая преемственность культуры петровского времени с культурой XVIII века следует обратить внимание, что это было не плавное развитие, лишённое качественных сдвигов, а скачек, сопровождавшийся появлением многочисленных новшеств. При Петре в впервые появились: печатная газета, музей, регулярный город, специальные учебные заведения, ассамблеи, отечественные художники-портретисты и т. д. Поэтому, со столь бурным развитием зачинавшемся в XVIII веке и появлением новых явлений русской жизни, в сумме всё это создавало впечатление об отсутствии преемственности с предшествующим временем.

Самым плодотворным и важным способом общения с Западной Европой во время правления Петра Великого стали заграничные командировки с научной целью; они важны были скорее даже не в количественном отношении, потому что воспользоваться им могли лишь немногие, а в качественном своём значении, поскольку сам Пётр и его сотрудники во время путешествий по Западной Европе могли воочию уяснить себе превосходство более культурного Запада над Россией, приобретая точный взгляд на вещи. Немецкая слобода, где зачалось западничество Петра Великого, было только тусклым отображением Западной Европы, способным заинтересовать Западом, как некой «кориузитою», но сделать это «кориузиту» предметом изучения, можно было только путём непосредственного проникновения в её недра. Поэтому то путешествия за границу сделались при Петре Великом, особенно в первой половине его царствования, если не доминирующим способом изучения западной культурой, наряду с вывозом иностранцев, то самым важным для организации культурной реформы в России. История не оставила точного учёта побывавших в петровское время за границей, но можно смело сказать, что Петру удалось ежегодно «раздавать по разным местам» десятки и сотни людей, командированных с разными целями на Запад.

В научные командировки посылались по большей части дворянская молодёжь, так как в молодом дворянстве Пётр видел главный рассадник нужных для России специалистов, да и одному только богатому дворянству, пожалуй, было по карману дорого стоявшее, подчас разорительное пребывание за границей. Материальная тягота этих путешествий увеличивалась еще тем, что Пётр снабжал командируемых предписанием; образец такого предписания – вывезти из-за границы по два мастера и обучить одного русского солдата своей специальностью – мы

находим в «Путешествии» Петра Толстого. Параграф 5 данный ему, как и другим, инструкцией, гласил: «Когда возвращаться будут к Москве, должен всякой по два человека искусных мастеров морского дела привести с собою до Москвы на своих проторях [расходах], а те протори, как они приедут, будут им заплачены. Сверх того отсюда из салдат даны будут для того же учения по одному человеку. А кто из салдат взять не похочет, и тем или знакомца или человека своего тому ж выучить, и салдатам буде прокорм и проезд из казны. А буде, кроме салдат, кто кого выучит, и за всякаго человека за прокорм дано будет по сто рублей»¹⁰⁷.

Противоречивость заграничных командировок состояло в том, что конечный культурный смысл их был не столько в исполнении специальных заданий, сколько в расширении кругозора путешественника, в усвоении им «с одной практики» таких знаний и понятий, которые вырвались в сознание путешественника попутно его движению, часто в не его сознательных исканиях. Совершенно верно, что «Пётр искал на Западе технике, а не цивилизации»¹⁰⁸, но несомненно также и то, что с усвоением этой «технике» в Европейской обстановке в русскую среду проникло и «цивилизация», неразрывно связанная с «техникой» и пребыванием за границей. Драгоценный в этом отношении материал представляют собой дневники и путевые заметки таких выдающихся современников Петра I, как П.А. Толстой, князь Б. Куракин, граф А.А. Матвеев и др., которые показывают, как наивное внимание москвича всё сильнее и сильнее захватывается проявлениями западной цивилизации, как расширяется кругозор путешественника, как появляются у него запросы и требования, и мысль от наивного удивления перед «кориузитою» переходит к сопоставлениям виденного, к критическому суждению о своём и чужом. «Дневник» князя Куракина, начатый им 5 июня 1705 г., во время похода в Польшу, поражает в начале читателя скудостью переживаний автора: кроме заметок, что там то пообедали, а там то ночевали, по видимому ничего другого, достойного внимания не встречалось на пути Куракину; но вот в августе месяце того же года Куракин уже колесил по Западной Европе, направляясь в «Карзбат» лечиться от «скорбутики, или похондрии и меланхолии, и близится к лепре, которая называется по словянски проказа»¹⁰⁹. И читателя захватывает мир своеобразных, глубоких и интересных переживаний, занесённых путешественником на страницы дневника. Научные учреждения, политическое и судебное устройство, искусства, религия, нравы – всё это обращает внимание путешественника, обогащает его новыми впечатлениями и образами, которые, не заметного для него, расширяют его умственный горизонт, прививают новые понятия, вкусы и потребности.

«Видел в Берлине палаты короля пруссаго, – пишет Куракин о своем путешествии, – только еще не отделан, хотя но велик, только регулярно сделан, и фабрики архитектуры новой; и окончины в салесе стекла большие, утверждены в дереве. И позади дому того, который хочет быть квадратом – сад его и в нем фонтаны... Тут же в саду персона вырезана отца его из камня»¹¹⁰.

«Карзбат называется деревня, а не город, в котором уживают [употребляют] Теплицы, вод горячих сидеть и пить и лечиться от разных болезней... И при том поле сделан театрум, где играют тронтафль и иныя игры и карты так видел много, что столов больше пятидесять, и гораздо богата и хороша лавка при том, где пьют чекулад (шоколад), и чай и кофе, и лимонаты, и тут бывакт всякий сход кавалером»¹¹¹.

«Город Амстердам стоит при море в низких местах и во всех улицах пропущены каналы, так велики, что можно корабли вводить... Видел двор остинской – остинской кумпании тор-

¹⁰⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Том первый. (1688-1701). СПб, тип. Государственная, 1887, стр. 118.

¹⁰⁸ Ключевский В.О. Исторические портреты. Под. В.А. Александров. Москва, Правда, 1990, стр. 167.

¹⁰⁹ Архив князя Ф.А. Куракина. I. Под ред. И.И. Семевского, изд.-ред «Русской старины». СПб, тип. В.С. Балашева, 1890, стр. 272.

¹¹⁰ Там же, стр. 117.

¹¹¹ Там же, стр. 120.

говых... И на том дворе видел тот корабль, который делал государь – называется «Петром и Павлом»2... В Амстердаме на ратуше часы большие – обычай такой: каждого понедельника сам часовник на тех часах играет полчаса после двенадцати, как бьет разные куранты, руками и ногами, и то вельми трудно3... [В Лейденской академии] у того профессора Быдло видел палату одну, в которой ниже мог где таких вещей видеть натуральных в спиртах и бальзаматы4...»¹¹².

Перенимая западный опыт, Петру от обучения нужна была не культурная цивилизация, а техника – узкий специалист, а не образованный человек. На Западе, в это время, складывается новый тип школы. Знания превращается в самоцель, в самодовлеющую ценность, важность которого признаётся государством. Школа освобождается из рук духовенства и становится светской. Во многих государствах Запада начальное образование начинает быть общеобязательным (в теории, по крайней мере). В России копирование Запада превращалось в формы поверхностного изучения и порой странными самих по себе. Например, сам Пётр I был знаком с медициной не более систематически, чем тот же путешественник по научным учреждениям Запада Куракин, но это не мешало ему братья иногда за инструменты зубного врача и даже читать лекции по анатомии, обративши эшафот в кафедру, собравшихся на казнь зрителей – в аудиторию, а отрубленную голову своей бывшей «медресы» в наглядное пособие к своей лекции. Имеется в виду казнь фаворитки Петра, Марию Гамильтон (она дважды спровоцировала выкидыши, а третьего младенца удавила), упавшую голову которой царь поднял, чтобы облобызать в последний раз, и, по словам современников, так был поражен явно обнажившимися органами горла, что тут же начал объяснять присутствующим внутренние части шеи и назначение их¹¹³. Правда, за грубостью русских нравов не следует преувеличивать сторону терпимости тогдашней западной цивилизации. Не надо забывать, например, что в тогдашней цивилизованной Англии возвратившиеся Стюарты вырывали кости деятелям революции и предавали их публичной казни и издевательствам. Не мог облагородить чувства русского полудикаря и тогдашний внешний вид западной Фемиды. Куракин «в Амстердаме... видел юстицию пред ратушею: при самой ратуше с окнами нарочно делана площадка на столбах деревянных... на которую площадку выводя тех винных, бьют и головы казнят. И на той площадке стоит столб, на нем вырезан мужик, к которому столбу, привязывая, бьют, взяв связанный пук хлыстья, или голиками [веник без листьев] по бокам; а от того столба перекладина к полатам, на которой перекладине вешают; а при том столбе на жаровне огонь раскладен, где лежат те железные инструменты, чем воров в затылок петнают...»¹¹⁴

Западное стремление к показательной расправе над оппозиционерами и преступниками не помешало, однако, тому же П.А. Толстому рассмотреть за кровавыми атрибутами юстиции особенности передового судопроизводства Венеции, её состязательное начало, гласность судопроизводства, свободу, с которой держит себя публика в зале суда. Не помешало также русским путешественникам жестокая расправа Стюартов, со своими живыми и мёртвыми противниками, уяснить себе сущность английской конституции и её значение для народа. Графу же Матвееву, посетившему Францию, государственный строй этого государства показался идеальным по сравнению с Россией, несмотря на то что это была Франция Людовика XIV: пленники здесь имели больше всего уважения к законам и правильное житье близких им по положению классов.

Посещение Западной Европы и описание её мироустройства вызвало у русских людей определённые трудности иного порядка, нежели чисто материальные. Путешественники чув-

¹¹² Там же, стр. 1 – 130, 2 – 133, 3 – 136, 4 – 142.

¹¹³ Семевский М.И. Слово и дело. 1700-1725. СПб, тип. В.С. Балашева, 1884, стр. 258.

¹¹⁴ Архив князя Ф.А. Куракина. I. Под ред. И.И. Семевского, изд.-ред «Русской старины». СПб, тип. В.С. Балашева, 1890, стр. 147-148.

ствуют что-то «дивное», сами наслаждаются им, но когда пытаются облечь свои переживания в слово, перевести их на язык родных «речений» и общепонятных образов, то не достаёт у них слов и образов, нет моста, по которому бы можно было перевести свои переживания в круг отечественных представлений. Вот, например как П. Толстой делает сообщение своим соотечественникам понятие о маскарадах: «И приходят в те оперы множество людей в маскарах [масках], по-славянски в харях, чтоб никто никого не познавал, кто в тех операх бывает, для того что многие ходят с женами, также и приезжие иностранцы ходят с девицами; и для того надевают мущины и женщины машкары и платье странное, чтоб друг друга не познавали»¹¹⁵. Или нужно ему описать невиданное для русских зрелище большого Западноευропейского театра: какими словами передать соотечественникам понятие ложи, часто меняющихся декораций, роскоши театральных костюмов? И Толстой строит такой мост от Европейского театра к отечественным представлениям: в «театруме», «в тех палатах поделаны чуланы [ложи], многие в пять рядов вверх... чуланов 200, а в ином 300 и больше, а все чуланы поделаны изнутри того театрума предивными работами золочеными... С единой стороны к тому театруму бывает приделана великая зело длинная палата, в которой чиниться опера. В той палате бывают временныя перспективы дивныя [декорации], и людей бывает в одном опере в наряде мужеска и женска полу человек по 100 и по 150 [артистов] и больше. Наряды у них бывают изрядные золотые и серебряные, и каменью бывает в тех уборах много: хрустелей и вареников, а на иных бываают и алмазы и зерна бурмицкия»¹¹⁶.

Как не ухитрился русский путешественник передать на родном диалекте неведомые для москвича впечатления, он всё равно впадал в трагическое положение человека, которого современники не могли понять. Впрочем, П.А. Толстой и А.А. Матвеев прибегали к искусственной терминологии только в том случае, если им нельзя было обойтись «словенскими» средствами; но были и такие писатели-путешественники, которые в своих описаниях, по-видимому, потеряли грань между русским языком и иноземным. Образцом в этом отношении может служить князь Куракин. Иностранные слова он употреблял часто там, где свободно мог бы обойтись отечественным лексиконом. Например, говоря о царевне Софье, Куракин пишет: «И одна авантюра курьезная сделалась1... Тогда же она, царевна Софья Алексеевна, по своей особенной инклинации и амуру, князя Василия Васильевича Голицына назначила... войско командировать... который вошёл в ту милость чрез амурные интриги. И почал быть фаворитом и первым министром... И тогда Иван Милославской упал и правления его более не было. Однакож, по свойству своему царевне, Софии Алексеевне, всегда содержен был в консидерации по смерть свою2... И в первых, начала она, царевна София Алексеевна, дела вне государства – подтверждать алиансы (с) своими соседственными потенции3... возставила корришпонденцию со всеми дворами в Европе4... Софья для своих плезиров, завела певчих... [из которых] царевны: Екатерина, Марфа и другия... избрали своих галантов... В отбытие князя Василия Голицына с полками на Крым, Федор Щегловитой весьма в амуре при Софье профитовал, и уже в тех плезирах ночных был в большой конфиденции при ней5...»¹¹⁷ Тот же стиль иностранных слов применяет Куракин и к себе, рассказывая, как он в Вене «был инаморат [влюблен] в славную хорошеством одною читадинку [гражданку], которую имел за медресу... которая коштовала [стоила] мне в те два месяца 1000 червонцев. И разстался с великою плачью и печалью, аж до сих пор из сердца моего тот амог не может выдти...»¹¹⁸

Все эти и подобные особенности языка Петра I и его сотрудников, побывавших за границей, несомненно, являются продуктом их знакомства с Западной Европой. Язык этот испещ-

¹¹⁵ Русский архив. №2. Москва, тип. Университетская, 1888, стр. 547.

¹¹⁶ Там же, стр. 546.

¹¹⁷ Архив князя Ф.А. Куракина. I. Под ред. И.И. Семевского, изд.-ред «Русской старины». СПб, тип. В.С. Балашева, 1890, стр. 1 – 45, 2 – 48, 3 – 50, 4 – 51, 5 – 55. (Подч. – А.А.)

¹¹⁸ Там же, стр. 278. (Подч. – А.А.)

рённый варваризмами и непонятным для громадного большинства русских людей, тем не менее, стал, превратился в деловой постоянный язык кружка деятелей, окружавших Петра. На нём говорили, он прописан в деловую переписку и даже в государственные акты. Неудивительно поэтому, что при Петре I появилось несколько словарей, помогающих переводить с этого языка на русский, общепонятный, и в составление одного из них, а именно, в «Лексиконе вокабулам новым по алфавитам». Пётр I принял деятельное редакторское участие. В словаре этом содержалось 503 «новых вокабулы», без которых, по-видимому, трудно было русским людям понимать своих правителей.

Историк Н.А. Смирнов, на основе произведений Куракина и ему подобных, а также из таких официальных актов, как Петровские «регламенты», «Правда воли монаршей», «Торговый морской устав» и др., составляли словарь, содержащий более 3000 иностранных слов, вошедших в русскую речь во времена Петра Великого. Появление же в русской речи иностранных слов демонстрирует, что в сознание многочисленных россиян, исколесивших, по воле Петра, Западную Европу вдоль и поперёк, запала её культурная атмосфера, какую теперь они приносили с собой и старались донести до соотечественников.

Заграничные командировки были прекрасным образовательным средством приобщения русских к западной культуре, но слишком дорогим, громоздким и несподручным. Для командированных нужно было подписать на Западе соответствующее места, что не всегда удавалось ввиду неблагонадёжного отношения некоторых государств к успехам России. За посланными нужно было устраивать тщательный надзор за границей, так как молодёжь часто уклонялась от заданий, причиняла своим поведением хлопоты надзирателям и русским послам. Но самое главное, как уже понял Пётр на основе примера западного школьного образовательного воспитания, оно должно быть массовым. Теперь, по мнению Петра, школа должна стать сотрудницей реформы, выпускать людей «во всякия потребности... происходили в церковную службу и в гражданскую воинствовать, знати строение и докторское врачевское искусство»¹¹⁹. Предшественники Петра в этом отношении ничего не сделали. При Фёдоре Алексеевиче была заведена высшая богословская школа с общеобразовательной схоластической программой, но от неё остались жалкие развалины вследствие разразившейся в её не окрепших стенах ожесточённой борьбы старорусской ретроградской партии с «латынниками». О состоянии этой школы Пётр получил в 1700 г. под Нарвой неутешительное известие, вместе с вестью о кончине патриарха Адриана. «Школа, бывшая под управлением патриарха и под надзором монаха Палладия, в расстройстве, – доносил Курбатов, – ученики, числом 150 человек, очень недовольны, терпят во всём крайний недостаток и не могут учиться, потолки и печи обвалились».

Рассчитывать, что само общество или «учительный класс», его духовенство, державшее до Петра школу в своих руках, пойдет навстречу запросам времени, было бы наивно: духовенство вообще в массе не сочувствовало реформам Петра, да и не могло по косности своей проявить инициативы в заведении новых школ со светскими программами и задачами: слишком привыкло оно к своим «буквам благодатного закона», к «мечтательному», по определению Петра, знанию, боясь как заразы «риторских астроном», «богомерзской геометрии» и других «свободных» наук. Поэтому оставлять школьное дело в руках «учительного класса» было более чем бесполезно. В обществе, а тем более в широких народных массах, тоже не было тяготения к школе, даже с привычной программой чтения часослова и псалтыри, не говоря уже о «новоявленной цифири» и «богомерзской геометрии». Следовательно, инициативу школьной реформы нужно было брать в руки правительства, введением принудительного начала в новую школу.

¹¹⁹ Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях. Том I. Сост. Н.А. Воскресенский, под ред. и с предис. Б.И. Сыромятникова. Москва, Ленинград, Акад. Наук СССР, 1945, стр. 33-34.

До Петра I в России светского образования фактически не было, если не считать Славяно-греко-латинскую академию в Москве. Следовательно, не было и необходимых специалистов, но Пётр, не любивший долго раздумывать над трудной задачей и, веря в организующую силу своих указов, приступал к основанию школ, надеясь, что нива найдет своих сеятелей. В 1701 г. в Москве, в Сухаревой башне, возникает Навигационная и подготовительная к ней математическая школа. В том же году при Посольском приказе открываются курсы иностранных языков, «немецкая школа» Николая Швиммера и развалившаяся богословская Славяно-греко-латинская академия, реставрируется «черкасами» по программе «латынников», в исполнение данного в июле 1701 г. лаконичного указа: «устроить в академии учения латинския». Около 1705 г. «немецкая школа» Швиммера преобразовывается в «гимназию» Глюка. В 1707 г. при Московском военном госпитале заводится Медицинская школа, под руководством доктора Бидлоо. В 1712 г. в Москве открываются Инженерная и Артиллерийская школы. С 1714 г. по губерниям стали заводится «цифирные школы». В 1715 г. из Москвы в Санкт-Петербург переводится Морская академия, там же возникают затем Инженерная и Артиллерийская школы; вместо их в Москве остаются подготовительные классы с математической программой, и лучшие ученики этих школ отсылаются в с.-петербургские высшие школы для специальной подготовки. В 1719 г. в Санкт-Петербурге открыли Инженерную роту, куда стали поступать выпускники инженерной школы. Утверждается проект Академии наук, открытая после смерти Петра I в 1725 г. Вместе с тем, в Санкт-Петербурге открываются астрономическая обсерватория, Ботанический сад, Кунсткамера.

Самым трудным вопросом при организации специальных школ был подбор преподавателей и организаторов учебной стороны дела. О преподавателях из русских, особенно в первые 15 лет XVIII столетия и думать нельзя было. Педагогический персонал названных школ вербовался, главным образом, из иностранцев, частью Немецкой слободы, частью пленных, а еще чаще всего за границей. Так, во главе «немецкой школы» стоял Швиммер, директор школы Немецкой слободы. Артиллерийская школа была поручена барону Гитнеру, медицинский факультет – доктору Бидлоо, Морская академия – барону С. Илеру – «Сенталеру», как его называл граф Апраксин; в инженерной школе «надзирателем» был подполковник фон-Строус, в «гимназии» Глюка все восемь преподавателей были или немцы или французы; в математическо-навигационной школе было четыре учителя, из них три англичанина и только один русский.

Нельзя сказать, что этот педагогический персонал был подобран удачно. В петровское время, как и раньше наряду с действительными «мастерами» своего дела, приезжали авантюристы и самозванцы. Так, назначенный главным начальником Морской академии гр. Матвеев «обнаружил, что директор академии С. Илер попал не на свое место»: «Деньги, которые ему отпущены в большом числе, все равно, что в окна выкинута... Регламенты, им поданные, не были его практики, а переписаны с печатных правил французской морской академии, а он выдал их за новость... Срамно всем слышать, – негодует далее Матвеев, – что С. Илер напрасно похитил назвище генерального директора, который должен отличаться совершенным знанием своего дела и иметь безстрастный надзор над всеми профессорами, не только что над навигаторами и кадетами. Но он, С. Илер, во время годового пребывания своего в академии, ни одного кадета в дальнейшую науку не произвел, и успехов в самой меньшей науке свидетельствовать не может, не только не превосходит профессоров, но и навигаторской науки не знает...»¹²⁰ Не на высоте своего положения оказались и некоторые «профессора» московской навигационной школы. Был «отставлен от школы» и приемник Глюка, по директорству в «гимназии», Иван Вернер Паус. Неудивительно поэтому, что иноземным педагогам не доверяли и следили за ними негласно и открыто, что, в свою очередь, вызывало у них раздражение. Некоторых

¹²⁰ Соловьев М.С. История России с древнейших времен. Книга четвертая. Том XVI-XX. Второе издание. СПб, Общественная польза, 1896, стр. 235.

«профессоров» приходилось укрощать приемами русской педагогики. Так, «пресветлейший князь Меньшиков», едва умевший нацарапать свою подпись, вмешался в академические распри Морской академии и разрешил ученый спор о знаниях С. Илера очень просто: он «грозил меня [Илера] палками побить, чтобы, по его словам, выучить Французский народ, как жить. Таких подчиваний не чинят шляхетству в нашей Европе»¹²¹, – писал по этому поводу С. Илер, на которого, в свою очередь, подал самому царю челобитную навигатор Угримов, жалуясь на то, что С. Илер бил его, навигатора «шляхетского звания», по щекам и палкой при всей школе.

Но неверно было бы судить первых русских профессоров только по отрицательным случаям из академической жизни времени Петра. В числе иноземных преподавателей были лица, которым русская наука и дело петровской реформы обязаны многим. Таким был, прежде всего, Андрей Фарварсон – бывший профессор Эбердинского университета. Даже Курбатов, не особенно расположенный к иноземным профессорам, признавал в этом англичанине единственного человека «дела» во всей математической навигационной школе. В 1715 г. он был переведен в Санкт-Петербург в Морскую академию. Примечательно, что этот профессор делал свое большое дело скромно и без шума: будучи «большим» по знаниям, он ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге не занимал начальствующего поста.

Следует отметить и такого труженика петровской школы, как Яган Вурм, около 15 лет обучавший в школе Глюка и в сменившей ее «разноязычной школе» немецкому языку «малых ребят», а затем, по приказу Петра, вызванный в Санкт-Петербург для учреждения там в 1715 г. курсов иностранных языков.

Своеобразное место среди петровских школ занимает «гимназия» Э. Глюка. В преподавании здесь стояли на первом месте новые языки и науки. Учащиеся «гимназии» делились на 3 группы, каждый учащийся должен был избрать своею специальностью один из новых языков (преподавались три языка: латинский, французский и немецкий, а позднее к ним прибавились итальянский и шведский). Кроме языка, первая группа обучалась грамматике и начаткам арифметики, в средней группе проходили математику в более обширных размерах и изучали историю и географию; в старшей группе обращалось особое внимание на усовершенствование в языках, а также слушали «из философии делательную итику и политику», философию картезианскую и высшую математику. Кроме того, необходимо было учиться у Стефана Рамбурга комплиментам и танцам, а у «конского учителя» Иоанна Штурмевеля верховой езде. Таким образом, «гимназия» Глюка ставила своей задачей превратить русскую «плодовитую, да токмо подпор и тычин требующую дидивину» в своего рода «*halant-homme*’а» по рецепту западной «рыцарской академии». Сказать, что это получилось нельзя. Несмотря на то, что школа Глюка была официально признана делом «всеобщей всенародной пользы», она удержала свою широкую общеобразовательную программу только при начальствовании Глюка (1703-1705 гг.); при трех его приемниках она постепенно теряет свой общеобразовательный характер и уже в 1707 г. превращается в профессиональную «подъяческую четырехязычную школу», распавшаяся на четыре самостоятельных отделения: цесарскую (немецкую), французскую, шведскую и латинскую школу. «Гимназия» Глюка с ее широкой общеобразовательной программой пришлась не ко двору русской жизни, оказалась пустоцветом; ее судьба лишней раз подтвердила ту истину, что времена петровской реформы требовали от школы профессиональных технических и ремесленных знаний, а не общего образования, запрашивали у нее узких специалистов, а не просвещенных умов. Век их наступит не в рабочую пору Петра, а в царствование императриц, в век господства «Шляхетства» с его сословного учебного заведения – «Шляхетского корпуса». Но и они во многом нахватавшиеся поверхностных знаний будут больше напоминать «*halant-homme*’а» – галантов-аристократов – образованных людей, хорошо усваивающие новомодные гуманитарные идеи Европы.

¹²¹ Там же, стр. 236.

Обучение в школах с иноземным педагогическим персоналом не давалось легко, особенно в первые годы их деятельности. Не говоря уже о совершенно новом, неведомом русскому обществу мире отвлеченных понятий и представлений, в который вводила «государственных младенцев» специальная школа. О языке преподавания того времени можно судить по языку учебников. Вот, например, некоторые определения: «География есть математическое смещенное, изъясняет фигура или корпус и фикция свойство земноводного корпуса, купно с феноминами, со явлениями небесных сил, солнца, луны и звезд и т. д.»¹²² «Арифметика или числительница, есть художество честное, независтное, и всем оудобопоятное, многополезнейшее, и многохвалнейшее, от древних же и новейших, в разныя времена явившихся изряднейших арифметиков, изобретенное, и изложенное»¹²³. «Радикс есть число яковья либо четверобочныя и равномерныя фигуры или вещи един бок содержащее. И того ради радикс или корень именуется, зане от него вся пропорции всея алгебры начинаются или рождаются»¹²⁴. Ученики не выносили этой мудрости, и многие из них дезертировали из школы, с риском подвергнуться розгам.

Самой многочисленной по количеству учеников была школа математическо-навигационная. Первоначально комплект ее составлял 200 человек, в 1706 г. дошел до 500. Тяжелее заполнялась инженерная школа. Первоначально всего поступило 23 человека; Пётр приказал набрать 150 человек, причем 2/3 должно было быть из дворян; указ не был исполнен вследствие упорного нежелания дворянства; тогда новым указом повелевалось вербовать учеников из разночинцев, а из московских дворян – принудительно.

Вообще, мелькнувшая было у Петра мысль сделать некоторые школы сословными, а именно, инженерную и морскую академию дворянскими, славяно-латинскую академию – духовного для подготовки лиц «в надежде священства», не встретила поддержки в жизни: дворяне оказались в академических «нетех», а их места охотно заполнялись разночинцами; студентов академии разбирали то доктор Бидлоо, то неумолимая рекрутчина. Этим и объясняется, что все школы Петра были сословными, не столько *de jure*, сколько *de facto*.

Если бросить взгляд на результаты просветительской деятельности школ петровского времени, то против их образовательного значения говорит то, что вызваны они были не столько общественной потребностью, сколько волею царя и поддерживались больше личной энергией Петра и его сотрудников, чем общественным сознанием. Быстрое исчезновение большинства этих школ со смертью Петра является лучшим тому доказательством.

Не миновала участь развала и судьба математической школы. С учреждением цифирных школ в 1714 г. было предписано посылать в каждую губернию по два учителя из учеников математической школы. Если принять во внимание, что таких школ при Петре было одно время до 50, то становится понятным значение математической школы в качестве проводника «реальных» знаний в провинции. В «цифирные школы» должны были поступать дети дворян, дьяков и подьячих и в возрасте от 10 до 15 лет пройти их программу. Недоросли, уклонившиеся от школьной повинности штрафовались запрещением жениться. Школы эти должны были заводиться при богатых монастырях и архиерейских домах, на их иждивении.

Цифирные школы не упрочились на Руси, и большинство их не пережило Петра. Неудача объясняется, прежде всего, отрицательным отношением дворянства к обязательному образованию: дворянские недоросли при вербовке в школу оказывались в «нетех» чаще, чем при наборе в рекруты. Только энергичным провинциальным администраторам удавалось силой скомплек-

¹²² Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списков воспитанников за 100 лет. Сост. Ф. Веселаго. СПб, тип. Мор. Кадет. Корп., 1852, стр. 14.

¹²³ Магницкий Л.Ф. Арифметика. Москва, 1703, стр. 41.

¹²⁴ Там же, стр. 425.

товать школу, которая, впрочем, быстро распозлзлась от бегства учеников и недостатка в средствах.

Вторая причина неудачи объясняется недоброжелательностью духовенства к школе, во-первых, потому что на духовенство взваливалась новая обуза по содержанию этой школы, часто в ущерб имеющимся при кафедрах и монастырях школам церковным; а во-вторых, потому что духовенству навязывалась школа, чуждая ему по духу, организации и программе, и против этой школы открыто запротестовали даже лучшие иерархи. Тщетно гремел против митроносной оппозиции Скорняков-Писарев, ведавший цифирными школами, упрекая духовенство в крамольном духе, обличая его невежество, мешавшее ему постигнуть сладость и общепользность реального знания: последнее обличение отвечало действительности, и потому-то духовенство ответило молчаливым бойкотом цифирных школ, убившим их в конце концов.

На помощь реформе Петра было привлечено и другое образовательное средство – книга. От нее, прежде всего, требовалось сообщение точных знаний. Появляются новые типографии, которые занимались печатанием русских и переводных учебников, книги по истории, математике, географии, землемерию, земледелию, перевода литературных и исторических сочинений античных авторов. До общестственности литература допускалась Петром выборочно. Переводом книг, кстати, должен был заниматься и новоучрежденный Синод. Любопытное задание дает Пётр этому высшему церковному учреждению в России 11 сентября 1724 г: «Посылаю при сем книгу Пуффендорфа, в которой два трактата, первый – о должности человека и гражданина, другой – о вере христианской; но требую, чтобы первый токмо [о должности] переведен был, понеже в другом [о вере] не чаю к пользе нужде быть, и прошу, дабы не под конец рук переведена была, но дабы внятно и хорошим штилем. Петр»¹²⁵.

Кроме сообщений полезных знаний, книга должна была еще и воспитывать русское общество в духе европейской общности. В этом отношении особенно характерным являются издания «Приклады како пишутся комплементы разные на немецком языке» и «Юности честное зерцала или Показание к житейскому обхождению», своего рода «самоучители» в пределах воспитательной части программы «гимназии» Глюка и западных «рыцарских академий». Эти книги выдержали при Петре несколько изданий.

Петровской книге ставилась и третья служебная задача: она ясно выражена в привилегии, данной Петром голландцу Тессингу на заведение русской типографии: «Чтоб те чертежи и книги, – говорится в привилегии, – напечатаны были к славе Нашему, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества превысокому имени и всему Российскому Нашему Царствию, меж Европейскими Монархи к цветущей наивящей похвале и ко общей народной пользе и прибутку, и ко обучению всяких художеств и ведению, а понижения б Нашего Царскаго Величества превысокой чести и Государства Наших в славе в тех чертежах и книгах не было»¹²⁶. Следовательно, книга должна содействовать прославлению дел Петра и возвышению русского государства в глазах Европы. Дело в том, что делу Петра много вредил установившийся на Западе взгляд на Россию как на варварскую страну: изображение реформ, по мнению Петра, должно было рассеивать этот взгляд. Тому же делу должно было служить описание царствования Петра. Собираются исторические материалы по монастырям, ведутся дневники событий государственной важности, поручается разным лицам писать историю (Поликарпову, Прокоповичу). Вместе с тем, от книг, издаваемых в России, Пётр не требовал обязательного восхваления всего русского только потому, что оно русское. По словам Голикова, собирателя рассказов о Петре «по свежим следам», государю представили перевод сочинения о России. Ознакомив-

¹²⁵ Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях. Том I. Сост. Н.А. Воскресенский, под ред. и с предис. Б.И. Сыромятникова. Москва, Ленинград, Акад. Наук СССР, 1945, стр. 148. Наука и литература в России при Петре Великом. Исследование П. Пекарскаго. Том I. СПб, Обществнная польза, 1862, стр. 213.

¹²⁶ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том IV. 1700-1712. Тип. П Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №1751, стр. 7.

шись с работой, Пётр обратился к переводчику: «"Глупец! что я тебе приказал с сею книгою сделать?" – "Перевесть", – отвечал монах. "Разве это переведено?", продолжал Государь, и показал ему статью о Российской Державе, в которой переводчик совершенно выпустил жестокія и колкія места о естественном свойстве Российскаго народа, а иныя переделал и написал ласкательнее для России. "Тотчас поди", говорил после сего Государь, отдавая ему обратно его перевод; "сделай, что я тебе приказал, и переведи книгу везде, так как она в подлиннике есть"». – при этом монарх добавил, что он приказал напечатать сию статью «не в поношение своим подданным, но к их исправлению и во известие, что об них доселе думали в других землях, и чтоб мало по малу научились знать, что они были прежде и каковыми сделались теперь»¹²⁷.

От каждой книги Пётр требовал ту суть дела, которую он считал наиболее важной, пренебрегал и в содержании, и в изложении всем, что отвлекало от главного. Сохранилась собственноручная записка Петра в Синод, «Указ трудящимся в переводе экономических книг», которая ярко отображает направление мысли самого Петра и его требования от книги: «Понеже немцы обыкли многими расказами негодными книги свои наполнят, толко для того, чтоб велики казались, чего, кроме самого дела и краткого пред всякою вещью разговора, переводит не надлежит; но и вышереченной разговор, чтоб не празной ради красоты, но для вразумления и наставления о том чтущему был, чего ради о хлебопашестве трактат выправил (вычерня негодное), и для примеру посылаю, дабы по сему книги перевозены были без лишних расказоф, которые время толко тратят и у чтущим охоту отемлют. Петр»¹²⁸. Кроме того, чужой труд для пользы дела, рекомендовалось не только сокращать и передавать своими словами, но и дополнять в случае надобности. В письме к Конону Зотову в январе 1715 г. Пётр наставляет: «Все, что ко флоту принадлежит на море и в портах, сыскать книги, также чего нет в книгах, но от обычая чинят, то пополнит, и все перевесть на словенской язык нашим штилем, толко храня то, чтоб дела не проронит, а за штилем их не гнатца»¹²⁹. Но так как и «славянский штиль», в роде «штиле» «люботрудного мужа Симеона Полоцкого», был «тяжек за высоту словес», то и тут Пётр требовал, как главного, общедоступности. Мусин-Пушкин писал Поликарпову: «По имянному царскаго величества указу присланные от его величества два лексикона один с латинского на французский язык, другой с латинского на галландский, велено велено (sic) и из оных сделать один лексикон и под латинския речи подвесьть славянския слова... При сем же посылаю к тебе Географию переводу твоего, которая за неискусством либо каким переведена гораздо плохо: того ради исправь хорошенько не высокими славенскими, но простым русским языком... Со всем усердием трудися, и высоких слов славенских класть не надобять, но Посольского приказу употреби слова...»¹³⁰ В стремлении к общедоступности для большей простоты и практичности, удобства письма, Пётр вносит поправки в русскую азбуку. Сам он писал крупным почерком быстро, небрежно, иногда не разделяя слов, многие слова с пропущенными буквами, видимо, когда слова не поспевали за мыслью.

На службу делу реформы Пётр вызывает к жизни не ведомую до этих пор в России форму воздействия на общественное сознание – публицистику. Выше было показано, как из-за тяжести налогов и войны в разных слоях русского народа появилось недовольство реформой и ропот против реформаторов. К этой домашней оппозиции присоединилась иноземная, питав-

¹²⁷ Голиков И.М. Деяния Петра Великаго, мудраго преобразователя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. Том пятый. Издание второе. Москва, тип. Николая Степанова, 1838, стр. 231-232.

¹²⁸ Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях. Том I. Сост. Н.А. Воскресенский, под ред. и с предис. Б.И. Сыромятникова. Москва, Ленинград, Акад. Наук СССР, 1945, стр. 148. Наука и литература в России при Петре Великом. Исследование П. Пекарскаго. Том I. СПб, Общественная польза, 1862, стр. 214.

¹²⁹ Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях. Том I. Сост. Н.А. Воскресенский, под ред. и с предис. Б.И. Сыромятникова. Москва, Ленинград, Акад. Наук СССР, 1945, стр. 43.

¹³⁰ Русский архив. №7-8. IX. Москва, тип. Грачева и К, 1868, стр. 1054-1055.

шаяся опасением растущего могущества России и находившая себе краски для злословия в сложившейся в Западной Европе представлении об азиатском варварстве России. Терпела Россия неудачи в войне, над Петром издевались в Западной Европе, изображая его трусом, покидающим войска в минуту опасности; одерживала победы – сторонники Швеции били тревогу об азиатской опасности; происходили кровопролитные битвы – на Западе говорили о невероятной кровожадности русских; затягивалась война вследствие несговорчивости шведов – Россию упрекали в варварском упорстве, покупаемом ценою бесцельно проливаемой крови и изнурением подданных. Эти нападки, по-видимому, находили себе сочувствие и среди русской оппозиции: русские путешественники приносили на родину слухи о ней с Запада. И Пётр обращается к официальной публицистике как к орудию борьбы с оппозицией. В 1717 г. выходит написанное Шафировым, с редакционными вставками Петра, «Разсуждение какия законные причины его величество Петр первый... к начатию войны против Короля Карла 12, Шведского 1700 г. имел, и кто из сих обоих потентантов, во время сеи пребывающей войны, более умеренности и склонности к примирению показывал, и кто в продолжение оной, столь великим разлитием крови Христианской, и разорением многих земель виновен; и с которой воюющей страны та война по правилам христианских и политических народов более ведена. Все без пристрастия фундаментально из древних и новых актов и трактатов, також и из записок о воинских операциях описано, с надлежащею умеренностию и истиною...»¹³¹ Не стоит говорить, в чью пользу были сделаны выводы в этом «рассуждении». Сам памфлет был написан главным образом для русской публики, хотя и не без расчета стать известным «христианским и политическим государствам», следовательно, Петром были приняты прямые меры воздействия и на общественное мнение Западной Европы в свою пользу.

Иногда публицистика во времена Петра I приносила отрицательные последствия. Так, в 1702 г. Паткуль пригласил на русскую службу доктора прав Гюйсена, который обязался, как пишет Соловьев в «Истории России», «склонять голландских, германских и других ученых, чтоб они посвящали царю, или членам его семейства, или, наконец, царским министрам замечательныя из своих произведений, преимущественно касающияся истории, политике и механике; также, чтоб эти ученые писали статьи к прославлению России»¹³². Воспитатель же царевича Алексея М. Нойгебауер получил отказ от места, и в отместку этого написал пасквиль на Россию, в котором изображал варварство русских, грубость царя, рекомендовал иностранцам не обольщаться обещаниями милости и наград у русского царя. На это Гюйсен в 1705 г. получил «комиссию» опровергнуть пасквиль Нойгебауера, и, действительно, выпустил в следующем году на немецком языке опровержение под заглавием: «Пространное обличенье преступнаго и клеветами наполненнаго пасквиля... изданного под титулом "Письмо знатнаго немецкаго офицера"»¹³³. Завязалась полемика, обратившая внимание западного общества, главным образом, вследствие вскрытия интимных сторон жизни Петра и его друзей...

Побывав на Западе, Пётр научился замечать, что в государстве помимо самодержца и его слуг есть еще одна крупная «персона» – народ, с мнением которого приходится считаться и сочувствие которой не мешает добиваться, ради пользы дела; правда, «персона» эта не всегда бывает на высоте замыслов своих руководителей, но «политические» государи слишком верили в силу рассудка и не скупались на просвещения речи, чтобы ими поднять управляемых до своих высоких замыслов, приобщить их к пониманию тех забот, какие проявляли о них в законодательстве, в политике, в финансовой жизни страны ее правители. Пётр тем более проникся этим появившимся в Западной Европе течением, что данные Преображенского застенка

¹³¹ Наука и литература в России при Петре Великом. Исследование П. Пекарского. Том II. СПб, Общественная польза, 1862, стр. 392-393.

¹³² Соловьев М.С. История России с древнейших времен. Книга третья. Том XI-XV. Второе издание. СПб, Общественная польза, 1896, стр. 1355.

¹³³ Русский биографический словарь. Том XI. Имп. Рус. Ист. Общ., СПб, тип. Главнаго Управления Уделов, 1914, стр. 194.

воочию его убеждали, как тяжести реформы туманили мысль народных масс и удаляли ее от понимания смысла реформы: все перетолковывалось навыворот, во всем видели только обратную сторону дела, не замечая ее положительных последствий. Этим-то и объясняется то, что указы и официальные акты Петра скорее напоминают собою серьезные журнальные и газетные статьи в пользу партийного законопроекта или объяснительные записки к нему, чем правительственные распоряжения и законодательные определения, как общественность их привыкла понимать. Стоит взять любой из «регламентов» Петра: в них половина содержания удалена рассуждением о пользе и разумности нововведения, о вреде старого порядка, о неразумности его приверженцев, которые по своей собственной вине и неразумности, навлекут на себя карающую руку правителя и т. д. Таким публицистическим характером проникнуты почти все правительственные акты и распоряжения Петра. Облеченная в известную форму реформа была превращена им в средство возбуждения к ней сочувствия. Этим же целям служила и церковная проповедь в устах таких сторонников реформы как Феофан Прокопович.

Если, по мысли Петра, книга проводила в русскую среду знание и европейскую культуру, публицистика, официальная литература и проповедь разъясняли населению смысл действий и распоряжений правительства, то, все также беря за образец новшества Западной Европы, оставалось еще ввести население в курс текущих событий, не только русской, но и заграничной, тем более что теперь разрушалась стена между этими мирами. И Петром заводится в Москве первая русская газета (в Венеции в 16 в. за сводку новостей платили мелкую монету – *gazzeta*, отсюда произошло название печатных статей), рассчитанная, по-видимому, на внимание не одной только русской публики.

16 декабря 1702 г. царь издал указ: «По ведомостям о воинских и о всяких делах, которыя надлежит для объявления Московского и окрестных Государств людям, печатать куранты, а для печати тех курантов, ведомости, в которых приказах, о чем ныне какая есть и впредь будут, присылать из тех приказов в Монастырской приказ, без мотчания, а их Монастырского приказа те ведомости отсылать на Печатный двор»¹³⁴.

2 января 1703 г. вышел первый номер московской газеты, прошедший через редакцию и корректуру Петра, под названием: «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском Государстве и во иных окрестных странах». На подборе материала для этого номера можно видеть, что больше всего занимало внимание его редактора, чем он хотел похвалиться перед читателем и на какие мысли навести его. Симпатии и антипатии, радости и надежды Петра читаются между строк этой еще церковно-славянским шрифтом набранной газеты. В ней, после указания о количестве отлитых в Москве пушек, объявляется, что «московские школы [академия] оумножаются, и 45 человек слушают философию, и уже диалектику окончили. В математической штюрманской школе болше 300 человек оучатся, и добре науку приемлют. На москве ноября с 24 числа, по 26 декабря родилося мужска и женска полу 386 ч[е]л[о]век... Индейский царь послал в дарах великому Государю нашему слона, и иных вещей не мало... На реке соку нашли много нефти, и медной руды, из той руды медь выплавляли изрядну... В китайском г[о]с[у]д[а]рстве езуитов велми не стали любить за их лукавство, а иные из них и смертью наказаны1... Силы казацкие под полковником самусем ежедневно оумножаются, вырубя в немирове коменданта, с своими ратными людьми город овладели, и оуже намерен есть белую церковь добывать2»¹³⁵.

Осведомленность «ведомостей» была довольно велика, что даже из неприятельской стороны, из осажденных городов, попала каким-то путем корреспонденция на их столбцы. Гарнизон Ниеншанца по Неве посылал сообщение, не думая, что оно попадет в русскую газету:

¹³⁴ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том IV. 1700-1712. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №1921, стр. 201.

¹³⁵ Ведомости времени Петра Великого. Выпуск первый. 1703-1707 гг. в память двухсотлетия первой русской газеты. Москва, Синодальная Типография, 1903, стр. 1 – 3, 2 – 4.

«Мы здесь живем в бедном постановлении, понеже москва в здешней земле зело не добро поступает»¹³⁶; а «из Олонца пишут», что «Поп иван окулов собрав охотников пеших с тысячу человек, ходил за рубеж в свейскую границу, и разбил ругозенскую, и гиппонскую, и смерскую, и керисурскую, заставы... по скаске казыков которых взял конницы швецкой оубито 50 ч[е]л[о]век, пехоты 400 ч[е]л[о]век; оушло их конницы 50, пехоты 100 человек, а из попова войска толко ранено два человека»¹³⁷.

«Ведомость» выходила не совсем регулярно: обычно на второй или третий день по приходе заграничной почты. Большого распространения газета не могла иметь, а, следовательно, и не могла влиять на общественное мнение; но факт ее возникновения очень характерен для Петра, который всячески старался поделиться с обществом своими мыслями, привлечь его внимание к событиям, вызвать общественное мнение и сообщить ему желательное направление.

По впечатлениям русских путешественников западноевропейский театр выглядел своеобразной диковиной. В бытность свою в Париже Пётр часто посещал театр и даже сделал подношение знаменитому артисту Барону: подарил ему шпагу. Да и в семье Петра, несомненно, были живы воспоминания о «прохладных комедиях» времени «тишайшего». Все это, конечно, не могло не обратить внимания Петра на театр; но и на театр он посмотрел обычным для него взглядом, усматривая сущность культурного явления и оценивая прикладные силы. Как смотрел Пётр на театр видно из тех заданий, какие он дал выписанной из-за границы труппе актеров. Прежде всего, для него театр был серьезное и «общепольное» учреждение: «директору Е.Ц.В. гоф-комедиантов», Куншту с его труппой было положено жалование в год 5 тысяч ефимков, да построенная на Красной площади «комедиальная хоромина» стоила более тысячи рублей, да освобождение «проезжих и всякого чина людей от проезжей указанной пошрины» два раза в неделю во время представлений чего-нибудь да стоило казне; а Пётр на «бездельное» бросаться деньгами не любил. Чтобы стать общепольным, театр Петра был объявлен «все-народным» – общедоступным – и в этом разница его от придворного театра царя Алексея и от школьных представлений академии и ростовской школы Дмитрия Ростовского. «Проезжая пошрина» не бралась, «чтобы смотрящие того действия ездили в комедию охотно»¹³⁸. Пётр требовал, чтобы театр реальной драмой и комедией, не переходящей в «Арлекино», воспитывал бы в людях художественное чувство. Ф. Берхгольц рассказывает, что в его время «император приказал сыграть такую пьесу, которая была бы только из трех актов и притом без любовной интриги, не очень печальная и не очень серьезная, и вместе с тем не забавная. За ней должна быть представлена комедия: «Von den armen jungen», т. е. «Georges Dandin». Вебер рассказывает, что Пётр назначал премию актерам, если они представят что-нибудь порядочное, пьесу трогательную, но без любви, всюду вклеиваемой, которая ему надоела, и веселый фарс без шутовства, и не будут игру свою сопровождать крикливыми жестами и напыщенной декламацией.

Вместе с тем, от театра Пётр требовал художественного служения делу реформы, изображения в пьесах успехов русского оружия, уяснения смысла реформы, заклеимения ее врагов. Это видно из пьес, разыгранных по случаю победы над шведами. Так, при вступлении Петра в Москву после Полтавской битвы в театре была разыграна написанная Кунштом греческая драма: «Александр Македонский и Дарий» с намеками на события при Полтаве. Сестра Петра, Наталья Алексеевна, из всей семьи самая близкая ему по духу, проникнувшись преобразовательными замыслами своего царственного брата, в написанных ею трагедиях и комедиях чаще всего затрагивала события современности. По словам Вебера, брауншвейгского рези-

¹³⁶ Там же, стр. 4

¹³⁷ Там же, стр. 3-4.

¹³⁸ Игнатов С.С. Начало русского театра и театр петровской эпохи. Москва, Театр. отд. Нар. ком. по прос., 1920, стр. 23.

дента, «царевна Наталья... устроила представление одной трагедии, на которое дозволялось приходить всякому. Для этой цели она приказала приготовить большой пустой дом и разделить его на ложи и партер. Десять актеров и актрис были все природные Русские... Сама царевна написала драму и комедию на Русском языке, взяв содержание их частью из Библии, частью из светских происшествий. В забавной пьесе появлялись в перемешку то арлекин, то обер-офицер, а под конец вышел оратор, объяснивший историю представленного действия и обрисовавший в заключении гнусность возмущения и бедственный всегда исход онаго»¹³⁹. Как уверяли Вебера, «во всем этом драматическом представлении, под вымышленными именами, представлялось одно из последних возмущений». Не без намека на события русско-шведской войны была возобновлена, по приказу царя, трагедия из репертуара царя Алексея: «Божие унижение гордых, в гордом Израиля унижитель, чрез смиренного Давида и униженном Галиафе» и вновь поставлено «праведное [Божие] в отца-ругателя Авесолома наказание» с намеками на разлад Петра с сыном Алексеем.

К такой же категории театральных заданий времени Петра относилась попытка «учить людей, изображая нравы». В «интерлюдиях», разыгрывавшихся студентами академии, выводились «гансвурсты» в русском облике раскольников, взяточников, подьячих, мракобесов из «учительного класса».

Но все это были отдельные попытки осуществить замыслы Петра на сцене – попытки, при этом успешно выполняемые на сцене придворного театра царевны Натальи Алексеевны и школьного театра академии, которые не могли быть «всенародными», по своему специальному характеру; всенародный же театр Куншта так и не смог справиться с заданиями Петра, по вполне понятным причинам. Немецкие артисты, не зная русского языка и русских нравов, не могли проникнуться бытовым содержанием русской жизни и материал для своей игры вынуждены были брать не из русской действительности, а из готового репертуара немецкого театра, о котором граф Бассевич дает следующий отзыв: «в Германский... языку очень богатому и звучному... но в то время он [театр] был не более как сбор плоских фарсов, так что кое-какие наивные черты и острые сатирические намеки совершенно исчезали в бездне грубых выходов, чудовищных трагедий, нелепаго смешения романических и изысканных чувств, высказываемых королями или рыцарями, и шутовских проделок какого-нибудь Jean-Potage, их наперсника»¹⁴⁰. Из пьес подобного репертуара и склеивал Куншт свои героические представления на события дня. Кроме того, составленные на немецком языке пьесы приходилось переводить на русский все тем же приказным переводчикам Посольского приказа, которым были чужды и

¹³⁹ Русский архив. №7-8. 1872. Записки Вебера. С. 1424. Вебер с насмешливостью расценивал русские начинания: «Царевна Наталья, еще до отъезда царя, устроила представление одной трагедии, на которое дозволялось приходить всякому. Для этой цели она приказала приготовить большой пустой дом и разделить его на ложи и партер. Десять актеров и актрис были все природные Русские, никогда не бывавшие за границей, и потому легко себе представить, каково было их искусство. Сама царевна написала драму и комедию на Русском языке, взяв содержание их частью из Библии, частью из светских происшествий. В забавной пьесе появлялись в перемешку то арлекин, то обер-офицер, а под конец вышел оратор, объяснивший историю представленного действия и обрисовавший в заключении гнусность возмущения и бедственный всегда исход онаго. Как уверяли меня, во всем этом драматическом представлении, под вымышленными именами, представлялось одно из последних возмущений в России. Шестнадцать музыкантов, состоявшие при этом зрелище, были все чисто Русские и играли, как и все другие артисты, без всякого искусства. Несколько офицеров заверяли меня и ежедневные наблюдения подтвердили мне эти уверения, что Русским, как науки, так и музыку, нужно вбивать и преподавать батогами (при чем провинившийся должен лечь на землю, и его бьют шпицрутенами), без чего они ничего усвоить себе не могут. Если у генерала остался какой-нибудь молодой парень, или уже и пожилой, которого нужно обучить полковой музыке, то такого, хотя бы он никогда не слыхивал никакой музыки и не имел к ней ни малейшей способности, отдают на известное время учителю, для первоначального обучения Евангельскому пенью, которое составляет их обычное пенье, менуэтам (Menuet) и проч; если же учащийся в это время ничего не успел, то его бьют батогами, ради исправления, до тех пор и так часто, пока он не научится и не станет играть. Также поступают они и во всех других делах своих и даже в военных упражнениях».

¹⁴⁰ Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича... Пер. с фр. И.Ф. Аммона. Москва, тип. Грачева и Комп., 1866, стр. 152-153.

театральная среда, и театральная терминология. Немудрено, что переводимые ими пьесы возбуждали смех там, где автор хотел вызвать у зрителя совсем иные переживания.

Несмотря на все это, театр Куншта вначале собирал полные залы зрителей, самой пестрой московской публики; недаром билеты того времени были «вне конкуренции»: билеты первого разряда стоили гривну, второго – 2 алтына, третьего – 5 копеек и последнего – алтын. По словам голштинского министра Бассевича, человеку «порядочному» не было смысла посещать этот «варварский» театр, «посещаемый поэтому только простым народом и вообще людьми низкаго звания. Дрaму обыкновенно разделяли на двенадцать действий... а в антрактах представляли шутовские интермедии, в которых не скупилась на пощечины и палочные удары»¹⁴¹.

«Император, вкус которого во всех искусствах, даже в тех, к которым у него вовсе не было расположения, – передает Бассевич, – отличался верностью и точностью, пообещал однажды награду комедиантам, если они сочинят пиесу, трогательную, без этой любви, всюду вклеиваемой, которая ему уже надоела, и веселый фарс без шутовства. Разумеется, они плохо выполнили эту задачу, но чтоб их поощрить, государь велел выдать им обещанную сумму»¹⁴².

Постепенно Пётр и публика заметно охладели к «стараниям» «директора гоф-комедиантов», который, захвативши жалованье, предназначенное труппе, бежал за границу. Через четыре года своего существования «храмина» была разобрана, и декорации ее куплены с аукциона придворным театром Натальи Алексеевны. Здесь, да еще в духовных школах и хирургической академии продолжал теплиться жертвенник Диониса. Дело народного театра не удалось, но театральное семя было брошено на русскую почву и дало пышные ростки уже в 40-х годах XVIII в.

Следует отметить одно интересное событие в жизни Санкт-Петербурга, которое Петром не могло не рассматриваться как культурно-познавательное мероприятие и даже было отмечено в Ведомостях. В 1713 г. персидский шах Хуссейн сделал русскому царю ценный и необычный подарок в виде слона. Историк А.П. Башуцкий в описании Санкт-Петербурга пишет об этом событии: «В день славной Полтавской победы, празднованной по обыкновению молебствием, пушечною пальбою и фейерверком, происходил церемониальный приезд на флоте в столицу Персидского Посла, привезшего Царю между прочими подарками от Шаха, львов, тигров и большого слона. Шествие сего последнего, явление в России редкое и едва ли не совершенно новое, до того изумило языческие народы, обитавшие в нынешней Астраханской губернии, где его проводили, что они воздавали ему божеские почести, и следовали за ним по несколько вёрст. Звери были помещены в сарае, или зверовом доме, нарочно для них построенном, на площади между Почтовым Двором и Летним садом; на содержание их отпускалась от Двора особая сумма. / Содержание и прислуга одного слона, так же как корм его, состоящий из риса, изюму, вина и проч., обходились по пятнадцати рублей в день. По причине холодного, сыраго Петербургскаго климата, слон жил недолго, кожа его, тщательно сохраненная и набитая, поставлена в Кунст-Камеру, где находится поныне. Вожатые сего слона имели обыкновение по большим праздникам и торжественным дням убирать его великолепным образом, и водить для поздравления к знатным особам, чем составляли себе немалый доход»¹⁴³.

Слона с большим трудом доставили до Санкт-Петербурга, сначала на паруснике в Астрахань, а оттуда он прошел через всю Россию до самой столицы. Для того, чтобы слон не повредил себе ноги за такой длительный переход, для него сшили специальные шлепанцы, кожаные башмаки, требовавшие постоянного ремонта и тем самым обогатившие его проводников. В Санкт-Петербурге слона разместили на сооруженном специально для этого «Зверовом дворе» у Почтамта (теперь здесь Мраморный дворец у Марсово поля). Его сопровождали два «зве-

¹⁴¹ Там же, стр. 152.

¹⁴² Там же, стр. 153.

¹⁴³ Башуцкий А.П. Панорама С.Петербурга. Часть I. СПб, тип. Вдовы Плюшара с Сыном, 1834, стр. 112-113.

ровщика» и «слоновый учитель». Жили «слоновые мастера» – персы в построенных для них домах. Место, где они жили, получило название «Караван-Сарай» (отсюда происходит название Караванной улицы). Когда слона водили по Перспективной улице (Невскому проспекту), посмотреть на него собиралось много народу и нередко зрители (по сообщению источников, солдаты гвардейских полков) были слишком докучливы: «бранились "скверными словами" и бросали и в жожаков, и в самого слона камнями и палками, и даже не раз били "слоновщика" Ага-Садыка»¹⁴⁴. В результате появился приказ городских властей «О учинении публикации во всем Петербурге и об объявлении обывателям с подпискою, о неучении помешательства слоновщику в провожании слона»¹⁴⁵.

Первый слон прожил в Санкт-Петербурге всего три года и умер, очевидно, из-за несоответствия необходимых условий существования. Генерал-лейтенант Н.И. Кутепов, отвечающий в царствование Александра III за организацию придворной охоты, составил многотомный очерк «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси», где приводит сообщение следующего порядка: «Когда этот слон, поражавших всех своей величиною, пал, то персидский шах прислал в Петербург, в 1723 г., другого слона, которого поместили в том же домике, где находился первый. Берггольц видел обоих слонов и говорит, что присланный в 1723 г. был гораздо меньше первого, которого он осматривал в 1713 г., но зато был очень хорошо приручен, брал хлеб из рук и "охотно играл с приставленными к нему людьми, поднимая их хоботом высоко от земли"»¹⁴⁶. Со смертью первого слона «Зверовой двор» не пустовал: его обитателями были львы, леопард, дикобраз, обезьяны, белые и бурые медведи.

Следуя примеру западного устройства, другим важным культурным нововведением Петра стало появление с 1717 г. в Санкт-Петербурге ассамблеи – собраний для разностороннего общения. (Существуют сведения, что первые организованные увеселительные мероприятия состоялись в 1714 г. Причем, Пётр привлекал к подобному мероприятию даже монашество). 26 ноября 1718 г. Пётр издал специальный указ: «Ассамблеи слово Французское, которого на Русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать: вольное, в котором доме собрание или съезд делается не для только забавы, но и для дела; ибо тут может друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается, притом же и забава»¹⁴⁷. В зимнее время ассамблеи проходили по вечерам в домах богатых и знатных господ. Гостей здесь не встречали и не провожали. Молодежь танцевала и развлекалась. Взрослые говорили на свои темы. В летнее время Пётр I нередко устраивал ассамблеи в Летнем саду. Широко известные в России выражения «штрафная» и «пей до дна» начались как раз на этих ассамблеях. Именно тогда опоздавшему стали подносить «штрафной» кубок вина, который он должен был выпить «до дна».

Пётр I всячески помогал развитию научно-технических знаний, а также тех областей науки, которые имели практический интерес для становления русской промышленности, например, как освоение природных ресурсов. Покорение Сибири привело к буму новых экспедиций на Восток. Русские люди появились на Камчатке и на Курилах. Уже после смерти Петра посланная им камчатская экспедиция под началом капитана Витуса Беринга, достигла берегов Аляски, открыл пролив между Азией и Америкой (позже названной его именем).

Любопытные сведения сохранились о том, как при поддержке Петра I русский плотник-изобретатель Ефим Никонов, крестьянин села Покровское, взялся соорудить подводную лодку. 31 января 1720 г. Пётр дал указание: «Крестьянина Ефима Никонова отослать в контору

¹⁴⁴ Карнович Е.П. Исторические рассказы и бытовые очерки. СПб., тип. А.С. Суворина, 1884, стр. 321.

¹⁴⁵ Там же, стр. 321.

¹⁴⁶ Имперская охота на Руси. Том III. Исторический очерк Николая Кутепова. Конец XVII и XVIII век. СПб, Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг, 1902, стр. 194 (в кавычках взята цитата у Берггольца).

¹⁴⁷ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том V. 1713-1719. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №3246, стр. 598.

генерал-майора Головина и велеть образцовое судно делать, а что к тому делу надобно лесов и мастеровых людей по требованию онаго крестьянина Никонова отправлять из помянутой конторы, а припасы и по его ж требованию из конторы адмиралтейских дел денежное жалованье с начатия его работы давать по 3 алтына 2 деньги на день и ныне в зачет выдать 5 рублей»¹⁴⁸.

«Потаенное судно» Никонова было сооружено из дерева в форме бочки, имело размеры шесть метров длинной и полтора-два шириной. Подлодка работала на весельной тяге и весь экипаж состоял из четырех человек. На лодке были установлены «огнеметные медные трубы». Подводная лодка должна была подойти к вражескому судну, выставить концы огнеметной трубы из воды, поджечь и взорвать вражеский корабль.

Первое испытание подводной лодки было проведено весной 1724 г. недалеко от Санкт-Петербурга, на озере Разлив, в присутствии самого Петра I. Испытание прошло неудачно, судно ударилось о дно озера и дало течь. Судно подняли, никто не пострадал, а Пётр, приободряя изобретателя, велел укрепить корпус лодки железными обручами, чиновникам же наказал, чтобы «никто конфуз в вину не ставил» по отношению к Никонову.

Между тем здоровье Петра I ухудшилось. Он стал реже посещать Никонова, чем и не преминули воспользоваться недоброжелатели. В адрес Никонова посыпались обвинения в перерасходе материалов и средств, а также требования ограничить затраты на строительство и его сроки.

После смерти Петра I испытания лодки продолжились, но без видимых успехов, несмотря на это 29 декабря 1726 г. Екатерина I велела продолжить работы над «потаенным судном»: «... оную модель освидетельствовать от прошедшей прибыли большой воды не имеется ль какого повреждения; буде же повреждение имеется, то починить и совсем исправить чтоб для апробации к будущей весне была совсем в готовности, а когда вскроется вода, то о пробе доложить коллегии»¹⁴⁹.

Конечно, сделанное на глазок судно не могло дать никаких действенных результатов, и после смерти Екатерины I, которая еще старалась быть в духе Петра I и способствовать подобным рода начинаниям, члены Адмиралтейств-коллегии решили прекратить дело. 29 января 1728 г. последовало распоряжение Адмиралтейств-коллегии: «...поданным своим прошлом 718 году блаженные и вечныя достойныя памяти Е. И. В. прошением объявил что сделал такое судно: когда на море будет тишина и оным судном будет ходить в воде потаенно и будет разбивать корабли, а по подаче того своего прошения чрез десять лет не токмо такого судна, ниже модели к тому делу действительно сделать мог, которое хотя и строил и адмиралтейских припасов и адмиралтейскими служителями и на строение тех судов употреблена из адмиралтейских доходов не малая сумма, но она по пробам явилась весьма не действительна, того ради его Никонова за те его не действительныя строения и за издержку не малой на то суммы определить в адмиралтейские работники и для того отправить его в астраханское адмиралтейство с прочими отправляющимися туда морскими и адмиралтейскими служителями под караулом...»¹⁵⁰

В 1700 г. Пётр I осуществил реформу календаря на западный манер, затронувшую два вопроса времяисчисления: эру и начало года. До этого счет времени в России производился по «мировой эре», принятой в Византии.

С 1700 г. в России была введена христианская эра, принятая в странах Западной Европы, ведущая счет лет от рождения Иисуса Христа. Указ Петра I от 20 декабря 1699 г. устанавливал, что с 1 января 7208 г. должно считаться 1 января 1700 г. (РПЦ пользовалась византийским летоисчислением, по которому сотворение мира произошло 5508 лет до н.э. Византийская эра

¹⁴⁸ Материалы для истории Русского флота. Часть IV. СПб, тип. Морского Министерства, 1867, стр. 401.

¹⁴⁹ Материалы для истории Русского флота. Часть V. СПб, тип. Морского Министерства, 1875, стр. 375.

¹⁵⁰ Там же, стр. 591-592.

с Юлианским календарем была принята на Никейском соборе в 325 г. за основу христианского летоисчисления). Этот же указ определял начало гражданского года с 1 января.

Начало нового года считается днем обрезания младенца Иисуса Христа, т. е. посвящение Его Богу и наречением имени. Происхождение праздника Рождества И.Х. с 24 на 25 декабря связано с укоренившимся в народе празднованием 24 числа, так называемого поворота солнца на прибавление дня, т. е. языческого для солнца. Заменяя главный языческий праздник празднованием Рождества, подразумевалось, что произойдет искоренение в народе поклонение старым культам.

Введение в России общепринятой эры и январского нового дня облегчало торговые, культурные и научные связи. Пётр I понимал большое прогрессивное значение установлением в России счета времени, одинаково со счетом, употреблявшимся во многих странах Европы: «во многих европейских христианских странах, но и в народах славянских... лета свои считают от Рождества Христова осьмь дней спустя, то есть Генваря с 1 числа, а не от создания мира...»¹⁵¹ – указывалось во вступительной части указа 20 декабря 1699 г. Этим же указом постановлялось: «А в знак того доброго начинания и новаго столетнаго века в царствующем граде Москве, после должнаго благодарения к Богу и молебнаго пения в церкви и кому случиться и в дому своем, по большим и проезжим знатным улицам знатным людям и у домов нарочитых духовнаго и мирскаго чина перед воротами учинить некоторыя украшения от дров и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых... Да Генваря ж в 1 день, в знак веселия, друг друга поздравляя Новым годом и столетним веком, учинить... трожды стрельбу и выпустить несколько ракетов, сколько у кого случиться, и по улицам большим, где пространство есть, Генваря с 1 по 7 число по ночам огни зажигать...»¹⁵²

В Западной Европе зеленая атрибутика (ставшая елью) использовалась для празднования Рождества, а перенесение этой символики на Новый год было лишь последствием празднования основного события. Пётр же понимал, что для Русской православной церкви принятие западной атрибутики празднования Рождества Христова будет кощунством высшей степени. Поэтому в данном вопросе он поступает половинчато: православное празднование остается православным, но светский Новый год меняется и календарно, и визуально.

Произведя реформу календаря и приняв в праздновании Нового года зеленую атрибутику, внешне получилось, как на Западе, но по смыслу для здравомыслящего человека совершенно не понятно какое отношение имеет круглогодичная зеленая растительность к празднику Нового года?

Еще с древних времен у многих народов и, особенно, у германцев почитание ели было символом торжества над холодом, смертью, злыми духами, средством, защищающим родной очаг. С приходом христианства, а затем реформации, протестантские немецкие общины переняли и вновь возродили этот символ победы над смертью, но уже в христианской интерпретации. Хотя, честно говоря, можно поставить под сомнение удачности подобного символа в христианстве в том понимании, что дерево сбрасывает иголки, вместо которых появляются новые. (В действительности, поскольку дерево растет, иголок появляется больше, чем было ранее, что отвергает процесс омоложения елки). Подобная картина является формой омоложения, а не спасения. Кроме того, вечнозеленый типаж ели можно отнести к вечности, но вечным себя считает и природа целостности, дьявол-гармония. С таким же успехом, например, можно сделать символом христианства славянский знак солнцеворота, как новое рождение в новую жизнь. Поэтому немудрено, что даже в прогрессивных странах христианство с символикой ели порой удивляет проявлениями коверкания христианских принципов и возбуждениями языческого

¹⁵¹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том III. 1689-1699. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №1736, стр. 681.

¹⁵² Там же, стр. 681.

рвения. К примеру, непосредственно сам «Капитал» К. Маркса стал выражением иллюзорной приблизительности как бы елочной особенности по взаимокompенсированию частей, одни умирают, другие появляются, т. е. «Капитал» это политико-экономическое воплощение ложного мировоззрения естественного круговорота природы, которое в действительности создается лишь при определенном условии – сильном энергетическом воздействии из вне. Сюда же можно добавить про особенную «догадливость» евреев, утверждающих об истинных отношениях с Богом (и вечно ищущих дарованный Богом мир), но сделавшие своим государственным символом древний языческий знак обновления природы, т. е. ее омоложение.

В России дух мистической старины действует сильнее и потому то, что в цивилизованных странах было сокрыто внутри, здесь это снаружи, – символ торжества над смертью стал символом смены канцелярского периода, да еще с присовокуплением в дальнейшем сказочных персонажей деда Мороза и Снегурочки – сказка перебивающая реальность. В итоге в современной России новогодняя ель, по правде говоря, больше олицетворяет единение с природой, в модном белом налете, или вообще полностью белые, появившееся в последнее время, чистоту природы, чем христианский символ единения с Богом, сильнее проявляет склонность к процессу омоложения фактором взаимокompенсирования, выступает символом мертвой ледяной глыбы мира идеальности Снежной королевы, а сам праздник Нового года стал духовным символом победы идеалов светскости.

Приняв новую эру в летоисчислении, Пётр I сохранил юлианский календарь, согласно которому продолжительность года принималась 365 суток и 6 часов. Вскоре за этим наступили перемены в счете часов. Раньше сутки делились от утра и до вечера. Пётр ввел западное деление – с полудня до полуночи. После чего все часы в России стали переделываться. После смерти Петра I его указ, касающийся вечнозеленых растений, был позабыт, распространенным новогодним атрибутом елка стала лишь веком позже, начиная с 1840 г.

Еще при жизни короля Пруссии Фридриха I, Пётр I в одном из своих визитов в Берлин, осматривал готовые панели для янтарной галереи. Российский император не скрывал своего восхищения и желания иметь подобное уникальное творение у себя на родине. Наследник первого Прусского короля Фридрих-Вильгельм I, вошедший в историю прозвищем «фельдфебель на троне», ввел строгую дисциплину, ориентированную на практическую пользу, и прекратил все дорогостоящие работы во дворцах отца. При встрече с Петром I в ноябре 1716 г. в связи с заключением союза между Россией и Пруссией, Прусский король преподнес Российскому императору подарки: яхту «Либурика» и Янтарный кабинет. Пётр I писал тогда императрице Екатерине: «К. [король] подарил меня изрядным презентом – яхтою, которая в Посаде зело убраная, и кап(б)инетом ентарным, о чем давно желали»¹⁵³. Через два года русский император послал Фридриху-Вильгельму ответный подарок – 55 гренадер исполинского роста и собственноручно исполненный кубок из слоновой кости. Прусский король был очень доволен. В новой российской столице ценный груз принял губернатор А. Меншиков. Собрать кабинет согласно инструкции не смогли, поскольку многих деталей не хватало, и разочарованный Пётр I отправил его в «людские покои» Летнего дворца, где он пролежал невостребованным долгие годы. Вошедшая на трон новая императрица Елизавета Петровна пригласила итальянского мастера «исправить» кабинет, а в 1745 г. императрица получила от Фридриха II в дар 4-ю раму с аллегориями, прославлявшими Елизавету. Собранный, наконец, в Третьем Зимнем дворце в 1746 г. Янтарный кабинет стал местом официальных приемов, хотя впоследствии его не раз переносили с места на место.

¹⁵³ Письма Русских государей и других особ царского семейства. I. Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. Москва, тип. Сергея Орлова, 1861, стр. 50.

Для того чтобы дать более объективную оценку деятельности Петра I и в целом России его периода, следует задаться вопросом: а можно ли было решить насущные проблемы с меньшими издержками, не за счет усиления крепостничества и самодержавия деспотического типа, а развития демократического общества (христианского направления) и капиталистических отношений? Ответ на этот вопрос продемонстрировала сама мировая история, когда даже намного меньше и по размерам, и по природным богатствам государства, и также ведя войны, развивались более капиталистическим и более разумным по отношению к низшим сословиям путем. Поэтому вся причина такого развития России состояла только во внутренней идее ее системы, постоянно создавая тем, провоцируя ситуации невозможности как бы по объективным причинам более мягких отношений в государстве. Как, например, потребности страны в преодолении крайне неблагоприятного международного положения (смея ради, еще в 1667 г. русские дипломаты вынуждены были доказывать европейцам, что Россия посылает Крымскому хану не дань, а «любительские подарки»!), в морских путях, необходимых для развития товарно-денежных отношений, неизбежно подталкивали к войне, а та, в свою очередь – к максимальной централизации власти и мобилизации всех ресурсов. Отсюда как бы и «государственно-крепостнический» характер многих реформ и их радикализм. С точки зрения внутренних условий, российские традиции крепостничества, самодержавие (которых не было в Западной Европе), несформированность капиталистических отношений и их социальных носителей тоже являлось объективным предлогом как бы невозможности буржуазного развития. (В истории русских людей ярко выражена особенность маятникового движения – если они оказываются перед тупиком, то способны быстро перестроиться, следует только вспомнить реформы Александра II и президента Б. Ельцина, но вслед за этим страна вновь скатывается к традиционному для себя т. с. более гармоничным отношениям). К тому же, не стоит забывать, что почти вся Европа, исключая Голландию и Англию, в XVIII в. еще не расстались с феодализмом, пусть гораздо более мягким и предрасположенным к капиталистической эволюции, чем российский.

Личность Петра и его преобразований, в отечественной истории стала символом решительного реформаторства, плодотворности использования достижений Запада и беззаветного, не щадящего ни себя, ни других, служения Российскому государству. В памяти потомков Пётр I практически единственный из царей до наших дней сохранил дарованный ему при жизни титул Великого. Но политика Петра I была нацелена на превращение России в великую европейскую державу путем догонки модернизирующуюся Западную Европу. Создав сильную армию и обеспечивающий ее военно-промышленный комплекс, внедрив организационно-технические формы и основы европейского образования, Пётр сделал Россию великой с точки зрения военного могущества. Это могущество, как известно, основывалось в первую очередь на ужесточении крепостничества, огосударствлении всей жизни своих подданных. Вместо модернизации мозгов в России осуществлялся процесс вестернизации, т. е. перенимались только внешние формы европейской жизни. Россия полностью превратилась в общество мобилизационного типа, – мобилизационных монастырских послушников.

С.М. Соловьев так характеризует деятельность Петра I: «Время переворотов есть время тяжкое для народов: такова была и эпоха преобразования. Жалобы на тягости великия слышались со всех сторон, – и не напрасно. Русский человек не знал покоя... Предписание за предписанием... Но это одна сторона, есть другая. Народ проходил трудную школу. Строгий учитель не щадил наказаний ленивым и нарушителям уставов; но дело не ограничилось одними угрозами и наказаниями. Народ действительно учится... Вся система Петра была направлена против главных зол, которыми страдала древняя Россия: против разрозненности сил, непривычки к общему делу, против отсутствия самодеятельности, отсудив способности начинать дело... Историк не позволит себе утверждать, что не было никакого вреда в этой всесторонности преобразования: вред был необходимо, вследствие неприготовленности средств к всестороннему

преобразованию, неприготовленности как в руководимых, так и в руководителях, начиная с главного руководителя, самого Петра, в котором, при всем уважении к его гению, мы должны видеть человека, существо, ограниченное в своих средствах. Но мы должны признать, что Россия в описываемое время послан был человек, способный из двух зол выбрать гораздо меньшее, именно преобразование всестороннее и деятельное, которое не поставило Русского человека только в положение ученика относительно Западной Европы, но в тоже время поставило его в положение взрослого... На исторической сцене явился народ малоизвестный, бедный, слабый, не принимавший участие в общей европейской жизни; невероятными усилиями, страшными жертвованиями он дал законность своим требованиям, явился народом могущественным, но без завоевательных стремлений...»¹⁵⁴

Если обобщить эту характеристику Петра I, то мысль историка в том, что реформы требуют жертв, а большие – больших. Многословная лирика, восхвалявшая Петра I, подводит к идее подвига, – «никогда ни один народ не совершал такого подвига, какой был совершен Русским народом в первой четверти XVIII века»¹⁵⁵, – и соответственно, победы над врагом (которое кроется в нежелании перенимать западное, что в действительности основу имеет в более заботливом отношении к человеку, а оно уже является фактором всеобщего развития), и потому, все не зря.

В.О. Ключевским дана другая оценка противоречивой личности Петра I: «Противоречия, в какие он поставил свое дело, ошибки и колебания, подчас сменявшиеся малообдуманной решимостью, слабость гражданского чувства, бесчеловечные жестокости, от которых он не умел воздержаться, и рядом с этим беззаветная любовь к отечеству, непоколебимая преданность своему делу, широкий и светлый взгляд на свои задачи, смелые планы, задуманные с творческой чуткостью и проведенные с беспримерной энергией, наконец, успехи, достигнутые невероятными жертвами народа и великими усилиями преобразователя, – столь разнородные черты трудно укладываются в цельный образ. Преобладание света или тени во впечатлении изучающего вызывало одностороннюю хвалу или одностороннее порицание, и порицание напрашивалось тем настойчивее, что и благотворные деяния совершались с отталкивающим насилием. Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века [уже три] и доселе неразрешенная...»¹⁵⁶

Лучше сказать – не придумаешь. Вся загвоздка России в том, что ей, в догонке Запада, требуется идти вперед, вместе с тем оставаясь верной древней традиции своего твердого стояния на месте. Петр не стал исключением этого положения, он строить новую Россию на старом основании.

Столичная Москва была хорошим местом и символом для аборигенов Руси по поддержанию своим невежеством мистических связей с небесными силами. Но ее территориальная удаленность от настоящей древней Руси, от главного места расположения мистических сил и их воздействия все же делали ее главенствующее положение временным. Мистическая Русь тянуло смещение политического центра страны дальше на север.

¹⁵⁴ Соловьев М.С. История России с древнейших времен. Книга третья. Том XI-XV. Второе издание. СПб, Общественная польза, 1896, стр. 851-856.

¹⁵⁵ Там же, стр. 856.

¹⁵⁶ Ключевский В.О. Сочинение в 9-ти томах. Т. IV. Курс русской истории. Под ред. В.Л. Янина. Послесл. и ком. В.А. Александров и В.Г. Зимин. Москва, Мысль, 1989, стр. 203.

Побывав за границей и воочию увидев мир Запада, технический, культурный, порой диковинный, Пётр I задался целью сотворить у себя в стране нечто подобное, построить особенный город, который вобрал бы в себя все диковинные стороны видимых им городов Западной Европы, а именно, из Венеции и Амстердама – нахождение на воде, а также строение столиц Европы, берущие свое начало в античной архитектуре величественного Рима. Место для петровской задумки, как нельзя лучше, подошло и стало устье Невы: обилие воды, острова, весеннее половодье с затоплением части суши вызывали восторг у Петра; удобное месторасположение в плане сообщения и, следовательно, сближения с передовыми европейскими державами (тогда как ориентироваться на южное направление значило политически искать вчерашний день). Самый удобный на тот период времени водный путь через Балтику Россию соединял со Швецией, которая на тот момент стала чуть ли не империей, сделав Балтику своим внутренним морем, а также с более культурной Польшей, германскими землями, с новаторскими передовыми взглядами ее населения, Англия, Франция – это те европейские гиганты, с которыми Пётр хотел иметь, как минимум, торговые сообщения, и кроме которых в Европе было много других государств, заслуживающих внимания русского царя, а вместе с тем, и не без демонстрации всей Европе своей силы возведением города диковинного и в то же время величественного образа, сразу как столицы государства, на территории только что находившейся под властью Швеции. Все это, несомненно, те политические плюсы, которые Петром I реализовались при основании северной столицы, но этим, однако, не исчерпывается ее роль в государстве Россия, роль, которую даже не осознавал сам ее «строитель».

Даже в настоящее время в монашеской среде сохраняется благоговение перед севером, передающееся из поколения в поколение. Так, например, патриарх Никон повелел высечь для себя гробницу и установить ее в соборе Воскресенского монастыря в Новом Иерусалиме из камня, найденного на Белом море. Пётр I по своим делам дважды посещал Соловецкую обитель, в 1694 г. и 1702 г. На берегу близ пристани рядом с монастырем он поставил часовню, а на соседнем Большом Заяцком острове, где нет ни единой человеческой души, но находится самый большой лабиринт, повелел соорудить деревянный храм. Сделано это было царем для того, чтобы принять личное участие в освящении этих древних мест истории человечества. Представлял ли Пётр ту масштабность, которая кроется за этими лабиринтами, и до каких территорий доходят их владения мистической древности, как и масштабность духовной роли города, возведенного им в центре земель древней мистической Руси, на берегах Невы, завершив длительное историческое движение политического центра Руси, с юга на север, – прикавказская (казацкая) Русь, крещенная апостолом Андреем, затем Киевская, Владимирская, Литовская, Московская и, наконец, Санкт-Петербургская – и что эти два фактора последней столицы, мистицизм и христианство, в последующей истории выступают антагонистами друг друга.

Интересно совпадение, далеко не случайное, которое произошло в основании Санкт-Петербурга, а именно то, что петровская история города начиналась с острова Заячий, на котором была построена крепость Санкт-Петербург, позже получившая название Петропавловская.

По предположению на острове водилось много зайцев. Однако куда вернее следует допустить, что здесь находилось нечто связанное с мировоззрением древних людей и, соответственно, их деятельностью в этом отношении. Речь вообще идет об острове, представляющийся культовой картиной независимости, свободы, а в свободе – фактор возвышения, устойчивость. Можно предположить, что остров был символическим выражением Бытия, и соответственно, являлся местом связью с «Небесами». В условиях свободы фундаментом находится мировоззрение о всеобщем рождении-обновлении, которое является толчком-скачком к всестороннему и всеобщему процветанию, и природном кругообороте-перевоплощении, т. е., как подмечалось в 1 книге – «принцип эволюции природы всеобщего круговорота». Позицию рождения как нельзя лучше выражают зайцы, с их огромной плодовитостью. И таким

образом, зайцы символично олицетворяли принцип скачка в светлое будущее, или говоря приземленно, являлись символами состояния богатой стабильности, процветания. Поэтому на острове проводились культовые ритуалы вхождения в связь с «Небесами» для защиты данной местности, соответственно, осуществлялись жертвоприношения в честь бога Плодородия, соответственно, зайцами, вследствие чего здесь было большое скопление жертвенных зайцев, которые вполне возможно убегали от людей и от того на острове было вообще множество зайцев. Таким образом, Заячий остров в утверждении принципа целостности мира и его самообновления-самостояния стал вровень с символами древнего мира солнце-лунно-фаллической направленности, одним из которых собственно в свое время стало название Москва. И точно так же, как Москва, Заячий, приобретением столичного могущества, начал распространять свое влияние. Заложенный фундаментом в строительстве города, тем более в центре земель северного превосходства, название Заячий стало сильнее притягивать действие магических сил по воздействию на обитавших здесь и впадение тех в грубое язычество, т. е. принцип эволюционизма – всеобщей справедливости, равноправия, соответственно, прогресс через задний ход, процветание через выживаемость.

Таким образом, если брать языческую составляющую возведенного города, то он стал центром-храмом культуры(-толерантности), науки и различных искусств, – мистического обновления системы «Целостность».

С другой стороны, противоречивостью построенного города, ударом для мистических сил, выразилась в его названии – Санкт-Петербург, т. е. город духовной крепости святого Петра, провозглашения Христа. Этим названием Пётр I заключил духовный союз с Богом-Творцом об особом попечительстве обоих – Бога о городе, города о благовестовании, что собою явилось превращением города в храм Бога-Творца, а вместе с тем и освещением территорий древней Руси и всего государства. Таким образом, построенный на берегах Невы город вобрал в себя две противоположности – мистическое поклонение и приобщение к древней руси, с ее мировоззрениями гармонии бытия, сама себя преобразующая, и идею благовестования о Боге-Творце, неразрывной связи с Ним.

Однако, кроме этого, следует также учесть еще один немаловажный факт. Апостол Пётр был евреем, относился к первой иерусалимской церковной общине, которая имела сильные прокоммунистические взгляды. Таким образом, дух отступничества с красивыми с виду идеями равноправия перенесется на место новой столицы, будет действовать здесь с не меньшим потенциалом, возводя это в ранг высокой культуры и необходимости её достижения. Поэтому угрюмое начало состояния «0» в Санкт-Петербурге будет проявлено в достаточной мере, чтобы конкурировать с духом радости вечного спасения. Распространенная классическая архитектура города стала наглядным знаменателем его связи с древним отступническим мировоззрением. Да и сама прежняя столица, Москва, останется в мировоззрении для всех святым местом, куда на коронацию будут приезжать все российские цари, перенося на себя дух высоко достоинства.

Еще с IV века эта местность заселялась финно-угорскими племенами, оставившими после себя такие названия как «охта», «лахта», «кушелевка», «автово», непосредственно «нева» – означающее топь, болото. Затем эти земли снова отошли северо-восточными славянскими племенами и принадлежали В. Новгороду, который следил за ними при помощи своих посадников. Так, по преданию, еще за два века до прихода сюда Петра I здесь находился новгородский посадник Василий Селезень, имевший на Лосином острове свой двор. По одной версии, его имя закрепилось за местностью и теперь один из самых больших островов Санкт-Петербурга носит название Васильевский. По другой версии, названия острова произошло по одному из деятельных и ближайших сподвижников Петра I, оставивший большой след в российской истории, Василии Корчмине, батарея которого находилась на стрелке острова.

В 1300 г. шведы, имея виды на северные новгородские земли, на Охтинском мысу возвели крепость Ландскрона. Но уже на следующий год новгородцами она была уже разрушена. В 1478 г. новгородские земли вошли в состав владений вел. кн. Московского, и в 1557 г. в устье Невы была построена порт-крепость. В документе, датированном 1599-1601 гг., упоминается наличие в городке Невское устье «Государева гостиного двора», корабельной пристани и православного храма, кроме того, говорится, что в городке жили «волостные люди». Известно, что только в 1615 г. сюда приходили 16 судов из Выборга, Авангорода, Ладоги, Нарвы, Новгорода, Норчёллинга, Ревеля, Стокгольма. В 1611 г. на отторгнутых у России землях, на месте русского торгового поселения Невский городок и шведской крепости Ландскрона, при впадении р. Охты шведами была построена крепость Ниеншанц. В 1617 г. по Столбовскому миру Ижорская земля полностью закрепляется за Швецией. В 1632 г. на правом берегу Охты, напротив крепости, ею основывается торговый город Ниен, а в 1642 г. он получает полные городские права, стал столицей Ингерманландии. Ниен был крупнейшим городом Нотеборгского лена, намного превосходивший по размерам и богатству административный центр лена – город Нотеборг: в нем было более 400 податных дворов, из чего следует, что количество домов было еще больше – в число «дворов» не входили казенные здания, дома дворян и духовенства, да и сам «двор» зачастую включал в себя несколько капитальных построек. В городе, население которого к середине XII в. составляло около 2 тыс. человек, жили шведы, немцы, русские и финны, занимавшиеся торговлей, ремеслами, земледелием, рыболовством, судоходством. В центре его располагалась ратуша, две лютеранские кирхи, школа, порт и торговая площадь. На карте 1701 г. в окрестностях города показаны госпиталь, кирпичные заводы и предприятия, связанные с судостроением¹⁵⁷. Православное население окормлялось в селе Спасском, располагавшимся в районе современного Смольного монастыря и населенном русскими и ижорцами. Между Ниеншанцом и с. Спасское функционировала паромная переправа. В 1703 г. Пётр I берет Ниеншанц и переименовывает его в Шлотбург (Крепость-замок), и подписывает свои письма, как отправленные из Шлотбурга. Это означает, что Пётр вначале не предполагал коренного изменения сложившейся ситуации, иначе и переименовывать крепость было бы не к чему. Но затем у него появляется новая мысль, он переезжает в другое место, располагая свой дом в нескольких километрах от крепости. Теперь Пётр начал строительство своего абсолютно нового политического центра-символа, новую крепость на Заячем острове, именуя ее Санкт-Петербург, а старый политический центр, Ниеншанц, постепенно разрушая, низводит на нет. Затем появляется уже городской центр на Троицкой площади, впоследствии перемещенный на Васильевский остров, а позже в Адмиралтейскую часть, и новый строившийся город берет на себя имя Санкт-Петербург.

По легенде 16 (27) мая 1703 г. в день Святой Троицы, т. е. посвящая Спасителю, на небольшом острове Ениссаре (Заячий), расположенный в дельте Невы, Пётр I заложил первый камень будущего города – крепости «Санкт-Петербурх». (Первоначальное Sankt-Piter-Burch было имитацией голландского произношения Sint-Petersburg, в 1720 г. название меняется на Санкт-Петербург, близкое к немецкому Sankt Petersburg). Осматривая остров, Пётр взял у солдата штык, вырезал в земле 2 куса дерна, положил их крестообразно и сказал: «Здесь быть городу», и в этот миг на небе появился парящий над царем орел.

Строительство города с 1704 по 1717 год в основном выполнялась силами «рабочих людей» (крепостных и государственных крестьян), мобилизованных в рамках натуральной трудовой повинности. Работы велись преимущественно «вахтовым методом» – мобилизованный работник отработывал два-три месяца, после чего уходил домой. Труд работника оценивался 1 рубль в месяц, стандартной платой за работу в тот период. После 1717 г. трудовая повинность заменяется денежным налогом, а строительство города ведется силами вольнонаемных

¹⁵⁷ Сорокин П.Е. Предшественники Петербург. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб, 2003.

рабочих. Исследовавший вопрос строительства Санкт-Петербурга историк П.Н. Петров, сверяя списки работных людей, заметил, что в них из года в год повторяются одни и те же люди, работавших даже ранее по трудовой повинности. Этот факт ставит под сомнение распространенную легенду, вероятно, появившейся на свидетельствах иностранцев, не питавших особых симпатий к России и ее царю-реформатору, о тяжелых условиях работников и их большой смертности. По мнению историка Е.А. Андреевой, смертность среди первых строителей Санкт-Петербурга достигала обычного для того времени значения – в среднем 6-8% в год.

В строящемся городе Пётр попытался воплотить различные европейские городские причудливые особенности. Так, например, по его замыслу Васильевский остров должен был стать Амстердамом или Венецией. Там вместо дорог прорывались каналы; Пётр запрещал строить мосты и предписывал передвигать только в лодках (при Екатерине II большая часть каналов была зарыта). Противоположный Васильевскому острову берег Большой Невы принял вид версальской лучевой системы, где от главного здания, Адмиралтейства, в разные стороны исходят лучи – дороги, «перспективы». Это, современные Галерная улица, Вознесенский проспект, Гороховая улица, Невский проспект и Миллионная улица. Особенно повторяет Версаль так называемый «трезубец» – Вознесенский, Гороховая, Невский. Положение исходящих лучей от одного места символизирует центр этого общества, его сознания, основу его движения и, в данном случае, Адмиралтейство стало символом познания мира, символом науки (в Версале иначе: здесь лучи идут от дворца монарха и символизируют монархическую систему, которая воплощает чаяния различных слоев общества. В практическом значении дороги исходят в главные пункты местопребывания короля: средняя дорога ведет в Париж, две других – в королевские дворцы Сен-Клу и Со). После прорытия, для нужд судостроителей, двух каналов, Крюкова и Адмиралтейского, образовался остров правильной треугольной формы. Петру понравилось такое совпадение, и он переносит сюда склады корабельного леса с «Голландии», находившейся возле Адмиралтейства, и называет новое место «Новой Голландией». На острове по указанию царя был построен деревянный домик – дворец, в котором отдыхал Пётр при посещении располагающегося рядом Галерного двора. Вокруг дворца высажены плодовые деревья, выкопали небольшой пруд. По указу 21 сентября 1721 г. Новая Голландия обрела официальный статус, одновременно она стала первым военным портом России. Своеобразным дивным местом, вобравшим в себя особенности Версаля и Рима, стал Летний сад, разместившийся напротив первого домика Петра, с другой стороны Невы. Один из современников Петра так описывал достопримечательности сада: «Здесь множество замечательных вещей, беседок, галлерей, насосов и удивительно красивых деревьев. Со стороны реки около сада подведена каменная стена; к реке ведут галлерей (ganki), где можно сесть на ботик, галеру, яхту или буер, чтобы ехать на море или гулять по каналам и большой и широкой реке»¹⁵⁸. В Птичнике Летнего сада жили не только птицы: черный аист, орлы, журавли, лебеди, голуби, пеликаны, но и редкие животные, такие как дикобраз, синяя лисица. Деревья и кустарники сада аккуратно постригали в форму куба, шара или пирамиды, а в одной из его галерей находилась мраморная статуя богини Венеры. Эту скульптуру подарил Петру I папа Климент IX. По указанию царя Венеру охранял часовой, дабы ее никто не повредил. Венера стала первым публичным изображением обнаженного женского тела.

На территории Летнего сада был устроен лабиринт – сложная система дорожек, окруженная высокими стенами из кустов. В этом лабиринте разместили более трех десятков фонтанов, украшенных скульптурными персонажами басен Эзопа. У входа находилась скульптура самого баснописца. Дорожки к лабиринту проложили по мостам. Здесь были оборудованы фонтаны – шутихи, струи которых часто обрызгивали проходивших людей. Всего на территории Летнего сада находилось более 50 фонтанов. Первоначально водоподъемный механизм работал на кон-

¹⁵⁸ Русская старина, №5-8. Том 25. 1879. Петербург в 1720 году. Записки поляка-очевидца. С. 267.

ной тяге. В 1718 г. она была заменена первой России паровой машиной конструкции французского инженера Дезагулье. Вода для этой машины бралась из Безымянного Ерика, который с тех пор стали именовать Фонтанкой. В 1721 г. на берегу этой речки был построен Грот – садовый павильон с колоннами и высоким куполом. Этот павильон был разделен на 3 помещения, в каждом из которых находился фонтан. При их работе звучала органная музыка. Орган же приводился в действие струями фонтанов. В оранжереях Летнего сада высаживали южные растения, среди них – тропические молочаи, апельсины, лимоны, тюльпаны и ливанские кедры. Летом эти растения выставлялись на аллеи сада. По замыслу Петра I Летний сад был украшен аллегорическими скульптурами. Все скульптуры подбирались на 4 темы: природа мироздания, коллизии из «Метаморфоз» Овидия, идеальная модель земного мира и реальное его воплощение. Для осуществления данного плана в Италию были посланы специальные агенты, которые закупали там как античные скульптуры, так и произведения конца XVII – начала XVIII века. Многие скульптуры были изготовлены на заказ. К 1725 г. в Летнем саде были установлены более ста бюстов и статуй, к 1776 г. их было уже более двухсот. Летний сад стал царской резиденцией. Это был богатый и красивый комплекс, в котором проводились различные торжественные мероприятия, празднования придворной знати и приемы в честь иностранных послов.

Деревянное строительство в Санкт-Петербурге было запрещено в 1712 г., однако камень оставался дорогим и редким материалом, а технология производства обожженного кирпича была несовершенной. Поэтому, чтобы ускорить в новой столице каменное строительство и уберечь ее от пожаров, Пётр в 1714 г. издает указ о повсеместном (кроме Санкт-Петербурга) запрете каменного строительства. Только в 1721 г. было сделано некоторое послабление этого указа и окончательно отменено в 1741 г.

Камень был необходим и для мощения дорог, поэтому в 1714 г. Пётр издает указ, по которому каждый житель города должен был доставить на общие нужды 100 камней, домовладельцы – мостить дороги вдоль своих участков, на каждую въезжавшую в город подводку возлагался налог в 3 камня, на каждое пребывающее судно – от 10 до 30 камней (указ действовал более 60 лет). Тем не менее, Петру не удалось сделать Санкт-Петербург полностью каменным городом. Выполнить эту грандиозную задачу за такой короткий срок в ту эпоху было невозможно.

Для постройки красивых зданий Пётр и его приемники нанимали заграничных мастеров: Д.А. Трезини, Ф.Б. Растрелли, К.И. Росси, О. Монферран, Д. Кваренги и др. Вскоре земля здесь стала настолько дорогой, что здания начинают строить вплотную друг к другу, превращаясь в своеобразные длинные комплексы, появляются дворы-колодцы. Основа Санкт-Петербурга, Петропавловская крепость, со времени своего строительства, никогда не использовалась по прямому назначению. Она стала первой тюрьмой, впоследствии политическим застенком, и в крепостном храме прибежищем останков Романовской династии. P.S. Символически – тюрьма стала обителью на вечность, т. е. что олицетворяли, то и получали.

В недалеком острове от Санкт-Петербурга была основана крепость Кронштадт (коронный город), для охраны морских путей новой столицы от неприятеля. В Кронштадте Пётр построил инженерное чудо своего времени – док для ремонта сразу нескольких судов. Чтобы блеснуть перед королями Европы царь обосновал свою летнюю резиденцию на берегу Финского залива с красивым садом, скульптурами и многочисленными фонтанами, используя технологию перепада естественных высот. Желая иметь европейский не только город, но и пригород, Пётр стал раздавать участки земель дворянам, с требованием постройки на них усадеб. После чего дорогу в летнюю резиденцию Петра приезжие иностранцы сравнивали уже с королевской дорогой из Парижа в Версаль.

Несмотря на всю свою возвышенную цель, построенный в землях древней мистической руси город небесной славы не внес какого-либо изменения в сознание людей, как и всегда

и везде проповедованием Христа никто не занимался, исключением не стал и православный Санкт-Петербург, поэтому образовавшаяся здесь система стала мало чем отличаться от московской: если в Москве неприкрыто цвела алчная жажда превосходства, то в принявшем эстафету мистицизма Санкт-Петербурге укоренилась «высокая» цель удержания древнего традиционного для русских царей «благочестивого» высокомерия. Вместе с тем, действие мистерии по дискредитации Христа (творчества) здесь проявится сильнее, чем в иных землях, и намного хитрее, изощреннее, используя культурный потенциал этого города. И если раньше в России Христа не знали или отвергали смешиванием с мистицизмом, откровенным язычеством, то теперь в самом городе провозглашения Христа все больше и больше станет проявляться тенденция откровенного высмеивания, начнет раскручиваться кампания Его научно-культурного «низложения»: взяв волшебную палочку целостности от невежественной Москвы, научный Санкт-Петербург будет алхимизировать в себе высший мистицизм с научной концепцией взаимоотношающего устройства бытия.

Имя Христа будет дискредитировано. Россия, в постоянном стремлении к своей старине вернется к принципам целостности, перефразируя глубоко древние понятия в новые, культурные формы звучания – «научного познания бытия» с точки зрения самостановления. Само название города в честь Христа, его исторический факт, находящегося в землях северного превосходства, Люцифера будет сильно раздражать, вследствие чего горожане сами первые перестанут называть его Санкт-Петербургом, превращая его вначале в Петербург, а затем город официально сменит имя, взяв курс на мистическое обновление, вследствие чего произойдет дальнейшая попытка полностью стереть его с лица земли внешними силами, ведомые все тем же богом Целостность. Но силы ада не одолеют Божественное благословение города...

Любопытные сведения о природе молодого Санкт-Петербурга оставил писатель А.П. Башуцкий: «Известный Химик, Г. Модель, разложил в 1735 году Невскую воду. Из опытов его, как и из новейших исследований, оказалось, что вода сия, содержащая в себе значительное количество угольной кислоты, вовсе чужда металлических или земляных примесей, исключая весьма малое количество поваренной соли; посему она признана одною из чистейших и здоровейших для питья¹⁵⁹... Нева покрывается льдом обыкновенно в Ноябре месяце. С 1718-го года в течении 114 лет, только четырнадцать раз лед на Неве стал между 20-го и 31-го Октября, и один только раз (в 1811-м) 17 Октября. Поздние эпохи замерзания, в течении 114 лет, были замечены шесть раз... Обыкновенно эпохою вскрытия реки можно полагать первую половину Апреля; в течении 114 лет Нева только шестнадцать раз вскрывалась между 20-го и 31-го Марта, позднейшее освобождение оной ото льда было в 1810-м году (30-го Апреля), раннейшее же в 1822-м году, 6-го Марта¹⁶⁰...»¹⁵⁹

Погоду Санкт-Петербурга (правда, город не уточнен, но вероятнее всего) интересно сравнить со свидетельством Екатерины II: «Зима начинается в конце ноября, и часто в половине декабря останавливаются реки, падает снег, ездят на санях... Чувствуешь, что холод обыкновенно колеблется между 1 и 10 градусами; холод свыше этой нормы считается большим и нет примера, чтобы такой холод продолжался более нескольких часов, и его нагоняет, обыкновенно, северный ветер. Такие морозы наступают в половине января; остальное время, по большей части, сухое, светлое, с ясным солнцем»¹⁶⁰.

К концу первой четверти XVIII в. Пётр был уже глубоко больным человеком. Сказывались сверхчеловеческие нагрузки, военные походы, работа над государственными документами, забота о развитии армии, флота, борьба с заговорами, народными мятежами. Казнив сво-

¹⁵⁹ Башуцкий А.П. Панорама СанктПетербурга. Дерзновению подобно. Генваря. 20. 1770. 1834. СПб, тип. Вдовы Плюшара с Сыном, 1834, стр. 1 – 3-4, 2 – 67.

¹⁶⁰ Записки императрицы Екатерины Второй. Пер. с подл., изд. Имп. Акад. Наук. СПб, изд. А.С. Суворина, 1907, стр. 654.

его сына, Алексея, Пётр стал над пропастью, впереди не оказывалось продолжателя его дела. Дети от Екатерины умирали. Оставалась лишь старшая дочь Анна, готовившаяся выйти замуж за герцога Голштинского и уехать из России (существует версия, что Пётр I хотел именно ей передать Российский престол), и Елизавета, которая была еще слишком молода.

В 1722 г. Пётр I издал указ, по которому сам царь должен был определить себе наследника, указ этот допускал совершенно постороннего человека, с улицы. В начале 1724 г. Пётр провел коронацию своей супруги Екатерины Алексеевны. Этим царь как бы определил свой выбор преемственности, хотя официально об этом не заявлялось, никто не думал о близкой кончине царя. Екатерина в течение долгих лет была вместе с Петром, разделяя тревоги и радости. Была в курсе всех дел и начинаний. Рядом с ней стояли сподвижники Петра, опытные государственные деятели. Казалось, все шло к одному. Но неожиданно Пётр узнает о связи Екатерины с ее придворным – Виллимом Монсом, братом его бывшей возлюбленной. Раскрыв это, после допроса, в ноябре 1724 г., Монса казнили по обвинению за взяточничество (что, конечно, имело место быть). Пострадали и другие служители императрицы, так или иначе замеченные в деле Монса.

Вильбуа описывает эти события: «Царь при первых же бесспорных доказательствах неверности его жены хотел учинить над нею суд в Сенате, чтобы устроить ей публичную казнь. Когда же он сказал о своем намерении графам Толстому и Остерману, оба они кинулись к его ногам, чтобы заставить его отказаться от этого. И если это им удалось, то не потому, что они ему доказали, что самое мудрое решение состояло в том, чтобы замять это дело как можно быстрее, иначе оно станет в глазах всего мира первым знаком его бесчестия: это им удалось лишь потому, что они затронули вопрос о его дочерях от этой женщины, к которым он питал большую нежность. В то время шли переговоры об их замужестве с европейскими государями, которые конечно, не захотели бы на них жениться после такого скандала.

Приступ его гнева против Екатерины был таков, что он едва не убил детей, которых имел от нее. Мне известно от одной французской девушки (фрейлины, которая прислуживала цесаревнам Анне и Елизавете), что царь, вернувшись однажды вечером из крепости в Петербург, где шел процесс над господином Монсом де ла Круа, внезапно вошел в комнату молодых царевен, которые занимались какой-то свойственной их положению работой вместе с несколькими девушками, находившимися при них для их воспитания и развлечения. По словам фрейлины, он имел такой ужасный, такой угрожающий вид, был настолько вне себя, что все, увидев его, были охвачены страхом. Он был бледен, как смерть. Блуждающие глаза его сверкали. Его лицо и все тело, казалось пребывали в конвульсиях. Он ходил несколько минут, не говоря никому ни слова и бросая страшные взгляды на своих дочерей, которые дрожа от испуга, тихонько проскользнули вместе с девушками в другую комнату и укрылись там. Раз двадцать он вынимал и прятал свой охотничий нож, который носил обычно у пояса, и ударял им несколько раз по стенам и по столу. Лицо его искривлялось такими страшными гримасами и судорогами, что фрейлина-француженка, которая не смогла еще убежать, не зная, куда деваться, спряталась под стол, где она оставалась, пока он не вышел. Эта немая сцена длилась около получаса, и все это время он лишь тяжело дышал, стуча ногами и кулаками, бросал на пол свою шляпу и все, что попадалось под руку. Наконец, уходя, он стукнул дверью с такой силой, что разбил ее»¹⁶¹.

Бассевич, правда не веря в измену, описывает эпизод выяснения обстоятельств Петра с Екатериной: «Завистники очернили в глазах императора эти отношения к императрице г-жи Балк и ея брата... Екатерина всячески старалась смягчить гнев своего супруга, но напрасно. Рассказывают, что неотступная ея просьбы о пощаде по крайней мере ея любимицы вывели из терпения императора, который, находясь в это время с нею у окна из венецианских стекол, сказал ей: "Видишь ли ты это стекло, которое прежде было ничтожным материалом, а теперь,

¹⁶¹ Вопросы истории, №1. 1992. Ф. Вильбуа. Рассказы о Российском дворе. Москва, стр. 154-155.

облагороженное огнем, стало украшением дворца? Достаточно одного удара моей руки, чтоб обратить его в прежнее ничтожество". И с этими словами он разбил его. "Но неужели разрушение это, сказала она ему со вздохом, есть подвиг, достойный вас, и стал ли от этого дворец ваш красивее?" Император обнял ее и удалился. Вечером он прислал ей протокол о допросе преступников [имеется в виду экономических преступлений¹⁶²], а на другой день, катаясь с нею в фаэтоне, проехал очень близко от столба, к которому пригвождена была голова Монса. Она обратила на него свой взор без смущения и сказала: "Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности"»¹⁶³.

После происшедшего отношения между супругами похолодели. 8 декабря Лефорт сообщал в депеше: «Они почти что не говорят друг с другом, вместе не обедают, не спят. Счастью их пришел конец»¹⁶⁴. У Брикнера есть известие, что в Венском архиве существует записка неизвестного автора, в которой сказано, что в ноябре 1724 г. «Петр запретил слушаться приказаний Екатерины; что были запечатаны все драгоценные вещи императрицы, и что она, благодаря этому, осталась без всяких денежных средств. Вследствие того Екатерина, чтобы задобрить Петра чрез одного из его фаворитов и подарить последнему 1.000 рублей, должна была занять эти деньги у некоторых придворных дам, Алсуфьевой, Кампенгаузен и Вильбуа. Далее, – Брикнер пишет, – автор записки сообщает еще следующие подробности: "Петр возобновил свои прежние интимные отношения с дочерью Кантемира [Марией Кантемир, дочерью молдавского господаря]. Его раздражение против Екатерины усилилось после того, как ему сообщили о попытке императрицы отравить дочь Кантемира. Все ожидали страшной развязки: царь не имел более никаких отношений с Екатериной и не переставал смотреть на нее с крайним негодованием; никто не смел более Петру говорить о Екатерине; на лицах Петра и Екатерины выражалось постоянно сильнейшее волнение"»¹⁶⁵.

12 января Лефорт отправляет следующую депешу: «16 числа [по новому стилю] пополудни царица явилась к царю, пала перед ним на колени и просила прощения в своих поступках. Разговор у них продолжался около трех часов. Они читали различные статьи, ужинали, а затем разошлись»¹⁶⁶.

Личные отношения супругов отразились на политическом завещании Петра I. В секретном приложении к брачному контракту своей дочери Анны и герцога Карл-Фридриха царь передал русский престол будущему сыну Анны. Вскоре императору стало хуже, и он слег окончательно.

Умер Петр I в тяжелых муках в начале 1725 г. на руках Екатерины. В 1721 г. в Астрахани во время похода в Персию у Петра I впервые появились приступы задержки мочеиспускания. Зимой 1723 г. припадки усилились, что заставило Пётра прибегнуть к лечению.

¹⁶² Бассевич пишет: «Приговор, осудивший эту фаворитку и ее брата, исчислял малейшие подарки, полученные ими от лиц, обращавшихся к их содействию и помощи» (Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича... Пер. с фр. И.Ф. Аммона. Москва, тип. Грачева и Комп., 1866, стр. 170). Однако по указу Петра I от 24 декабря 1714 г. было запрещено принимать подарки: «И дабы впредь плутам (которые ни во что иное тщатся, точию мины под всякое добро делать, и несытость свою исполнять) невозможно было никакой отговорки сыскать: того ради запрещается всем чинам, которые у дела приставлены великих и малых, духовных, военных, гражданских, политических, купецких, художественных и прочих, какое звание оные имеют, дабы не дерзали никаких посулов казенных и с народа собираемых денег брать, торгом, подрядом и прочими вымысли, какого б звания оные манера ни были, ни своим, ни посторонним лицом, кроме жалованья... А кто дерзнет сие учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, всего имени лишен, шелмован, и из числа добрых людей извержен, или смертью казнен будет...» (Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том V. 1713-1719. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №2871, стр. 135-136).

¹⁶³ Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича... Пер. с фр. И.Ф. Аммона. Москва, тип. Грачева и Комп., 1866, стр. 169-170.

¹⁶⁴ Сборник Русскаго Историческаго общества. Том третий. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. СПб, 1868, стр. 395.

¹⁶⁵ Вестник Европы, №1. 1894. Брикнер А. Г. Императрица Екатерина I. 1725-1727. СПб, 1894, стр. 125-126.

¹⁶⁶ Сборник Русскаго Историческаго общества. Том третий. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. СПб, 1868, стр. 396.

Приближенными врачами было замечено, что обострение болезни у царя начиналось после возлияния спиртных напитков. Лефорт сообщал 22 августа 1724 г., что «царь шестой день не выходит из комнаты и очень нездоров от кутежа, случавшагося в Царской мызе, по поводу закладки церкви, при чем было выпито три тысячи бутылок вина»¹⁶⁷.

29 августа Лефорт сообщает: «В понедельник вышел указ, которым запрещалось под страхом смертной казни испрашивать лично у царя какой-либо милости. Думают потому, что будут какия нибудь новья следствия. Меншиков, Толстой, Мамонов и Макаров имеют, так сказать, нечто на совести. Давай Бог, чтобы все это открылось»¹⁶⁸.

5 сентября Лефорт: «Эта последняя болезнь царя его сильно измучила и повергла в уныние, потому что оказалось новаго рода болезнь, совершенно неизвестная, именно мочевого камень: говорят, что несколько их у него вышли, причинив ему страшныя мучения... Словом все идет навыворот, торговля стремится к концу, войска и флот неоплачены и каждый досадует и недоволен»¹⁶⁹.

В последующие дни император начал поправляться и подал надежду на выздоровление. Считая себя совершенно здоровым, он предпринял морское путешествие в Шлиссельбург, а оттуда через Новгород в Старую Руссу, не преминув также заглянуть и на Ладожский канал.

Существует предание, что осенью Пётр спасал людей с севшего на мель ботик, сильно простыл и вследствие этого развилась тяжелая болезнь. Исследуя данное направление, историки пришли к выводу о недействительности данного факта. Главный мотивом такого вывода послужило то, что непосредственно сами ближайшие свидетели жизни Петра не упоминают этого значимого происшествия (уж об этом случае было бы всяк им известно), по легенде послужившей всей последующей развязке событий.

После некоторой поправки здоровья Петра I последовало дело Монса, где вполне допустимо, что он заливал вином горе. Затем последовало несколько празднеств в декабре 1724 г., неразрывно одно переходившее в другое, а в январе избрание нового князя-папы всепьянейшего собора, длившееся неделю. В дополнение к этому Пётр отгулял на свадьбе своего денщика Василия Пospelова и на двух ассамблеях – у графа Толстого и вице-адмирала Корнелия Крюйса.

Кроме этого, 6 января в сильный мороз Пётр прошел во главе Преображенского полка маршем по берегу Невы, затем спустился на лед и стоял в течение всей церковной службы, пока святили Иордан, прорубь, вырубленную во льду. Все это привело к тому, что Пётр простудился и слег в постель. Согласно рапорту личного врача императора, доктора медицины Л.Л. Блюментроста, при лечении простуды применялось «втирание горячего гусяного сала с тертым чесноком в обе половины грудной клетки, а от "ломоты в затылке накануне непогоды" – прикладывание пиявок»¹⁷⁰.

19 января Лефорт сообщает, что у царя «проходы наполнены материею, которая здесь собирается и становится величиною в орех. Третьяго дня очень страдал. Впрочем Он несколько не умерен в напитках и никогда почти не сидит дома»¹⁷¹.

23 января Лефорт передает следующее сообщение: «Сегодня уже десятый день как Царь болен. Страдания возобновились. Липкая материя, которая прежде была достаточно жидка,

¹⁶⁷ Там же, стр. 382.

¹⁶⁸ Там же, стр. 383.

¹⁶⁹ Там же, стр. 384-385.

¹⁷⁰ История Петербурга, №73. 2018. Жизнь после смерти. Петр Великий: последние годы жизни глазами врача. Ю.А. Молин. СПб, Полтораки, 2018, стр. 88.

¹⁷¹ Сборник Русскаго Историческаго общества. Том третий. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. СПб, 1868, стр. 397.

чтобы протечь самой, теперь твердеет и запирает мочевой канал. Вчера прибегли к помощи инструмента, чтобы спустить мочу и гной... Все в каком то смущении»¹⁷².

Граф фон Бассевич описывает причины заболевания Петра следующим образом: «Здоровье Петра Великого, давно шаткое, окончательно разстроилось со времени возвращения его из Москвы; но он нисколько не хотел беречь себя. Деятельность его не знала покоя и презирала всевозможные непогоды, а жертвы Венере и Вакху истощали его силы и развивали в нем каменную болезнь»¹⁷³.

Лечившие Петра врачи-немцы братья Блюментросты были против хирургического вмешательства, а когда 23 января хирург-англичанин Горн операцию провел, то было уже поздно, и у Петра вскоре начался «антонов огонь», как в то время называли на Руси гангрену. Последовали судороги, сменившиеся бредом, глубокими обмороками. Последние десять суток, если больной и приходил в сознание, то страшно кричал, мучения его были ужасными.

В краткие минуты облегчения Пётр готовился к смерти, причастился святых тайн, предписываемые церковью. Он велел выпустить из тюрем всех должников и покрыть их долги из своих сумм, приказал выпустить всех заключенных, кроме убийц и государственных преступников, и просил служить молебны о нем во всех церквях.

С.М. Голицын пишет: «Д.С.С. Матвей Васильевич Мамонов находился при кончине Петра Великого. Пётр I собрал весь синод и сказал ему, что он умирает, не будучи виновен в смерти царевича Алексея Петровича и что последний умер ударом, которым Бог наказал его за его действия. Святейшей Синод спросил Государя: кого он назначает в наследники престола? Петр отвечал, что Бог сам назначит»¹⁷⁴.

«Во вторник 6-го числа [26 января] Его Величеству дали немного кашицы; это теплое вещество в желудке пришло в брожение и с Царем сделались судороги. Это всех встревожило. Тотчас призваны все вельможи из сената и коллегий. Пополудни Его Величеству сделалось лучше и казалось Он хотел даже привести в порядок некоторые свои дела, отдав несколько словесных приказаний... Ночью он спал с трех до семи минут пятого. 7-го числа антонов огонь усилился и не было более никакой надежды. С Царем сделался бред, Он встал со своей постели, прошел три комнаты, жалуясь что окна были не хорошо прогнаны. После такого волнения силы Его начали упадать. Ночью ему захотелось чтонибудь написать, Он взял перо, написал несколько слов, но их нельзя было разобрать. Наконец ночью с 7-го числа на 8-е между четырьмя и пятью часами утра, когда Ея Величества Царица, молившись около Него и приготовляя к смерти, сказала: "Господи, открой твой рай и прими душу праведную", великий монарх скончался»¹⁷⁵ (Лефорт).

Екатерина сидела у его постели, не покидая умирающего ни на минуту. Пётр умер 28 января 1725 г. в пятом часу утра. Екатерина сама закрыла ему рот и глаза и, сделав это, вышла из маленькой комнатки в соседний зал, где ее ждали, чтобы провозгласить преемницей Петра.

О диагнозе смертельной болезни Петра существует несколько версий, поскольку кроме смертельной существовал ряд побочных заболеваний, которые в своем действии могли усиливать последнюю и в тоже время сбивать с толку врачей. В книге Б.А. Нахапетова «Тайны врачей дома Романовых» приводятся выводы специалистов изучавших данный вопрос: «Н.И. Гусаков в брошюре "Петр I и медицина" (М., 1994) утверждает, что Пётр I страдал мочекаменной болезнью, а также – частичной непроходимостью мочеиспускательного канала после перенесенной и плохо леченной гонорее. Кроме того, он упоминает и версию отравления Петра I,

¹⁷² Там же, стр. 397.

¹⁷³ Записки о России при Петре Великом, извлеченныя из бумаг графа Бассевича... Пер. с фр. И.Ф. Аммона. Москва, тип. Грачева и Комп., 1866, стр. 170.

¹⁷⁴ Русский архив. Т. 11. 1869. № 1-6. Рассказы князя Сергея Михайловича Голицына. С. 634.

¹⁷⁵ Сборник Русскаго Историческаго общества. Том третий. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. СПб, 1868, стр. 399.

ссылаясь при этом на описанные А.С. Пушкиным в его "Истории Петра" судороги, паралич левой руки, потерю зрения и «жжение в животе», которые, по мнению Н.И. Гусакова, могут рассматриваться как признаки отравления каким-то ядом, в частности, мышьяком.

Отвергая гипотезу об отравлении Петра I, петербургский судебно-медицинский эксперт Ю.А. Молин в книге "Тайны гибели великих" (СПб., 1997) выдвигает свою версию диагноза болезни Петра I. Он считает, что, вероятно, Пётр страдал стриктурой уретры, осложнившимся гнойным циститом и восходящим пиелонефритом, а на финальной стадии болезни – уремией и уросепсисом. Он также высказывает мнение о том, что "за несколько часов до смерти Пётр перенес острое нарушение мозгового кровообращения с кровоизлиянием в левое полушарие головного мозга как следствие резкого подъема артериального давления, – осложнение, нередко наблюдающееся в запущенных, не леченных случаях нефритов"¹⁷⁶.

После кончины тело Петра долгое время оставалось не погребенным. В это самое время заболела маленькая дочь Петра и Екатерины, Наталья Петровна. Среди соратников царя тогда разгорелась ожесточенная борьба за власть и на девочку никто не обратил внимание. Болезнь быстро прогрессировала, и Наташа скончалась 4 марта. К тому моменту Пётр I еще не был похоронен и 9 марта тело дочери «по церковному уставу» было перенесено в Печальную залу и поставлено рядом с гробом отца под балдахином.

«В течение 40 дней, пока его [Петра] тело, согласно обычаю страны, было выставлено для обозрения публики, на парадном ложе, она [Екатерина] приходила регулярно утром и вечером, чтобы провести полчаса около него. Она его обнимала, целовала руки, вздыхала, причитала и проливали всякий раз поток искренних или притворных слез. В этом выражении нет никакого преувеличения. Она проливали слезы в таком количестве, что все были удивлены и не могли понять, как в голове одной женщины мог поместиться такой "резервуар воды". Она была одной из самых усердных плакальщиц, каких только можно видеть, и многие люди ходили специально в императорский дворец в те часы, когда она была там у тела своего мужа, чтобы посмотреть, как она плачет и причитает. Я знал двух англичан, которые не пропустили ни одного из 40 дней. И сам я, хотя и знал, чего стоят эти слезы, всегда бывал так взволнован, как будто бы находился на представлении с Андромахой»¹⁷⁷.

Перенос тела императора из Печальной залы Зимнего дворца в Петропавловский собор произошел 10 марта. В день похорон и накануне спиртные напитки в городе не продавались, кабаки были закрыты. По сторонам процессии стояло 1250 гренадер с факелами. По ходу шествия стояли войска: 10.638 человек. Шествие сопровождал звон всех церковных колоколов города, пушечная стрельба, литаврщики и трубачи. Интересная деталь: гроб Петра на улицу выносили не через дверь, а через окно по специально сделанному крыльцу с шестнадцатью ступенями, обитому черным сукном. По поверьям в языческой Руси покойника выносили всегда не через дверь, т. к. дверь служит для входа и выхода живым. Похоронная процессия строилась по принципу старшинства «младшие наперед», затем Печальная колесница с телом, затем опять по принципу старшинства «младшие позади». Впереди процессии несли гербы крупнейших русских городов и земель, несли регалии, шли различные депутаты. Все официальные члены процессии были одеты в черное. Далее шел простой народ. Гроб Петра на восьмерке лошадей, покрытых попонами из черного бархата, мимо выстроившихся вдоль берега Невы полков, провезли сначала к причалу главной пристани, а оттуда, на специальном сооруженном на льду Невы деревянном помосте, к Петропавловской крепости. Сразу за гробом шли члены семьи покойного и два «первейших сенатора». Порядок их следования о многом говорил и сановникам, и иностранным дипломатам, ибо он точно отражал расстановку сил и значение каждого из этих людей при дворе.

¹⁷⁶ Нахапетов Б.А. Тайны врачей дома Романовых. Москва, Вече, 2005, стр. 38-39.

¹⁷⁷ Вопросы истории, №1. 1992. Ф. Вильбуа. Рассказы о Российском дворе. Москва, стр. 151.

Гроб Петра поставили в Петропавловском соборе, который тогда еще строили, совершив символическое погребение: тело императора посыпали землей («предали земле»), закрыли гроб и оставили на катафалке, на амвоне. Только через шесть лет, в 1731 г., гроб с телом покойного будет перенесен и установлен на свое постоянное место в усыпальнице в склепе под полом собора.

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА

*ПРОДОЛЖАТЕЛЬНИЦА ДЕЛА ПЕТРА I.
БОРЬБА ГРУППИРОВOK*

Для Петра I, не щадившего ни себя, ни подданных для проведения в жизнь новых начал государственной жизни, было не все равно, кому передать продолжение своего дела вместе с тронem России. Пётр развязал свою «волю монаршую» для избрания достойного продолжателя своих замыслов, принеся в жертву этим замыслам взрослого наследника престола и узаконенный традицией порядок престолонаследия по наследству и избранию. Но жертвы оказались напрасными: воля его оказалась на последнем слове недосказанной, и Россия очутилась и без наследника, и без законного руководства к избранию его.

По этому поводу резидент Голштинского герцогства в Санкт-Петербурге, граф Геннинг-Фридрих фон Бассевич, так излагает события: «Страшный жар держал его (Петра I) почти в постоянном бреде. Наконец в одну из тех минут, когда смерть перед окончательным ударом дает обыкновенно вздохнуть несколько своей жертве, император пришел в себя и выразил желание писать; но его отяжелевшая рука чертила буквы, которые невозможно было разобрать, и после его смерти из написанного им удалось прочесть только первые слова: «"Отдайте все..." (rendez tout a...) Он сам заметил, что пишет неясно, и потому закричал, чтоб позвали к нему принцессу Анну, которой хотел диктовать. За ней бегут; она спешит идти, но когда является к его постели, он лишился уже языка и сознания, которые более к нему не возвращались. В этом состоянии он прожил однакож еще 36 часов»¹⁷⁸.

Приближающаяся кончина Петра положила начало борьбе противоборствующих сторон за наследство трона. Наследниками могли считаться: во-первых, сын казненного Алексея – Пётр, во-вторых, дочери Петра I и Екатерины – Анна и Елизавета, в-третьих, племянницы Петра I, дочери его старшего брата Ивана Алексеевича – Анна, Екатерина и Прасковья. Анна занимала в это время герцогский трон в Курляндии. Екатерина была герцогиней в Мекленбурге, а Прасковья жила в Москве, будучи не замужем. В-четвертых, жена Петра, Екатерина Алексеевна. Всем было понятно, что основная борьба произойдет между сторонниками внука Петра, Петром Алексеевичем, и женой Петра, коронованной императрицей, Екатериной Алексеевной.

Еще раньше, при деятельности Петра, «духовники» Преображенского приказа и Тайной канцелярии не один раз выслушивали признания от своих клиентов поневоле на тему о правых на престол первой семьи Петра от Евдокии Лопухиной и о неодобрении «воли монаршей» по данному вопросу. Следственное дело царевича Алексея Петровича показало Петру, что вопрос о престолонаследии представлял для его подданных не только академический или праздный интерес обывательской болтовни, но становился для некоторой его части подданных вопросом деятельных выступлений, знаменем, объединявшим вокруг себя оппозицию, в рядах кото-

¹⁷⁸ Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича... Пер. с фр. И.Ф. Аммона. Москва, тип. Грачева и Комп., 1866, стр. 172.

рой числились «знатные персоны» духовного и светского общества. Жестокий разгром партии Алексея не доказал оппозиции внутреннюю «Правду воли монаршей», заставивши партию старины, сочувствующих Алексею и его незамысловатой программе, глубже замкнуться в себе и в одиночку вынашивать свои заветные надежды, которым как бы благоприятствовали неудачи династических замыслов Петра, потерявшего двух сыновей от Екатерины, для которых он, по видимому, расчищал путь к трону гибелью Алексея. С их смертью для Петра его династические замыслы оказались настолько расстроены, что даже он, умевший не задумываться перед решительными шагами, так и не использовал изданный закон о назначении себе преемника по своему усмотрению. Этим вопрос о престолонаследии был сведен с его правового основания: оказавшись столь неразборчивым или недописанным Петром имя во фразе «все отдать...» теперь должна была продиктовать организованная сила, т. к. закон безмолвствовал, а обычай в подобных случаях спрашивать совета всей земли как-то никем даже не вспомнился в день смерти Петра, хотя некоторые соборные избрания XVIII в. едва ли являлись по существу отражением мнения земли более чем обстоятельства провозглашения Екатерины I императрицею.

Чтобы действия организованной силы не выглядели в глазах общественности простым захватом власти, его направляющие элементы, старые сотрудники и советники Петра, входившие в состав Боярской думы, одним из неперенных и самых авторитетных его членов, должны были теперь выступить в привычной роли разгадчиков недосказанной Петром мысли, которую, тем не менее, необходимо было развить в духе его намерений. И если раньше это происходило в силу страха взыскания со стороны Петра, то теперь под влиянием честолюбия и инстинкта самосохранения, заговорившего с тем большею силой, что против властного голоса истолкователей воли Петра выступили теперь с традиционной осанкой тени прошлого величия, остатки думской знати, которые хотя при Петре и «не в авантаже обретались», но не были окончательно затерты его властным игнорированием, и теперь, несмотря на свою малочисленность, заявили о себе с тем большей уверенностью и авторитетом, что чувствовали под собою сочувствие много выстрадавшей при Петре оппозиции, сильной своею затаенностью и неизвестностью, и освобождавшаяся теперь от страха перед умирающим Петром. «Князь Д.М. Голицын с товарищами» (Долгоруким, Репниным и П.М. Апраксиным) были страшны для сторонников Петра не только своим прошлым в качестве вождей оппозиции, но и в качестве настоящих сторонников кандидатуры ребенка Петра, единственного законного по обычаю наследника его внука. «Как только великий князь будет объявлен императором, то часть шляхетства и большая часть подлаго народа станет на его стороне»¹⁷⁹ – по словам знатока тайных помыслов русского народа, каким был начальник Тайной канцелярии П.А. Толстой.

Голицын с товарищами для пользы общего дела готовы были пойти на компромисс и объявить Петра Алексеевича императором, а его мачеху, Екатерину Алексеевну, регентшей, при сотрудничестве Сената. Но могли ли «птенцы Петра» ограничиться этой «помазкой по губам». Для Меншикова, Толстого, Ягужинского, Головкина и других слуг Петра нужно было сыграть «ва-банк»: ведь наивно было рассчитывать, что сын не отомстит им, цепным слугам Петра Великого, за вынесенный ими смертный приговор отцу, царевичу Алексею; и регентство Екатерины их не спасет: оно временно, да к тому же непрочно. «Это распоряжение [о регентстве Екатерины] именно произведет междоусобную войну, которую вы хотите избежать, – ответил Толстой на предложение Голицына, – потому что в России нет закона, который бы опередил время совершеннолетия государя; как только великий князь будет объявлен императором, то часть шляхетства и большая часть подлаго народа станет на его сторону, не обращая никакого внимания на регентство»¹⁸⁰.

¹⁷⁹ Соловьев М.С. История России с древнейших времен. Книга четвертая. Том XVI-XX. Второе издание. СПб, Общественная польза, 1896, стр. 866.

¹⁸⁰ Там же, стр. 866.

Совсем другое дело, если Екатерина при их содействии станет полновластной государыней: ее интересы, безопасность и судьба тесно связаны с судьбой, интересами и дальнейшей карьерой ближайших слуг Петра; они могут вместе управлять во имя заветов Петра; опираясь друг на друга, они удержат у власти и безопасность. С другой стороны, Екатерина, обязанная только им и безопасная только их поддержкой, будет во всем послушна им, – и при ней «птенцы Петра» развернут крылья пошире, чем при Петре.

За Екатерину стояли члены Синода, т. к. только власть, продолжающая направление Петра Великого, даст им прежнее место в церкви; возвращение к старине было бы равносильно если не замене Синода патриархом, который не может быть из членов непопулярного Синода, то, по меньшей мере, преследованию особенно выдвинувшихся при Петре Великом архиереев. Таким образом, направление царствования Петра Великого связало в солидарную группу его вторую семью с сотрудниками его реформы светской и духовной, которые к тому же в момент смерти Петра занимали самые ответственные и командные посты, не говоря уже о том, что большинство сенаторов и генералитета, будучи людьми новыми, обязанными своим возвышением только Петру и потому благодарные ему и его семье, не могли рассчитывать на прочность своего положения при восстановлении допетровского значения родовитой титулованной и думной знати. Опасение все потерять с воцарением Петра или возможность удержать за собой влиятельное положение при воцарении Екатерины придавали сторонникам Екатерины особую энергию, а кроме того, и привычный для подчиненных гипноз власти, столь необходимый в данный момент для мобилизации инертной силы в пользу своего дела.

Тем временем оппозиция готовится к атаке. «Удрученная горестию и забывая все на свете, – повествует граф Бассевич, – императрица не оставляла его [Петра I] изголовься три ночи сряду. Между тем, пока она утопала там в слезах, втайне составлялся заговор, имевший целью заключения ея вместе с дочерьми в монастырь, возведение на престол великаго князя Петра Алексеевича и восстановление старых порядков, отмененных императором, и все еще дорогих не только простому народу, но и большей части вельмож. Ждали только минуты, когда монарх испустит дух, чтоб приступить к делу. До тех же пор, пока оставался в нем признак жизни, никто не осмеливался начать что-либо»¹⁸¹.

Узнав о готовящемся заговоре, соратники Петра I, решили действовать немедленно. Еще раньше находившиеся на работах войска были возвращены в столицу под предлогом молиться за своего императора. Части войск выданы жалованье, не получавшие его около 16 месяцев. Задача по выбору наследника облегчалась тем, что свою привязанность к императору гвардия автоматически переносила на Екатерину, умевшую казаться солдатку «настоящей полковницей». Эта военщина, в сущности, и придала аргументам сторонников Екатерины решающий голос.

В ночь на 28 января Меншиков и Бутурлин, шефы первого и второго гвардейских полков, послали к старшим офицерам обоих полков с приказом «явиться без шума к ея императорскому величеству, – повествует Бассевич, – и в то же время [Меншиков] распорядился, чтоб казна была отправлена в крепость, комендант которой был его креатурой»¹⁸². Ночью же состоялось предварительное совещание приверженцев Екатерины и неопределившихся пока особ государства. «Обещания повышений и наград не были забыты, – пишет Бассевич, – а для желавших воспользоваться ими тотчас же были приготовлены векселя, драгоценные вещи и деньги. Многие отказались, чтоб не сочли их усердие продажным; но архиепископ Новгородский не был в числе таких, и зато первый подал пример клятвеннаго обещания, которому все тут же последовали, – поддерживать права на престол коронованной супруги Петра Великого.

¹⁸¹ Записки о России при Петре Великом, извлеченныя из бумаг графа Бассевича... Пер. с фр. И.Ф. Аммона. Москва, тип. Грачева и Комп., 1866, стр. 172-173.

¹⁸² Там же, стр. 174.

Архиепископа Псковского не было при этом. Его, как ревностного приверженца государыни¹⁸³, не было надобности подкупать, и она не хотела, чтоб он оставлял императора, которого напутствовал своими молитвами. Собрание разошлось, оставив других вельмож спокойно наслаждаться сном. Меншиков, Бассевич и кабинет-секретарь Макаров в присутствии императрицы после того с час совещались о том, что оставалось еще сделать, чтоб уничтожить все замыслы против ея величества»¹⁸⁴.

Через три часа после смерти Петра во дворец прибыли сенаторы, генералы и бояре решать вопрос престолонаследия. В зал заседания незаметно вошли гвардейские офицеры, которые, хотя и почтительно стояли у дверей, но не стеснялись выражать свое мнение в защиту Екатерины. Наконец под окнами дворца, где происходило заседание, раздался бой барабанов, и присутствующие увидели оба гвардейских полка. Фельдмаршал Репнин, сторонник кандидатуры Петра с гневом спросил: «Что это значит?.. Кто осмелился давать подобныя приказания помимо меня? Разве я более не главный начальник полков?» – «Это приказано мною, без всякаго, впрочем, притязания на ваши права» – гордо отвечал генерал Бутурлин [сторонник Екатерины], – «я имел на то повеление императрицы, моей всемилостивейшей государыни, которой всякий верноподданный обязан повиноваться, и будет повиноваться, не исключая вас»¹⁸⁵. Последовала немая сцена. Вошел Меншиков, вмешавшись в толпу. Наконец ситуацию разрядило появление самой Екатерины, «поддерживаемая герцогом Голштинским... После нескольких усилий заглушив рыдания», она обратилась к собранию со словами, «что, исполняя намерения вечно дорого моему сердцу супруга, который разделил со мною трон, буду посвящать дни мои трудным заботам о благе монархии до того самого времени, когда Богу угодно будет отозвать меня от земной жизни. Если великий князь захочет воспользоваться моими наставлениями, то я, может быть, буду иметь утешение в моем печальном вдовстве, что приготовила вам императора, достойного крови и имени того, кого только что вы лишились»¹⁸⁶.

Собрание ушло в другой зал, двери накрепко закрыли. Но после поддержки от барабана, дальнейший спор о правах уже мог иметь чисто академический интерес, и предложение Толстого считать Екатерину императрицею на основании акта коронования ее, как символического выражения воли монаршей о назначении ее наследницей, было принято единогласно, одними с восторгом, другими – скрепя сердце.

Сведения Лефорга по поводу восшествия на престол несколько отличаются: «Около восьми часов это собрание отправилось во дворец, где князь Меншиков представил их Ея Величеству. Они преклонили пред Нею колени, клялись в верности и представили письменно верноподданническую присягу. Ея Величество отвечала им очень ласково, обещая быть матерью отечества. Затем Она отдала приказание объявить о смерти Царя гвардейским полкам, собравшимся перед дворцом и о возшествии Ея на престол. Это печальное известие было очень трогательно, солдаты кричали: "Если мы лишились отца, то мать наша еще жива". Во все это время Царица выказала много твердости и величия души; Она даже сама объявила детям о смерти царя и представила сенату герцога голштинского. Прежде всего Она наградила присутствующие войска и флот, освободила много узников, даже заплатила их долги и совершила еще много добрых дел»¹⁸⁷.

¹⁸³ Впоследствии он разочаровался в прозападной политике Екатерины I.

¹⁸⁴ Записки о России при Петре Великом, извлеченныя из бумаг графа Бассевича... Пер. с фр. И.Ф. Аммона. Москва, тип. Грачева и Комп., 1866, стр. 175-176.

¹⁸⁵ Там же, стр. 177-178.

¹⁸⁶ Там же, стр. 178.

¹⁸⁷ Сборник Русскаго Историческаго общества. Том третий. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. СПб, 1868, стр. 400.

Сведения о молодости Екатерины I Алексеевны недостаточно достоверны. По наиболее распространенной версии родилась она 5 апреля 1684 г. в Литве, в крестьянской семье Самуила Скавронского и при крещении по католическому обряду получила имя Марта. По иным сведениям, она была дочерью шведского квартирмейстера Иоганна Рабе. Есть легенда, что ее мать принадлежала ливонскому дворянину фон Альвендалю, сделавшему ее любовницей, и Марта – плод этого мезальянса; существует другая версия, что она незаконнорожденная дочь полковника шведской армии Розена от его крестьянки, – в сознании современников никак не укладывалось, что супруга царя и императора могла происходить из простонародья, по мнению большинства, в ее жилах непременно должна была течь благородная кровь, и молва упорно приписывала ей если не знатное происхождение матери, то, по крайней мере, дворянскую кровь отца. Мать Марты, овдовев, переселилась в Лифляндию, где вскоре умерла от чумы. Судьбой сироты занялась ее тетка Анна-Мария Василевская, жившая в Крейцбурге. По одной версии она отдала девочку в услужение пастору Дауту, где та приняла лютеранство. По другой, Марта продолжала жить у тетки и в возрасте 12 лет поступила в услужение к мариенбургскому пастору Э. Глюку (известного своим переводом Библии на латышский язык; после взятия Мариенбурга русскими войсками Глюк, как ученый человек, был взят на русскую службу, основал первую гимназию в Москве, преподавал языки и писал стихи по-русски), где росла вместе с его детьми, помогала по хозяйству, была одновременно прачкой и кухаркой. Протестантский богослов и ученый лингвист, Глюк воспитывал ее в правилах лютеранской веры, но грамоте не научилась, и до конца дней она умела только ставить подпись. Есть известие, что Марта родила дочь от лифляндского дворянина Тизенгаузена, прожившую несколько месяцев. Дабы положить конец свободному поведению своей воспитанницы, пастор Глюк буквально накануне осады Мариенбурга (ныне Алуksне, Латвия) русскими войсками, выдал 17-летнюю Марту замуж за шведского драгуна Иоганна Крузе. Через день или два после свадьбы трубач Иоганн со своим полком отбыл на войну и по распространенной официальной версии пропал без вести, Глюк же со своим семейством и воспитанницей оказался на территории, оккупированной русскими.

Непосредственно как Марта оказалась у Петра I тоже существует не одна версия. По одной, 25 августа 1702 г. войска фельдмаршала Б.П. Шереметева осадили крепость Мариенбург. Комендант, видя бессмысленность обороны, подписал договор о сдаче крепости: русские заняли укрепления, а жители могли свободно покинуть город и уйти в Ригу – столицу шведской Лифляндии. Но в этот момент один из офицеров гарнизона подорвал пороховой погреб. Взрыв был огромный. Увидев это, Шереметев порвал договор, город был отдан на разграбление. Солдаты хватали пленных, грабили имущество. Марта оказалась пленницей одного солдата, а он продал ее некоему унтер-офицеру, который частенько ее бил. В обозе у русских солдат она была замечена командующим войсками Б.П. Шереметевым; унтер-офицеру пришлось подарить ее 50-летнему фельдмаршалу, сделавшему ее наложницей и прачкой. Потом к Марте воспылал любовью генерал Боур, но от Шереметева она досталась не Боуру, а влиятельному фавориту Петра I князю А. Меншикову, а от Меншикова Марта попала к Петру I.

По-другому повествует француз на русской службе Франц (Никита Петрович) Вильбуа (муж старшей дочери пастора Э. Глюка). Он сообщает, что жители города отправили монсеньера Глюка к Шереметеву, чтобы добиться от того приемлемых условий капитуляции. Глюк был принят фельдмаршалом вместе со всей своей семьей и слугами, в числе которых находилась и Марта, на которую фельдмаршал обратил особое внимание. «Узнав, что она была служанкой, – сообщает Вильбуа, – он решил взять ее себе против ее воли и невзирая на укоры монсеньера. Таким образом, она перешла из дома господина Глюка в дом фельдмаршала Шереметева... Прошло шесть или семь месяцев... когда в Ливонию приехал князь Меншиков, чтобы принять командование русской армией вместо Шереметева, который получил приказ срочно прибыть к царю в Польшу. В спешке он вынужден был оставить в Ливонии всех тех

слуг, без которых мог обойтись. В их числе была и Екатерина. Меншиков видел ее несколько раз в доме Шереметева и нашел ее полностью отвечающей его вкусу. Меншиков предложил Шереметеву уступить ему ее. Фельдмаршал согласился и, таким образом она перешла в распоряжение князя Меншикова, который в течение всего времени, проведенного ею в его доме, использовал ее так же, как тот, от кого он ее получил, то есть для своих удовольствий. Но с этим последним ей было приятнее, чем с первым. Меншиков был моложе и не такой серьезный. Она находила даже некоторое удовольствие от подчинения, в котором она пребывала... Так обстояли дела, когда царь, проезжая на почтовых из Петербурга... в Ливонию, чтобы ехать дальше, остановился у своего фаворита Меншикова, где и заметил Екатерину в числе слуг, которые прислуживали за столом. Он спросил, откуда она и как тот ее приобрел. И, поговорив тихо на ухо с этим фаворитом, который ответил ему лишь кивком головы, он долго смотрел на Екатерину, и, поддразнивая ее, сказал, что она умная, а закончил свою шутивную речь тем, что велел ей, когда она пойдет спать, отнести свечу в его комнату. Это был приказ, сказанный в шутивном тоне, но не терпящий никаких возражений. Меншиков принял это как должное, и красавица, преданная своему хозяину, провела ночь в комнате царя»¹⁸⁸. Проведя ночь с Мартой, утром Пётр уехал, «об удовлетворении царя, – продолжает Вильбуа, – которое он получил от своей ночной беседы с Екатериной, нельзя судить по той щедрости, которую он проявил. Она ограничилась лишь одним дукатом, что равно по стоимости половине одного луидора (10 франков), который он сунул по-военному ей в руку при расставании. Однако он не проявил по отношению к ней меньше обходительности, чем ко всем персонам ее пола, которых он встречал на своем пути, так как известно (и он сам об этом говорил), что, хотя он установил эту таксу как плату за свои любовные наслаждения, данная статья его расходов к концу года становилась значительной»¹⁸⁹. Однако Пётр не забыл ласок меншиковской пленницы. Вернувшись вскоре в Ливонию, он нашел случай вновь пообщаться с ней и затем забрал Марту к себе. «Без всяких формальностей он взял ее под руку и увел в свой дворец. На другой день и на третий он видел Меншикова, но не говорил с ним о том, чтобы прислать ему ее обратно. Однако на четвертый день, поговорив со своим фаворитом о разных делах... когда тот уже уходил, он его вернул и сказал ему, как бы размышляя: "Послушай, я тебе не возвращу Екатерину, она мне нравится и останется у меня. Ты должен мне уступить". Меншиков дал свое согласие кивком головы с поклоном и удалился, но царь позвал его во второй раз и сказал: "Ты, конечно, и не подумал о том, что эта несчастная совсем раздета. Немедленно пришли ей что-нибудь из одежды. Она должна быть хорошо экипирована". Фаворит понял, что это значило, и даже больше»¹⁹⁰.

Еще будучи у Меншикова Марта поняла, что Россия стала для нее новой родиной, где ей предстоит прожить очень долго. «Для того, – писал историк К.И. Арсеньев, – оставила веру своей родины и приняла Православие; усердно начала изучение Русского языка, и скоро успела в нем так, что казалось, будто всегда принадлежала к великой семье Русского народа»¹⁹¹. В 1705 г. Марта приняла православие и была нареченной Екатериной Алексеевной. Очевидно, что Пётр уже в это время имел на нее далеко идущие планы. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы тот факт, что крестным отцом Марты был сын Петра I – пятнадцатилетний царевич Алексей, а ее крестной матерью – сводная сестра царя Екатерина Алексеевна, сорокасемилетняя дочь Алексея Михайловича и Марии Мстиславской. С этого времени к Марте, т. е. Екатерине Алексеевне, все, кто ее знал, резко изменили отношение, ведь перед ними была крестница царевича и царевны и самый близкий человек к Петру I.

¹⁸⁸ Вопросы истории, №1. 1992. Рассказы о Российском дворе. Ф. Вильбуа. С. 142.

¹⁸⁹ Там же, стр. 142-143.

¹⁹⁰ Там же, стр. 143.

¹⁹¹ Арсеньев К.И. Царствование Екатерины I. СПб, тип. Имп. Акад. Наук, 1856, стр. 68.

В январе 1710 г. Пётр устроил триумфальное шествие в Москву по случаю Полтавской победы, на параде провели тысячи шведских пленных. В их среде, по рассказу Ф. Вильбуа был Иоганн Крузе, законный муж Екатерины. Иоганн признался о своей жене, рожавшей одного за другим детей русскому царю, и был немедленно сослан в отдаленный уголок Сибири, где скончался в 1721 г. Со слов Ф. Вильбуа существование живого законного мужа Екатерины в годы рождения Анны (1708) и Екатерины (1709) позднее использовались противоборствующими сторонами в споре на престол после смерти Екатерины I. В то же время по записи из Ольденбургского герцогства шведский драгун Крузе погиб в 1705 г., однако надо иметь в виду заинтересованность немецких герцогов в легитимности рождения дочерей Петра, Анны и Екатерины, которым подыскивали женихов среди немецких удельных правителей.

6 февраля 1711 г., отправляясь в Прутский поход, Пётр произвел помолвку с Екатериной, которая носила характер венчания, и теперь с ним в поход она впервые отправилась не как любовница Петра Михайловича, а как законная супруга царя. Правда, об этом знали лишь самые близкие к ним люди. Датский посланник Юст Юль со слов царевен (племянниц Петра I) так записал эту историю: «Вечером, незадолго перед своим отъездом, Царь позвал их, (Царицу и) сестру свою Наталью Алексеевну в один дом в Преображенскую слободу. Там он взял за руку и поставил перед ними свою любовницу Екатерину Алексеевну. На будущее (время), сказал Царь, они должны считать ее законною его женой и Русской Царицей. Так как сейчас, в виду безотлагательной необходимости ехать в армию, он обвенчаться с нею не может, то увозит ее с собою, чтобы совершить это при случае, в более свободное время. При этом Царь дал понять, что если он умрет прежде, чем успеет (на ней) жениться, то все же после его смерти они должны будут смотреть на нее, как на законную его супругу. После этого все они поздравили (Екатерины Алексеевну) и поцеловали у нея руку»¹⁹².

Помолвка была тайной, это было удобно и Петру, и самой церкви, которая не имела право их венчать, поскольку жена Петра, Евдокия Лопухина, была жива. Официальное венчание Петра I с Екатериной состоялось через год, 19 февраля 1712 г., после возвращения из Прусского похода и поездки в Польшу и Германию (когда к этому положению вещей все попривыкли). Церемония прошла в церкви Исаакия Далматского в Санкт-Петербурге. После чего Пётр узаконил своих дочерей Анну и Елизавету (еще раньше у них родились 2 мальчика в 1704 г. Пётр и в 1705 г. Павел, но они умерли). В 1713 г. Пётр в честь достойного поведения своей супруги во время неудачного для него Прутского похода (кроме истории с драгоценностями Екатерины, она отправилась в поход для поддержки Петра будучи на 7 месяце беременности) учредил орден Святой Екатерины и лично возложил знаки ордена на жену 24 ноября 1714 г. Первоначально он назывался орденом Освобождения и предназначался только Екатерине.

Необычайная сильная привязанность Петра к Екатерине объяснялась не только силой чувств, которые царь долгие годы испытывал к ней. Отдавая должное ее привлекательности, природному уму, душевному обаянию, стремлению быть единомышленницей, несомненно, любимого человека, нельзя не сказать, что Екатерина обладала и рядом необычайных качеств, облегчавших даже тяжелые недуги Петра, связанные с эпилептическими припадками. Бассевич писал в своих «Записках»: «Она имела также и власть над его чувствами, власть, которая производила почти чудеса. У него бывали иногда припадки меланхолии, когда им овладевала мрачная мысль, что хотят посягнуть на его особу. Самые приближенные к нему люди должны были трепетать тогда его гнева... Появление их узнавали у него по известным судорожным движениям рта. Императрицу немедленно извещали о том. Она начинала говорить с ним, и звук ея голоса тотчас успокаивал его; потом она сажала его и брала, лаская, за голову, которую слегка почесывала. Это производило на него магическое действие, и он засыпал в несколько

¹⁹² Записки Юст Юля датсакого посланника при Петре Великом (1709-1711). Сост. и пер. с датс. Ю.Н. Щербачев. Москва, Универ. тип., 1900, стр. 300-301.

минут. Чтобы не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжение двух или трех часов. После того он просыпался совершенно свежим и бодрым. Между тем, прежде чем она нашла такой простой способ успокаивать его, припадки эти были ужасом для его приближенных, причинили, говорят, несколько несчастий и всегда сопровождались страшною головною болью, которая продолжалась целые дни. Известно, что Екатерина Алексеевна обязана всем не воспитанию, а душевным своим качествам. Поняв, что для нея достаточно исполнять важное свое назначение, она отвергла всякое другое образование, кроме основанного на опыте и размышлении. Она никогда не училась писать. Принцесса Елизавета все подписывала за нее, когда она вступила на престол, даже подписала ее духовное завещание»¹⁹³.

Переживая за будущее своих реформ, в 1722 г. Пётр издал Указ о престолонаследии, которым объявлял право Российского императора передавать престол по своему усмотрению наиболее достойному приемнику, а не только старшему сыну: дело шло к объявлению Екатерины наследницей.

23 декабря 1721 г. Сенат и Синод признали Екатерину императрицей, а весной 1723 г. в честь нее Пётр назвал заложенный на берегах реки Исети крепость-завод Екатеринбург, сделавшийся в России крупнейшим центром по выплавке железа, а во времена Екатерины II настоящим городским центром. 7 мая 1724 г. в Успенском соборе Московского Кремля произошла коронация Екатерины, что стало на Руси второй коронацией женщины-супруги государя (после коронации Марины Мнишек Лжедмитрием I в 1605 г.) Для этой процедуры была изготовлена новая корона, превосходившая великолепием корону царя, сам Пётр возложил ее на голову жены. Все это, должно было увеличить моральное значение Екатерины в глазах подданных. Но после истории с Монсом отношения между супругами натянулись, а после смерти Петра I стороне Екатерины пришлось все же предпринять некоторое усилие для так называемого доказательства правомерности занятия ею трона, как продолжателя дела своего супруга.

Современное отношение к Екатерине I очень принижено. Историки считают, что так называемая кухонная императрица ни по своему кругозору, ни по деловым качествам не подходила для роли преемницы Петра I, одно только – не умела ни читать, ни писать. Якобы государственными делами после вступления на престол она почти не занималась, а все время уходило в основном на различные празднества. После смерти мужа Екатерина в полном смысле слова стала веселой вдовой. Возле нее появилось сразу несколько фаворитов, балы сменялись балами.

Однако, к примеру, Вильбуа другого мнения: «Пусть те, кто прочтет эти мемуары, думают, что хотят. Я скажу только, что если ее царствование и не было долгим, то оно было чрезвычайно спокойным; что она управляла своим народом с большей мягкостью, чем ее муж, следуя, однако, правилам и максимам этого государя; что она имела такое мужество и силу, какие мало присущи лицам ее пола [вспомнить только, как она не теряя самообладания помогла сильно растерявшемуся Петру в Турецкой кампании, а ведь Пётр про это в гневе забыл – авт.]; что ей нравился звон оружия и походы армии, в которых она всегда сопровождала своего мужа. Немногие умели прищипорить лошадь с такой грациозностью, как она. Имея необыкновенную склонность к навигации и флоту, она устраивала почти каждое воскресенье и по праздникам летом представление с морским боем. Она часто посещала арсеналы и верфи своего адмиралтейства. В 1726 г. она намеревалась (если бы ей не помешал ее советник) отправиться во главе своего флота сражаться с английским и датскими флотами, которые нахально подошли к ревальскому рейду под предлогом умиротворения северных дел. В правление Ека-

¹⁹³ Записки о России при Петре Великом, извлеченныя из бумаг графа Бассевича... Пер. с фр. И.Ф. Аммона. Москва, тип. Грачева и Комп., 1866, стр. 27.

терины Российская империя несколько не потеряла в своем величии. Именно ей обязан русский двор, приобщающимися к цивилизации, и великолепием, которое там теперь можно увидеть. Не умея ни читать, ни писать ни на одном языке, она говорила свободно на четырех, а именно на русском, немецком, шведском, польском и к этому можно добавить еще, что она понимала немного по-французски.

Ей не чуждо было чувство любви, и, казалось, она была создана для нее. Из-за своей красоты она пострадала от грубости морского офицера Вильбуа... Это был пьяный бретонец, забывший, кем она была... У нее не было недостатка, чтобы похвалиться своими постоянством и обходиться плохо с теми, к кому она проявила свою нежность. Она делала своих любовников своими друзьями, и доказательством этого является Меншиков, граф Лёвенвольд и Сапега. Она любила одного, а потом другого из этих двух последних в короткий двухлетний период ее царствования. Она умела владеть своим сердцем и чувствами или, лучше сказать, своими поступками. Что касается суеверий, то она несколько не уступала в этом своему мужу и верила в сны. Она была убеждена, что они нам посылаются, чтобы объявить о счастливых и ужасных событиях. Она рассказывала свои сны фрейлинам и требовала у них объяснений. Если они давали непонятные объяснения, то она говорила об этом за столом, чтобы все могли высказать свое мнение по этому вопросу»¹⁹⁴.

По этой характеристике видно, что Екатерина I по энергии не уступала Екатерине II, была продолжателем петровского дела, правда, без четко выработанного плана действий. А поскольку нет плана, остальные не решаются что-либо предпринимать, сюда следует добавить празднества, балы, любовные и различные другие интриги. Поэтому немудрено, что у других иностранцев при дворе могло сложиться впечатление бесшабашного веселья. Например, саксонский резидент Н.С. Лефорт в июле 1725 г. передавал свое изумление: «Невозможно описать поведения этого двора; со дня на день не будучи в состоянии позаботиться о нуждах государства, все страдают, ничего не делают, каждый унывает и никто не хочет приняться за какое-либо дело, боясь последствий, не предвещающих ничего хорошего... Дворец делается недоступным, полным интриг, заговоров а разврата»¹⁹⁵.

С избранием Екатерины дело партии старины не гибло, царевич Пётр Алексеевич, внук Петра I, по-прежнему оставался главным претендентом на трон, в случае оставления его императрицею. Поэтому оппозиции оставалось только дожидаться более благоприятного момента, который наступил уже в царствование Екатерины I: в лагере победителей начался раскол – птенцы Петра сплотились перед общей опасностью и возненавидели друг друга, когда стали делить добычу. Начал с неумеренных требований Меншиков, делец, преуспевший больше наглостью, чем талантами, в нападении на казенную собственность не меньше, чем на врага, умевший оказать действительно важную услугу лицу, но, вместе с тем, находивший случай вовремя напомнить об этой услуге, и заодно уже подсказать и достойную степень награды за нее.

За Екатерину он действовал напролом, главным образом, потому что его судьба и карьера были неразрывно связаны с нею, дважды обязанной ему: за сближение с Петром Великим и теперь за возведение на престол. Успех их общего дела вскружил голову Меншикову, который

¹⁹⁴ Вопросы истории, №1. 1992. Рассказы о Российском дворе. Ф. Вильбуа. С. 152. Вильбуа передает один сон Екатерины I: «Эти сны она видела прежде тех событий, которые они якобы объясняли. Первый сон она увидела за 15 дней до раскрытия ее интриги со своим камергером Монсом де ла Круа. Ей снилось, что она видит на своей кровати множество маленьких змей, которые приближаются к ней, подним головы и шипя. Среди них была одна огромной величины, которая обвила все ее тело с головы до ног. Сделав большие усилия, чтобы избавиться от нее, она сумела наконец задушить ее именно в тот момент, когда та собиралась ужалить ее в грудь. И тогда она увидела, как в один миг уползли и исчезли все остальные змеи... Она сама его объясняла так, что он предсказал ей большие неприятности, из которых она благополучно выпутается; что маленькие змеи означали большое количество мелких тайных врагов, которых она имела при дворце и над которыми она вскоре восторгается, когда избавиться от некоторых могущественных лиц, которые хотят посягнуть на ее жизнь и о которых она не могла догадываться» (там же, стр. 155).

¹⁹⁵ Сборник Русского Исторического общества. Том третий. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. СПб, 1868, стр. 415.

обнаглел от открывшейся возможности всего требовать за услугу. Его не только освободили от следствия, грозною тучей нависшее перед смертью Петра: ему простили наложенный на него штраф в сотни тысяч – он фактически стал руководить растерявшейся государыней, стал домогаться титула владетельного герцога Курляндии, настаивал почти властно на получении чина генералиссимуса, доказывая при этом, с циничной откровенностью, что этот чин столь же достойная награда для него, сколько и необходимый шаг для укрепления верховной власти: «Я прошу [звания генералиссимуса] не для себя, но для самодержавной власти вашего величества»¹⁹⁶, значилось в его прощении. И если не брать в расчет дружеские отношения между Меншиковым и Екатериной, то эти слова звучат почти как угроза!

Если так говорит Меншиков с верховной властью, то чего же можно ожидать от него в обращении с товарищами и подчиненными? Своим высокомерием при обсуждении государственных дел он приводит в бешенство Ягужинского, который публично в соборе обращается с жалобой к гробу Петра, говоря, что Меншиков обижает, и нет на него управы.

Он издевается над самим Правительствующим Сенатом, заставляя его потратить часы на обсуждение вопроса, чтобы в конце обсуждения объявить Сенату волю государыни, предпринявшей вопрос до обсуждения в Сенате в пользу мнения Меншикова: оскорбленные сенаторы грозят бойкотировать Сенат, где равный им член диктует им свою волю.

Основание трона Екатерины дает трещину. Противники не дремлют: пошли слухи о безволии Екатерины перед временщиком, заговорили о новом Годунове. Сам Феофан Прокопович (публицист) не без злорадства звонил об опасности от «малконтентов»: «Ныне многие негодуют, особенно за светлейшего князя [Меншикова, что ея величество изволила ему вручить весь дом свой, и Бог знает, что будет далее. Подождать мало: вот в скором времени у нас произойдет что-нибудь великое; про ея императорское величество говорят и то, что она иноземка и лютеранка. Когда императрица изволила смотреть строю, и в то время чуть ее из ружей не убили дважды, и пулею убило человека, который был от нея в полусажени, из чего видно, что многие ея величеству не благоприятствуют...»¹⁹⁷

Выстрелы в сторону императрицы на параде могли быть случайностью, но надежность «воинства» заставляла задуматься, тем более что на горизонте грозною тучей стояла южная армия под начальством популярнейшего генерала М.М. Голицына, смотревшего на все глазами своего старшего брата Д.М. Голицына, вождя старой партии и сторонника великого князя Петра.

До Тайной канцелярии стали доходить недвусмысленные слухи, что сторонники Петра собираются по ночам, агитируют в его пользу; австрийский двор благоприятствовал заговору, т. к. Австрийскому императору желательно было видеть своего внука на троне соседнего государства, в поддержке которого австрийский дом нуждался в наступающем для него династическом кризисе. Граф Толстой, «умная голова» Екатерининской партии, не на шутку обеспокоился: барометр Тайной канцелярии показывал надвигающуюся грозу, предотвратить которую дыбкой, казалось, невозможным. Нужно было спасать положение, хотя бы ценою уступок побежденной партии. Толстой предложил учредить при императрице Верховный Тайный совет, в который вошли бы представители обеих сторон.

8 февраля 1726 г. состоялся указ об учреждении Верховного Тайного Совета. Третьим пунктом устава этого Совета предписывалось: «Никаким указам прежде не выходить, пока они в Тайном Совете совершенно не состоялись...»¹⁹⁸ Непосредственно Сенат теперь перестал именоваться «Правительствующим», а был переименован в «Высокий Сенат». Самым же суще-

¹⁹⁶ Соловьев М.С. История России с древнейших времен. Книга четвертая. Том XVI-XX. Второе издание. СПб, Общественная польза, 1896, стр. 873.

¹⁹⁷ Там же, стр. 1043-1044.

¹⁹⁸ Там же, стр. 880.

ственным оказалось то, что три важнейших коллегии – Иностранных дел, Военная и Адмиралтейская – были изъяты из подчинения Сенату и переданы в ведение Верховного Тайного совета, получив, в отличие от прочих коллегий, название «Государственных». В Тайный совет на равных правах вошли А.Д. Меншиков, П.А. Толстой, Г.И. Головнин, Д.М. Голицын, А.И. Остерман. Новый орган возник в результате компромисса между группами Меншикова и князя Д. Голицына. Председателем Совета стала сама императрица, а практически решение дел сосредоточилось в руках самых влиятельных и приближенных – Меншикова, Головина и Остермана. В принципе, все были, по крайней мере, временно удовлетворены: с партией старины считаются, ее слушают; довольны были и «товарищи» Меншикова, который теперь под их бдительным надзором не мог вызвать носительницу верховной власти ни на какую вопиющую бестактность; доволен был и Меншиков, потому что с учреждением Верховного Тайного Совета, суживалась сфера его атак на высшие правительственные учреждения: то, что он раньше достигал столкновениями и влиянием в Сенате в трех автономных коллегиях (Военной, Адмиралтейской и Иностранных дел), теперь он мог проводить через один только Совет, имея на своей стороне его председательницу, Екатерину, и разделяя товарищей.

Зная тяжелое положение крестьянства, по докладу генерал-прокурора Ягужинского, императрица указом от 8 февраля 1725 г. «милосердя о Своих подданных» снизила подушную подать на 4 копейки. Сбор подушной подати отныне возлагался на воевод. С. Соловьев замечает: «Облегчение в платеже подушных денег, вывод военных команд: – вот все, что могло сделать правительство для крестьян в описуемое время. Но искоренить главное зло – стремление каждого высшего кормиться на счет низшаго и насчет казны – оно не могло: для этого нужно было совершенствование общества»¹⁹⁹. В 1726 г. после долгих обсуждений было решено перевести войска из деревень в города, главным мотивом чего послужило – «крестьянству будет великое облегчение». В целях большей экономии денег (облегчение крестьян привело к уменьшению доходов) было решено сократить расходы: в каждой коллегии оставили по 6 человек, причем половина их должна была без сохранения содержания жить по домам; Штатс-контору, ведавшую расходом денежных средств, подчинили Камер-коллегии, ведавшей приходом всех средств, в 1727 г. к ней же была присоединена Мануфактур-коллегия с мотивировкой, что ее члены без Сената не могут принять ни одного важного решения и только вводит страну в пустые расходы; в феврале 1727 г. Совет принял решение о ликвидации земского самоуправления: «как Надворные Суды, так и всех лишних управителей, и Канцелярии и Конторы земских Комиссаров и прочих тому подобных вовсе оставить, и положить всю расправу и суд по прежнему на Губернаторов и Воевод...»²⁰⁰ Тем самым власть воеводы вновь стала единовластной, снова устанавливалась жесткая вертикаль власти: уездный воевода подчинялся только провинциальному воеводе, а последний – только воеводе губернскому. Над всеми ими стоял губернатор, получивший право утверждать даже смертные приговоры. Постановлением от 23 мая 1726 г. чиновникам низшего уровня было приказано получать вознаграждение от челобитчиков: «а приказным людям, обретающимся в тех двух Коллегиях, также в Надворных Судах и Магистратских не давать, а довольствоваться им от дел по прежнему обыкновению с челобитчиков, кто что даст по своей воле»²⁰¹.

В актив Екатерины I следует занести и открытие в декабре 1725 г. Академии наук в Санкт-Петербурге, а также организацию по воле Петра I морской экспедиции В.И. Беринга и А.И. Чирикова на Дальний Восток для выяснения вопроса, где Камчатка «сошлась» с Америкой. Эта экспедиция продолжалась с 1725 по 1730 гг.

¹⁹⁹ Там же, стр. 893.

²⁰⁰ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том VII. 1723-1727. Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830, №5017, стр. 747-748.

²⁰¹ Там же, №4889, стр. 653.

В мае 1725 г. Екатерина учредила, еще задуманный Петром для награждения за военные заслуги, орден святого Александра Невского. Сначала он использовался для поощрения гражданских лиц, причем не самых высших, военных и государственных чинов, соответствующих примерно генерал-лейтенанту и генерал-майору. Однако уже в 30 августа 1725 г., в годовщину перенесения мощей Александра Невского, императрица жаловала орден себе, а также еще 21 человеку из высшей знати, в том числе Польскому королю Августу II и королю Дании Фредерику IV. С тех пор орден утвердился как награда для чинов от генерал-лейтенанта и выше за заслуги перед Отечеством.

В вопросе, касающемся одновременно и веры, и экономики Екатерина I поступала следующим образом. 26 апреля 1727 г. последовал строгий указ императрицы по поводу проживания в России евреев: «Жидов, как мужеска, так и женска пола, которые обретаются на Украине и в других Российских городах, тех всех выслать вон из России за рубеж немедленно, и впредь их ни под какими образы в Россию не впускать и того предостерегать во всех местах накрепко; а при отпуске их смотреть накрепко ж, чтоб они из России за рубеж червонных золотых и ни каких Российских серебряных монет и ефимков отнюдь не вывезли; а буде у них червонные и ефимки или какая Российская монета явиться и за оные дать им медными деньгами»²⁰². Этот указ не был реализован поскольку Екатерина вскоре отошла в иной мир.

За два года правления Екатерины I Россия не вела больших войн. Только на Кавказе действовал отдельный корпус под началом князя Долгорукова, стараясь отбить персидские территории, пока Персия находилась в состоянии смуты, а Турция неудачно воевала с персидскими мятежниками. В Европе дело ограничивалось дипломатической активностью в отстаивании интересов Голштинского герцога (мужа Анны Петровны, дочери Екатерины I) против Дании.

Россия вела войну с турками в Дагестане и Грузии. Замысел Екатерины возратить герцогу Голштинскому отнятый датчанами Шлезвинг привел к военным действиям против России со стороны Дании и Англии. По отношению к Польше Россия старалась вести мирную политику.

По свидетельствам, вступив на престол, Екатерина все чаще начинала болеть. Возможно, это были многочисленные так называемые бабьи хвори, которыми страдают многие женщины, не занятые конкретным ответственным делом, у которых случаются ночные балы и т. п. Вполне возможно, что Екатерина даже специально порой сказывалась больной, не желая принимать участие в каких-либо увеселениях, встречаться с кем-либо (обычное дело для лиц высокого положения). У всех иностранцев конечно ушки были на острие, они сразу в депешах передавали о плохом самочувствии императрицы.

Вот интересное сообщение от 22 ноября 1726 г. французского дипломата Маньяна: «26 [старый стиль] прошлаго месяца Царица присутствовала на обеде и на балу у молодого епископа Любскаго, оставалась там до 5 часов утра и была в прекрасном настроении. Правда, она не танцевала как недавно у Рабутина, но, надо думать, единственно по причине легких признаков опухали ног, появлявшихся иногда у Государыни. Очень возможно, что наводнение 12 ноября неблагоприятно отозвалось на этой легкой болезни: вода, ведь, с силою ворвалась в самую спальню Государыни, так что пришлось войти к ней в 9 часов утра и предупредить ее об опасности. Она спала крепким сном, ибо привыкла ложиться не ранее 4-5 часов утра. Многие говорят, а другие и не знают, что приключение это сильнее, чем само стоило того, напугало Царицу: соскочив с постели и уходя из спальни, она все оглядывалась назад»²⁰³. По этому сообщению видно, что у императрицы иногда случалось легкое отекавание ног, и что она ложилась под утро. Ни то, ни другое не является чем-то особенно губительным. С отекаваниями

²⁰² Там же, №5063, стр. 782.

²⁰³ Сборник Русскаго Историческаго общества. Том 64. Донесения французскаго полномочнаго министра при русском дворе, Кампредона, и агента Маньяна, за 1725 и 1727 гг. СПб, 1888, стр. 460.

ног доживают до преклонного возраста, что же касается позднего отхода ко сну, то, например, в наше время многие работают в ночную смену, и ничего, доживают до пенсионного возраста и дальше (Елизавета Петровна также ложилась под утро и процарствовала 20 лет). Конкретное недомогание, как свидетельствует Вильбуа и другие иностранные депеши, началось у императрицы месяца за два до ее кончины. Вот пример сообщения Маньяна от 8 апреля 1727 г.: «Хотя здоровье Царицы и принято считать превосходным, но Государыня до того ослабела и так изменилась, что ее почти узнать нельзя»²⁰⁴.

Екатерине было удобно, чтобы делами занимался надежный человек, не ей же в конце концов, вникать во всевозможные тонкости различных производств. И естественно, этим человеком стал Меншиков, сила и влияние которого росли день ото дня. Постепенно он становился уже не «полудержавным властелином» как при Петре I, а, пожалуй, почти самодержцем. Это заставило «верховников» опасаться того, что Светлейший скоро превратит их не более чем в марионеток. Образование Верховного Тайного совета несколько смягчили позиции Меншикова, но все равно, при поддержке императрицы, он оставался более влиятельной фигурой из всего его окружения. Ситуация складывалась таким образом, что его противниками, по существу, стал весь (за исключением императрицы) Верховный Тайный совет: его прежние сторонники по провозглашению Екатерины и оппозиция.

В поисках всеобщего компромисса внимание, конечно, было уделено вопросу династических связей и непосредственно преемственности царского трона. Дело подогревалось подметными письмами, направленными против указа Петра I от 1722 г., по которому царствующий государь имел право назначить себе любого приемника. Вместе с тем было слишком очевидно, что перед царевичем Петром все остальные кандидатуры меркли.

Остерман предложил женить внука Петра от первой семьи на дочери Петра от второй жены, на Елизавете, план более остроумен, чем практически возможен, и только характеризовал затруднительное положение господствующих партий. Екатерина с заклятыми врагами великого князя Петра всюду выдвигала, как свою опору, Голштинского герцога Карл-Фридриха, женившегося на старшей дочери Петра I, Анне. По всей видимости, последней с ее «десцендентами» и хотела передать трон. Находились и сторонники Елизаветы, прочившие ей в мужья Морица Саксонского.

Все эти комбинации не могли устраивать Меншикова, по той одной причине, что при их реализации сам Светлейший оставался как бы не у дел, и развитие дальнейших событий нетрудно было предвидеть. Вместе с тем, у Меншикова была старшая дочь, Мария, по возрасту подходившая для наследника трона, Петра Алексеевича. И Меншиков задумал произвести такой маневр, который ему едва когда-нибудь удался бы на поле брани: он изменил своей партии, стоявшей за Екатерину и ее дочерей, и перешел на сторону Голицына и Остермана, вождей партии великого князя Петра. Этот ход, поразивший его не совсем покорных друзей, попытавшихся взять его под надзор, был не столько актом мести Меншикова, сколько естественным выводом из создавшихся к этому времени «конъюнктур», был ход в сторону наилучшего обеспечения личных интересов. Перейдя на сторону своих врагов, он, с одной стороны, делал из них своих должников, с другой, втроем они составляли половину членов Верховного Тайного совета, а если учесть благотворность перед Меншиковым Екатерины, то Верховный Тайный совет, побочно направленный своим учреждением на ограничение своеволия Меншикова, становился игрушкой в его руках – так мало терял и так много приобретал Меншиков, изменяя своей партии.

Старые друзья предупреждали Меншикова против союза со старыми врагами, что они рано или поздно скажут ему: «Полно, миленький, и так ты нами долго властвовал, поди

²⁰⁴ Там же, стр. 548.

прочь!»²⁰⁵ Но Меншиков знал, что делал и с кем имел дело. Он даром не привык оказывать услуг и за поддержку партии Голицына потребовал согласия на брак своей дочери с великим князем Петром. Стать зятем и опекуном юного императора, законного наследника престола, это значило много более чем рассчитывать на скромную благодарность герцога Голштинского в рискованной борьбе за его интересы. При таком обороте дела и новые друзья не осмелятся сказать: «Поди прочь!»

Существовала еще одна личность, от которой зависело очень многое, сможет ли Меншиков привести свои замыслы в действительность. А именно сама императрица. Ее формальная санкция проекту была необходима хотя бы для заглушения мнений иного порядка. Но уступит ли она по привычке назойливым домогательствам временщика в ущерб интересам своей семьи. Для Меншикова, во всяком случае, это была сторона наименьшего сопротивления. К старым услугам, за которые Екатерина была обязана благодарностью, он присоединил поверх «фамильную»: уступил ей выходца из Польши Сапегу, присватавшегося к дочери Меншикова, для родственницы Екатерины, и за эту великодушную уступку потребовал награду, тоже в виде фамильного характера – в виде согласия императрицы на брак еще только великого князя Петра со своей дочерью.

²⁰⁵ Соловьев М.С. История России с древнейших времен. Книга четвертая. Том XVI-XX. Второе издание. СПб, Общественная польза, 1896, стр. 1016.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.